

ТРУБАЧЁВ О. Н.

Меняющийся мир и вечные слова

Волгоград
2009

УДК 800
ББК 81.2 Рус
Т77

Т77 Трубачёв О. Н. Меняющийся мир и вечные слова: методическое пособие для ОУ и библиотек г. Волгограда / сост. Г. В. Егорова, Е. Г. Дмитриева, И. А. Сафонова — Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2009. — 112 с.
ISBN 978-5-904776-01-5

Олег Николаевич Трубачёв — всемирно известный ученый, выдающийся языковед XX – начала XXI века. Исследования О. Н. Трубачёва ценны тем, что доступны не только для представителей ученого мира, но и для самой широкой читающей аудитории. В издание включены статьи О. Н. Трубачева о русском языке и о русской культуре, интервью с ученым и воспоминания о нем.

Для образовательных учреждений и библиотек г. Волгограда.

При составлении сборника были использованы статьи из книг: Академик Олег Николаевич Трубачев: очерки, воспоминания, материалы / гл. ред. Е. П. Челышев, сост. Г. А. Богатова, А. К. Шапошников. — М.: Наука, 2009; Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. — (*Opera etimologica*. Звук и смысл); Трубачев О. Н. Заветное слово. 2-е издание, исправленное и дополненное (Союз писателей России; состав. Г. А. Богатова, Ю. М. Лощиц. — М.: Информационно-издательская продюсерская компания «ИХТИОС»)

Редакция выражает благодарность вдове О. Н. Трубачёва Г. А. Богатовой за помощь в подготовке книги.

На обложке: академик О. Н. Трубачёв

ББК 81.2 Рус

© «Новая книга России», 2002

© Г. В. Егорова, Е. Г. Дмитриева, И. А. Сафонова.,
составление, 2009

ЧЕЛОВЕК СЛОВАРЯ

Олег Николаевич Трубочёв был великим языковедом XX и самого начала XXI века, всемирно признанным этимологом — разведчиком древнейших корней славянской речи, «человеком словаря». Но памятен он и долго будет любезен русскому и славянскому читателю также и тем, что, уже став ученым с мировым именем, не замкнулся в академическом коконе, но с энергией возвращенной молодости стал искать пути к самой широкой аудитории. Скорее всего, таким рубежом в его творчестве можно считать 1984 год, когда опубликованная в «Правде» статья «Свидетельствует лингвистика» открыла миллионам читателей Трубочёва-публициста. В итоге ученый оставил нам не только тома монографий, словарей, сотни выступлений в специальных филологических изданиях, но и богатое, несмотря на свою сравнительную компактность, публицистическое наследие. Именно это наследие не в последнюю очередь подсказывает нам, что мы вправе говорить об О. Н. Трубочёве как о великом гражданине России и выдающемся славянофиле наших дней.

Мы еще не вполне расстались со временами, когда само понятие «славянофил» считалось ругательным. Только совсем уж молодые люди могут не знать, что это был хлесткий ярлык тогдашней идеологии, одно из самых отрицательных ее определений в адрес всяческих реакционеров минувших дней. наших славянофилов XIX века, таких как Алексей Хомяков, братья Иван и Петр Киреевские, Константин и Иван Аксаковы, Юрий Самарин, Степан Шевырев, идеологи той эпохи старались представить как людей косных, старозаветных, национально ограниченных, как недоучек и льстецов перед царской властью. И это несмотря на то, что невооруженным взглядом видно: славянофилов отличала как раз энциклопедическая европейская образованность, а за отважность суждений по любым гражданским вопросам им доставалось от властей предрержащих гораздо больше и чаще, чем нашим тогдашним западникам.

Но сегодня русское общество уже выстрадало, заслужило право употреблять эти старые понятия — «славянофил», «славянофильство» — в положительном и благодарном смысле. И в широком смысле тоже, не связывая их только с группой замечательных единомышленников, живших в XIX веке, но и распространять эти понятия на будущее и на более глубокое прошлое.

Если смотреть на славянофильство как на духовное служение славянскому миру, то впервые такое призвание ярчайшим образом проявилось еще в IX столетии — в деятельности солунских братьев, равноапостольных «учителей словенских» Кирилла и Мефодия. Это были действительно самые первые за всю истории славянства славянофилы. Такое имя ими заслужено не только по их великой и беско-

рыстной любви к славянству, его языковым сокровищам, но и потому, что они жили идеей соборного соединения в единой вере и едином литературном языке разных славянских племен и наречий.

Эта же великая идея у нас на глазах осуществлялась в научных и публицистических трудах Олега Николаевича Трубачёва. Более того, по уникальности вклада в культуру славянства, по масштабу личности, по глубине осмысления общих истоков славянских наречий наши «первоучители» через мглу веков разглядели бы в Трубачёве, пожалуй, самого — за всю историю славянского мира — достойного из своих единомышленников и сподвижников. И пусть те, кто поспешит с усмешкой отмахнуться от такого фантастически звучащего предположения, попробуют для начала его опровергнуть и назовут другое имя или имена. По крайней мере, сам Олег Николаевич неоднократно в своих выступлениях, обращаясь к прошлому славянской культуры и научной мысли, поминая добрым словом Шафарика, Добровского, Срезневского, Штура или ученых более близких к нему по времени, чаще всего взывал, однако, к памяти именно великой солунской двоицы. То и дело оглядывался на их опыт всеславянского служения, на их слово о взыскуемом славянском единстве. Как никто другой в наше время, О. Н. Трубачёв чувствовал свое глубинное с ними родство.

Те, кто встречался и беседовал с ним в последние годы его жизни, знают, что он жил под натиском постоянных сильнейших огорчений. Всегдашняя академическая сдержанность все чаще изменяла ему — под напором боли за несчастный, на глазах деформируемый славянский мир. Он переживал не только из-за постоянных — и внутри страны и за ее ближайшими пределами — утеснений и оскорблений, которым подвергался восточнославянский монолит, или то, что еще недавно представлялось монолитом, а теперь походило на кучу обломков, близких к предельному раздроблению. Его угнетали вести, которые приходили с Балкан или из Чехословакии, или из других славянских стран. Угнетали прежде всего потому, что единство славянского мира было для него и исторической данностью, и идеалом, было его работой, смыслом его жизни.

Он видел этот происходящий у всех на глазах распад, чаще всего провоцируемый извне, но, несмотря на свою всеславянскую и даже всемирную известность, он почти не мог высказать свое мнение о происходящем вслух, громко. И переживал при этом то или почти то самое чувство, которое в эти годы переживали тысячи, миллионы наших сограждан. Можно ли представить ситуацию более оскорбительную? Обществу ежедневно внушается, что демократия победила, гласность торжествует. И в то же самое время высказаться громко, вслух нельзя. На слово русского человека о себе, о своей стране, о мире наброшен отвратительный цензурный намордник.

И все же он не сдавался. В своих лекциях, в статьях, публикуемых самыми ничтожными тиражами, продолжал настаивать на необходимости поисков славянского единства — в истории, в современности, в будущем. Идея единства была воздухом, которым он дышал. Она окружала его в повседневной кропотливой словарной работе с русским языком и со славянскими языками. Она постоянно навещала его в многолетних розысках подлинной прародины славянства, которую он искал и обрел не где-нибудь на задворках, а в самом центре Европы — на Дунае.

Та же самая идея окрыляла ученого, когда он приступил к определению и уточнению контуров громадного коллективного труда — «Русской энциклопедии». (Трубачёвские определения образа и состава будущей энциклопедии оставлены XXI веку в качестве научного и гражданского завета, к исполнению которого сегодня, увы, никто еще не решается приблизиться). Идея единства составила суть обнародованной О. Н. Трубачёвым концепции «Русского языкового союза». Знакомая с ней, мы переживаем очищающий душу порыв при последнем акте случившейся трагедии: да, СССР как держава разрушен, но держава русской речи как незаменимого средства межнационального общения жива, здравствует и будет жить в облике мощнейшей духовной скрепы. А значит, из трагедии может быть найден достойный выход.

Уверенность в этом не оставляла О. Н. Трубачёва ни на минуту. Ведь он был человеком особого закала. Двенадцати лет отроду, он, сталинградец, пережил ужас непрерывных бомбардировок волжского города и вел себя бесстрашно, судя по страницам его тогдашнего дневника.

Великолепное знание родного корнеслова, домашних и летописных преданий подсказывало ему, что Трубачёвы — старого казачьего рода. За кем-то из предков закрепилось это прозвище как за войсковым трубачем. Кто-то из тех Трубачёвых оказался в Сибири — среди сподвижников или последователей Ермака. До последних лет жизни, несмотря на академические вериги, Олег Николаевич Трубачёв любил ездить, и последний его выезд оказался самым по-казачьи решительным — на Камчатку, где он изложил в телевизионных беседах все главные идеи своей жизни.

Мы слишком привыкли к тому, что словарь, как таковой, по своему назначению есть справочник, подсобный материал. Чаще всего мы листаем словари лишь от случая к случаю, для разрешения вдруг возникших недоумений: как правильно пишется то или иное слово? То ли точно значение ему принадлежит, с которым мы привыкли его связывать? Достаточно ли верно употребляем редкостный фразеологический оборот? Можно ли подыскать к примелькавшемуся слову синоним? Это, конечно, чисто потребительский подход. Высокомерно-барственное отношение к словарю. С покорностью раба слово выскакивает для нас на миг и снова, за ненадобностью, плетется в свою

темницу. Мы не успеваем его разглядеть в лицо, схватываем лишь какую-то одну из его примет. А оно заслуживает лучшей доли, куда большего внимания. Об этом и напоминает нам ученый-этимолог.

И об этом же самом постоянно напоминают нам дети. Едва только научившись говорить, каждый ребенок принимается досаждать взрослым своими расспросами относительно смысла слов. Или сам придумывает новые, подчас смешные или диковинные, смыслы для слов всем известных. Мы как-то беседовали с Олегом Николаевичем на эту тему: дети и слова. Как и всегда с ним, какую бы тему ты ни затеял, его нельзя было заставить врасплох. Вот и тут он сразу же сказал, что проблема в мировой лингвистике обследована неплохо: детский лепет... детская речь... детские попытки выстраивать собственные этимологии... И назвал фамилии нескольких западных авторов, обращавших в своих работах внимание то на детскую заумь, то на термины родства в детской речи: ну, в первую очередь, такие, как *мама, papa, ma, pa...*

В принципе, когда занимаешься происхождением слов, очень даже важно вслушиваться в самые первые слова, произносимые ребенком. Ведь из поколения в поколение эти первые слова, как правило, одни и те же. Так, уходя по цепочке поколений вглубь времен, можно отшагать, не боясь заблудиться, не одно тысячелетие. Но этот чисто акустический замер (как далеко эхо отзовется?) все же не может быть универсальным, и этимолог обязан в своих разысканиях исходить из данности древнейших слов, отложившихся в родовой памяти, а много позже зафиксированных и на письме. Вот когда сегодняшнее детское *мама* отзовется в индоевропейском *mater*, тогда можно со вздохом радости объявлять: самое старое словесное родство для этого понятия обретено, отвоевано у неизвестности. И подтверждать надежность своего приобретения множеством примеров из других языков индоевропейской семьи: из санскрита, авестийского, древне-персидского, фригийского, греческого, старославянского, латинского, латышского, древне-прусского, древне-верхне-немецкого... И, конечно, из всех ныне существующих языков славянских.

Бог ли нашептал мальчику Олегу Трубочёву, что если он хочет начинать знакомство с иностранными языками, то пусть начнет с немецкого? Или Гёте его надоумил своим «Фаустом»? Или то была потребность, внушенная предвоенными тревогами, но мальчик начал самостоятельно, с недетской усидчивостью и серьезностью изучать самый, пожалуй, грамматически тяжелый, самый — на русский слух — немумзыкальный из современных европейских языков...

Необыкновенно продуктивна в его творческом наследии мысль о едином русском языковом пространстве, сохранившемся несмотря на распад СССР. О русском языковом союзе, который был и остается, несмотря на все политические и геополитические распады. Дейст-

вительно, что такое язык? Мы часто говорим о языке как о живом существе, но мы можем еще говорить о языке с помощью метафоры, уподобив язык некой «храмине» или храму. Если мы стоим на паперти или возле свечного ящика во время богослужения, то мы плохо или совсем не слышим то, что доносится из алтаря или с амвона или с клироса, но отчетливо слышим совершенно не нужные в этой обстановке разговоры по соседству с собой. В языке как в храме тоже есть свой алтарь. И этим алтарем был и остается и пребудет для русского языка — язык церковно-славянский. Это действительно наше святилище и это не мертвый язык. Это язык, пребывающий в своей когда-то раз заданной вещественной, уже освященной временем оболочке в кириллическом, привычном нам с детства написании. И когда Олег Николаевич слышал в последние месяцы своей жизни о попытках пошатнуть кириллицу и как-то поставить ее под сомнение или осмеять ее открыто и откровенно в публичных «антикириллических» выступлениях, то это его возмущало. И одним из плодов наших с ним размышлений на эту тему стала небольшая по объему статья-беседа «Латиница — миф или реальность?». Она была вызвана выступлением, которое было опубликовано в «Независимой газете». Автор ее — член-корреспондент Академии наук [С. А.] Арутюнов. Наша статья-беседа печаталась в малотиражных ныне газетах «Советская Россия», «Российский писатель» и в журнале «Новая книга России». Но теперь есть и интернет-вариант этой беседы на сервере «Русское воскресение».

Олег Николаевич перво-наперво сказал тогда, что Арутюнов, судя по всему, армянин, почему-то не предложит перевести на латиницу армянскую письменность, или грузинскую письменность, или какую-то еще из древних письменностей, благополучно в течение тысячелетий пользующихся своими родными народными письменными системами? Почему он принялся за кириллицу? В общем-то, понятно: это безусловно западный заказ, это одна из форм вытеснения русского, национального, православного из нашей жизни.

И таких форм вытеснения много: вытеснение с земли, вытеснение из информационного пространства, вытеснение из пространства телевидения. Впору прийти в уныние, глядя, как это все удастся, несмотря на существующее сопротивление в русской культурной среде.

Но Олегу Николаевичу свойственно было к каждой проблеме подходить с глубинным и тончайшим знанием деталей и подробностей. Он в нашей беседе говорил прежде всего о том, что латиница просто не способна более-менее сносно обслуживать русскую письменность, как неспособна с достаточной полнотой и простотой обслуживать современные западные письменности. Кажется, что латиница едина. Нас уверяют в том, что она с успехом работает и в Англии, и в Германии, и для французов с итальянцами, для поляков, испанцев, хорватов... Но

при ближайшем рассмотрении, и для этого не обязательно быть лингвистом, мы видим, что каждый из этих европейских языков изыскивал и изыскивает свои ходы и увертки для того, чтобы реализовать письменные потребности с помощью малобуквенной латиницы.

Олег Николаевич прямо говорил о том, что миф о всемогуществе латиницы — это громкое бряцание для малознающих и маловерных. И он различал в этом нашествии на кириллицу планомерное задание, которое осуществляется очень давно. Еще в XIX веке от кириллицы легкомысленно отказались румыны. Легкомыслие в том, что их православная письменность обслуживалась несколько веков все той же нашей кириллицей, как и изначальная письменность молдаван. Но отказались, и тут же понадобилось придумывать свои домашние усовершенствования для латиницы. Ведь в историческом аспекте латиница вторична, она исходит из той же греческой азбуки как дочернее произведение. Греческая азбука в эпоху эллинизма, а затем и в раннем средневековье пользовалась абсолютным авторитетом. И следы этого авторитета мы можем различить даже в письменностях, которые внешне не похожи на нее, потому что сам строй, буквенная последовательность греческой азбуки, отразились и в грузинском, и в армянском алфавитах, да и в кириллице тоже.

Перечитаем сегодня его избранные статьи, воспоминания и беседы. О своем авторе они свидетельствуют не только как о великом гражданине русского языкового союза. И не только как о выдающемся ученом наших дней. Его слово — подлинно писательское слово. И менее, и более опытным в литературном деле — всем нам есть чему поучиться, когда мы слышим эту благородную, необыкновенно точную и художественно выразительную родную нам речь.

Лоциц Ю. М.

О. Н. Трубочёв

РУСЬ, РОССИЯ

Вот уже более тысячи лет гремит это имя над землей. Все знают его, все знают, что оно означает. И, как часто бывает с общеизвестными и повседневными понятиями, употребляют не задумываясь, не сомневаясь в ясности и понятности. Однако тот, кто задумывался над происхождением и древним значением этого имени, имел случай убедиться, как далеко оно от ясности, как труден ответ на простой вопрос, один из основных вопросов нашей науки, да и не только науки, но и пытливого национального самосознания: откуда пошла Русская земля?..

Их было много — тех, кто задавался этим вопросом, и первым был Нестор-летописец, начавший с этого свою знаменитую Повесть временных лет. Нестор был политиком и мыслителем своего времени и, видимо, разделял ходячее мнение, будто вящей славе способствует иноземная родословная верхушки племени. Этим вызвано отождествление у Нестора варягов-норманнов с Русью («И идоша за море к варягом к Руси»), упоминание Руси в перечне рядом с готами и агнянами (англичанами). Так родился норманизм («От тех варяг прозвася Русская земля...»), родился, между прочим, в России, на Руси как проявление все той же неумной, типично русской пытливости. С тех пор утекло много воды, и в новое время теория норманнского (древнешведского) происхождения русского имени обросла огромной литературой, в основном за границами России, с этой литературой нелегко сладить даже ученому-специалисту. Но основа осталась та же, а она вызывает чем дальше — все больше сомнений. Искомого названия племени «рос» в Швеции обнаружить не удалось. Рослаген, собственно, «гребной, мореходный закон» — название прибрежной области Средней Швеции, отражает уже развитые феодальные повинности в самой Швеции и не может быть источником нашего имени Русь.

А главное — и это окончательно доказано усилиями советских историков — это то, что название Русь шло и распространялось не с севера на юг, а с юга на север, т. е. тем же магистральным днепровским путем, которым вообще шло начальное освоение нашей Родины нашими предками — славянами. Объем понятия Русь ширился постепенно. И теперь еще наш современник за Уральским хребтом традиционно представляет себе Россию лежащей к западу от Сибири, хотя все это — и к западу, и к востоку — давно обретается

в России, Российской Федерации. Начиналось все с относительно малого пространства на юге от Киева, рано перекинулось по обоим берегам Среднего Днепра и лишь потом, хотя тоже довольно рано, охватило земли южнее Ильменя (Русса, Старая Русса).

Иногда акцентируют — в противовес означенной выше норманистской теории — возможные исконно-славянские истоки названия Русь (ведь русские — славянский народ) и ищут связь со словами «русый» (так сказать, народ светловолосых, блондинов) или же думают о слове «русло» (жили издревле на реках). Увы, это только похоже на правду, и русый, и русло (или его корень) знают другие славяне, а название Русь родилось только на юго-восточной периферии древнего славянства. Периферия не значит глушь, и здесь, на этих просторах земли к северу от Черного моря, которые в старину звались южнорусскими степями, кипела жизнь, складывались формы межплеменного общения и свои традиции наименований. Еще эти степи называют скифскими и сарматскими, но их этническое прошлое было богаче. В VI в. на этих берегах упоминается народ рос, а также росомоны, с которыми (а также с роксоланами) пытался связать нашу Русь не кто иной, как Ломоносов.

Конечно, трудно сказать сейчас, кто были эти народы, от которых едва дошло до нас одно название. Никто всерьез не может прямоком производить от них Русь. Роксоланы правдоподобно толкуются как «белые аланы», при этом вспоминают об осетинском слове «рухс» — «светлый». Такая версия происхождения имени нашего народа тоже существует и с переменным успехом дебатруется. Все хорошо, но есть детали, незначительные лишь на первый взгляд. Дело в том, что в древности осетинское «рухс» звучало как «раухшна» в устах иранских по языку скифов, сарматов, аланов нашего юга. Русь отсюда объяснить нельзя... Необходимо предположить (также и по другим данным, которые здесь опускаем), что рядом с иранцами-скифосарматами и, помимо них, в Северном Причерноморье обитали другие племена, которые называли белый цвет близким, не самобытным словом, оставившим след в этнонимах (племенных названиях) этого района.

В уже упомянутом «рос» (VI в.) отражено, возможно, индоарийское (праиндийское) «рукш», или его диалектный, народный вариант «русс». Итальянские старые карты знают на берегу западного Крыма название «Россатар», которое мы читаем с помощью древнеиндийских данных как «Белый берег».

Как эквивалент ему — древнерусское Белобережье — известно по соседству, в устье Днепра. Предки индийцев на юге Украины! Не слишком ли сильное допущение? Нет, не слишком, потому что наши (славянские, иранские, индийские) общие предки когда-то жили именно где-то здесь. В общих чертах это известно давно. Но науке нужны новые факты, чтобы лучше знать, как общались друг с другом, когда разошлись своими путями и кто и сколь долго оставался на старых местах.

То, что для славян было юго-восточной окраиной, для северопонтийских племен было западом и северо-западом. В некоторых языках заметно до сих пор обыкновение звать запад белой, светлой стороной (свет солнца дольше держится на западе). В первые века нашей эры Северное Причерноморье было западом для многих кочевников, двинувшихся в великое переселение с востока. Белый берег, Белобережье, Рос — так обозначалось это на разных языках общавшихся между собой племен этого района. Здесь, по-видимому, и зародилось название Русь — «Белая сторона» — с забытым ныне значением. Естественно думать, что забылось оно лишь со временем, не сразу, что должны в таком случае отыскаться, хотя бы косвенные и старые, следы такого понимания.

Вот, пожалуй, один из них. Так называемая Степенная книга содержит место, не привлекавшее до сих пор должного внимания: «Русы, иже и кумани живущи во Ексинопонте», т. е. буквально — «Русы, которые также куманы, живущие в Причерноморье». Казалось бы, что за несуразное отождествление русских и куманов (половцев)! Но тюркское «куман» значило «светлый», и это понимали на Руси, именуя их еще и половцами «светлыми» (разумеется, не за цвет волос или лиц, ведь речь идет о монголоидах). Между этими известными фактами все еще не сделана увязка, кажущаяся нам необходимой. Дело в том, что тюрки-кипчаки стали куманами (половцами), как будто только попав в орбиту Древней Руси, вступив в Северное Причерноморье, в «Белую сторону» (с XI в.). Тюркский элемент имелся здесь и до них, и они восприняли от него межплеменное обозначение этой страны, став куманами, т. е. «светлыми», «западными» и, если угодно, «русскими» тюрками.

Русь изначально была юго-восточным форпостом славянства, и это отпечаталось в ее названии. Языкознание вносит свою лепту в изучение истории народа. В одном названии порой сфокусирована целая эпоха. «Кто верно истолкует название Руси, тот

получит ключи к разъяснению ее первоначальной истории», — сказал в свое время знаменитый польский ученый Брюкнер. И он был прав.

МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР И ВЕЧНЫЕ СЛОВА

Будучи приглашен однажды сказать слово о словарях на лексикографическом семинаре перед студентами Государственной академии славянской культуры, я крепко задумался об этом предмете, потому что работа над словарями уже забрала половину моей жизни, а это вовсе не значит, что говорить будет легко, напротив, — колеблешься, не знаешь, с чего начать, а раз начав, впору убояться идущих на тебя валом мыслей, реальностей, проблем, притом что все это заслуживает, требует, чтобы сказано было о нем достойно, в достойных выражениях.

Каждый пишущий, наверное, согласится, что писать становится не легче, а труднее, именно сейчас, во времена массовой культуры, всевластия массовых средств информации, в эпоху массового употребления хороших и красивых слов и всяческого ускорения нашей жизни и деятельности.

Грозное убыстрение темпа всего, что мы делаем и говорим, пишем, печатаем, читаем, несет не одно лишь благо, но и отрицательные синдромы. А человек приспосабливается к частоте и суете, к этой ускоренной оборачиваемости лексического фонда, он уже целую отрасль словарного дела успел организовать — небывалые прежде частотные словари. Там можно почерпнуть сведения о том, какие слова мы употребляем слишком усердно, а какие наоборот — редко. Некоторые слова, добавим, перестали употребляться совсем. Они выпали из речи, из современных массовых текстов, на которых по большей части построены частотные словари.

За наиболее частотными и порой, увы, избитыми словами стоят нередко понятия вечные и прекрасные. Эти понятия страдают и в чем-то проигрывают от поношенности словесных одежд, в которые мы их день за днем одеваем. Об этом надо думать, тем более, что язык обладает синонимами, их тоже изучают, собирают. Так возникли словари синонимов. Что же, вещь, наверное, полезная для массового читателя, служащего, мающегося над литературным слогом документа, для редактора, пребывающе-

го в вечном страхе, чтобы одно слово не повторялось более трех раз на странице, для рядового литературного сотрудника, наконец (я всячески старался избежать упоминания «рядового литератора», но почему бы не заглянуть правде в глаза, так что — и для последнего тоже). Совсем не так, думаю, работает Мастер слова, ему эти частотные и синонимические словари не указ, у него все синонимы — в голове, а вся частота лексем — в сердце, он может и не афишировать, как говорят, этих своих самодовлеющих качеств, но факт остается фактом, и именно это делает его Мастером. Он способен и на гораздо большее, многим совершенно недоступное и загадочное: я имею в виду воссоздание, оживление забытых, утраченных смыслов слов, которое — пусть не часто — встречается в выдающемся образом организованной художественной речи. Тестом гениальности такого мастера художественного языка, как Лев Толстой, могут служить его слова о Стиве Облонском. У Толстого сказано, что Стива чувствовал себя «физически веселым». Толстой едва ли знал об этимологическом родстве русского слова *веселый* и латышского *vesels* 'здоровый', но он пронизательно увидел эту потенцию употребления слов *веселье*, *веселый*, не дав себя сбить нынешним значением эмоциональной игривости, банальным и этимологически не первоначальным для этого русского слова. Так что не выдающимся поэтам, не им предназначены словари рифм (есть и такие, они, собственно, сродни научным обратным словарям, а эти последние зародились в недрах классической филологии как вполне практическое пособие в прочтении дефектных греческих и латинских надписей, когда по уцелевшему концу слова нужно бывало восстановить его осыпавшуюся часть).

Но — если литературный язык и его лексикон развиваются и расцветают в немалой степени благодаря вершинным индивидуальным творческим достижениям, то живет он и его культура главным образом в употреблении массового читателя и носителя. Этот последний и есть главный адресат перечисленных нами видов словарей. Вообще само появление и существование специальных видов словарей есть, разумеется, ответ на возрастающие и все более утончающиеся потребности человека читающего, нашего современника. Они, эти ответы, родились в исследовательских лабораториях словарной индустрии, причем некоторые из них сохранили свое лабораторное предназначение (я имею в виду словообразовательные, грамматичес-

кие, фразеологические, словари антонимов, паронимов), другие в большей степени обращены уже к широкому читателю (орфографические, орфоэпические словари). Но все равно и в том, и в другом, и в третьем случае речь идет, конечно, о частных словарях, и об их надобности нужно судить без излишней экзальтации, не преувеличивая ее, эту надобность. Вообще ничего не стоит преувеличивать. Даже синонимы, синонимия — эта важнейшая категория словаря и языка, важность которой видна во многом, читаем ли мы, переводим ли с языка на язык или исследуем язык как специалисты, — это тоже категория, имеющая свои пределы. Я говорю это к тому, что есть не только вечные, неустаревающие понятия, словесные выражения которых устаревают, но и вечные слова. Интересно отметить, что изнашиваемость и обрастание синонимами больше свойственно для лексики, обозначающей человеческое общество, этот вечно меняющийся мир, и всякие примыкающие сюда понятия, и, наоборот, у слов *солнце*, *день*, *свет*, *земля* в сущности нет синонимов в настоящем смысле (поэтические иносказания вроде пушкинского «дневное светило» для солнца лишь подтверждают своей условностью мою мысль). Бессинонимичность, так сказать, экологической лексики, этих вечных слов, обозначивших вечные явления природы раз и навсегда, куда жив русский язык, — в моих глазах, если хотите, проявление великой мудрости народа, коллективного носителя языка, который таким неброским, но очень точным способом схватил и выразил разницу между своим скоротечным существованием, вся главная сила которого — в воспроизведении себя, своего потомства, своего языка, и тем, что вечно, что было до нас, будет после нас.

Так и со словарями, хотя только что прозвучавшая аналогия, я согласен, не очень соразмерна; однако и тут мы видим роль специальных, частных и, скажем, не претендующих на долговечность словарей вроде тех, о каких мы упоминали (самые массовые — орфографические живут от реформы до реформы, от издания к изданию), а с другой стороны, или, вернее, в центре всего того, что мы бегло называли словарной индустрией, возвышаются словари языка, т. е. словари в собственном, изначальном смысле. Правда, человеческая мысль не сразу, лишь в итоге долгого развития пришла к высшему типу словаря — толковому, или объясняющему словарю одного языка. Этот тип, по-видимому, останется главным и в будущем, независимо от техноло-

гии составления — ручной или машинной. Толковый словарь национального языка, этот наиболее совершенный продукт лексикографической теории и практики, сам развился и произошел из переводного — как правило, двуязычного словаря, насколько известно, древнейшего из всех донныне существующих типов словарей. Собственно, древнейший вид словаря — вообще — это список непонятных слов другого языка с переводом на свой язык (вспомним аналогичные древнерусские азбуковники). Двуязычная лексикография, начавшись, таким образом, в глубокой древности, неизменно процветает и сейчас. Неслучайно существует мнение, что главное, чего ждет от лингвистов широкая общественность, — это словари. Даже в большей степени, чем грамматики. Как это ни странно на первый взгляд, составить переводной двуязычный словарь, где лексика одного языка переводится эквивалентной лексикой другого языка, — в целом легче, чем составить словарь одноязычный толковый. Это видно из того факта, что толковые словари — младшие ровесники своих национальных языков. В Европе они — не старше XVII в. Это видно также из того, как постепенно, не сразу толковый словарь языка освобождался от атрибутов двуязычности, какими оставались переводы значений слов на другой авторский язык региона (так, в Польше, Чехии — на латинский, немецкий; словарь болгарского языка Н. Герова, сам по себе толковый, включает регулярно русские эквиваленты, переходный тип — от дву- и трехязычного к толковому одноязычному имеет еще сербохорватский словарь Вука Караджича). В одном пункте толковая лексикография европейских языков сохранила атрибут двуязычности до сих пор, я имею в виду потребность четкого определения названий животных и растений. В самом деле, если определить русское слово *лютик* как ‘растение *Ranunculus sceleratus*’, т. е. с международным толкованием на научной латыни, по линнеевской системе, то гораздо меньше шансов спутать его с чем-нибудь другим, сравнительно с многословным описанием, хотя бы в известном четырехтомном «Словаре русского языка»: лютик. Травянистое растение с ядовитым соком и, преимущественно, желтыми цветками. Ведь и сурепка — тоже ‘травянистое растение с желтыми цветками’ (тот же словарь), а одна из сурепок горька, и вообще «растения эти схожи, потому путаются», как сказано у Даля о видах сурепки. Помню, когда я пытался на одном обсуждении указать на расплывчатость по-

добных описаний, мне возразили в том духе, что, мол, «латынь из моды вышла ныне». В этом наша толковая лексикография шагнула, таким образом, дальше других европейских, представляя наиболее законченный тип толкового словаря. Замечу, что при этом не обошлось без некоторых курьезных потерь или, по крайней мере, неточностей. Так, упоминавшийся четырехтомный словарь определяет *лань* как ‘парнокопытное млекопитающее рода оленей, отличающееся стройностью тела и быстротой бега’, а также ‘самка этого животного’. Между прочим, Даль, наш первый «Толковый словарь живого великорусского языка», был, пожалуй, более точен, когда писал о том, что лань «вообще самка оленя, корова» и лишь «ошибочно» — вместо чубарый олень, *Cervus dama*, т. е. Даль не брезговал и научной латынью, когда она требовалась. В других языках для чубарого оленя, лани *Cervus dama* есть особые названия: нем. *Damhirsch*, чеш. *daněk*. Вообще с названиями оленей не повезло не только нашей лексикографии (слабо отражено, например, интересное слово *козуля*, я писал о нем специально в новых дополнениях к III — IV томам нового издания словаря Фасмера; у Даля дано только вторичное по своей форме *козуля*), но и словарному составу, ср. тот факт, что одним словом *олень* мы обозначаем совершенно разных животных — оленя благородного *Cervus elaphus* и северного оленя *Rangifer tarandus*.

Но это — к слову, а вообще именно описание значений слов синонимичными средствами того же языка, которое мы видим в современных толковых словарях, дало толчок теориям семиотики («всякое значение есть перевод знака в другую систему знаков») и трансформации. Для нас сейчас желательнее задержаться мысленно лишь на феномене перевода. Почему? Потому что во мнении некоторых теоретиков необходимость перевода означает сама по себе, что мы уже имеем дело с другим языком. Правильно ли это? Для тех, кто так утверждал, древнерусский язык был «другим языком» в отношении к современному русскому языку, но, думаю, что это мнение нельзя принять в столь безоговорочной, заостренной форме. Ведь феномен перевода, т. е. передача значения слова, особенно слова менее понятного, синонимическими средствами языка описания, наблюдается сплошь и рядом в рамках толкового словаря современного русского языка, а значит — в рамках одного и того же языка. Просто при передаче значений древнерусских слов приходится прибегать к не-

сколько большему числу отличных синонимов, но это различие, согласимся, не носит принципиального характера. Оно говорит прежде всего о том, что мы вступили в другой, более отдаленный период жизни того же языка и фактор времени языковой эволюции дает о себе знать сильнее, по мере нашего углубления в древность. Вот почему — и я хотел бы отметить это особо — я считаю научно правильным название «Словарь русского языка XI — XVII веков», таким же правильным, как известная современная концепция непрерывного развития русской письменности и литературы с X — XI по XX в.

Русская лексикография идет своим путем, не повторяя западноевропейский опыт. В то время как там нередко история и этимология слов, как, впрочем, и лексика народных говоров, бывают слиты воедино с лексикой современного литературного языка, у нас существует традиция трактовать все эти аспекты раздельно. Это я говорю единственно для того, чтобы нас морально не очень угнетала цифра 450000 словарных статей оксфордского словаря английского языка. В сумме всех разновидностей (этимологические, исторические, диалектные, толковые словари) и русская лексикография наберет не меньше. Наше столетие оставит читателю, исследователю словари, по которым можно будет проследить историю слова от праславянского состояния до его новейшего употребления конца XX в.. «Этимологический словарь славянских языков» (вышло 24 тома) реконструирует праславянский лексический фонд. Происхождение русских слов дают этимологические словари русского языка, назову один из них — «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера, вышедший недавно уже в третьем издании в моем переводе с дополнениями, а также с новым послесловием. Историю слова по письменным источникам можно проследить в «Словаре русского языка XI — XVII в.» (вышло 23 тома). С 1980-х гг. в Петербурге начал печататься Словарь русского языка XVIII века, а с начала 1960-х гг. — капитальный «Словарь русских народных говоров» (вышел 31-й том), начатый еще Ф. П. Филиным, своего рода «второй Даль».

Вышеизложенное, может быть, не совсем похоже на «Похвальное слово о словарях», хотя, не скрою, такой замысел и посещал меня вначале, и — как образцы на недосыгаемой высоте — мне мерещились Похвальные слова первоучителям славян Кириллу и Мефодию, чью светлую память, кажется, начинает ре-

гулярно отмечать и наша культурная общественность, но они — эти Похвальные слова — так и остались недостижимыми, ибо писавшие их не ведали сомнений в святости тех великих, кто сложил первые буквы и перевел первые книги в ту героическую эпоху, когда еще не было никаких словарей. Мы же, как сейчас принято, стараемся объективизировать свои суждения о предмете, видим, как нам кажется, не одни плюсы, но и минусы во всем, о чем судим, хотя при этом (кто знает?), быть может, от нас порой ускользает человеческий фактор — если не «святости», то настоящего, трудного подвижничества тех, кто делал словари вчера и кто делает их сегодня.

СЛОВО О «РУССКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ» И НЕКОТОРЫХ БИБЛЕЙСКИХ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ¹

Не имея ни возможности, ни намерения вдаваться здесь в историю вопроса, ни тем более — предрекать его будущее, скажу лишь, что эта общественная инициатива родилась в годы последней нашей смуты, родилась (если иметь в виду внутреннюю сторону проекта) из собственной славистической словарной практики. Проект носит название «Русская энциклопедия» (РЭ), а не Российская, и это отличие концептуально, ибо русский и российский — разные слова и понятия: русский язык, русская литература, русская культура называются только так и не могут быть переименованы при всем чем-либо желании. И это очень важно для нас, потому что, говоря о РЭ, мы говорим прежде всего о русской культуре, тогда как российское — это все, что связано с Россией, и его административно-территориальный смысл ясен, если в своих суждениях не идти от лукавого. Потому что лукавили, когда почти всё русское заменили «советским», лукавят теперь, в годы смуты, когда едва высвободившееся из-под советской атрибутики русское спешно нарекают по возможности «российским», а то и «евразийским». В этих играх в слова гораздо больше политики, чем может показаться на первый взгляд.

Возвращаясь к концепции РЭ, отметим, что она задумана как универсальная, а не специальная (отраслевая) энциклопедия, ка-

¹ Выполнено по приглашению Императорского Православного Палестинского общества в сентябре 1994 г.

ких много в наше время. Это усложняет нашу задачу, но культура — понятие универсальное. РЭ призвана отобразить русскую картину мира, имея в виду русскую языковую (лингвистически релевантную) картину мира, т. е. не только «всё о России», но и рецепцию множества феноменов мира внешнего, что тоже входит, с большей или меньшей степенью органичности, в бездонное понятие русской культуры. Сказав о русской языковой картине мира, мы как бы определили возросшую роль филолога в создании проектируемой энциклопедии, — мысль, которой мы руководствовались при написании также нижеследующих заметок. Тема заметок не позволяет давать волю своим чувствам, и все же как не сказать о том смешном и горестном впечатлении, которое оставляет раздуваемый средствами массовой информации образ русского фашизма, ими же и слепленный. Ведь правда не в этих происках, а в неизменно пророческих словах пушкинской речи Достоевского: «Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности». Задав вопрос о параметрах русской культуры, назовем их кратко: это открытость миру, или космизм, далее — софийность, или интерес к вечным вопросам, и соборность, или примат коллективного начала. Последнее любопытно вскрывает, например, филологический (этимологический) анализ ключевого слова славянской и русской культуры — *свой, свои* (люди).

Оставаясь универсальной, РЭ, по-видимому, должна будет остановиться на усредненности подачи информации, адресованной широкому читателю. Что касается такого филологического по своей сущности вопроса, как словник энциклопедии, неизбежно констатируется факт, что словник РЭ априори недоступен нашему непосредственному наблюдению именно по причине отмеченной универсальности. Говоря кратко (а за этой краткостью стоит опыт многосложной реконструкции праславянского лексического фонда для всех славянских языков), в случае с универсальной РЭ реален только путь двухступенчатого построения всего словника. Он мыслится как сумма частных словников отдельных дисциплин, осуществляемых силами специальных секций, числом в два-три десятка. Не стану их здесь перечислять, это выглядело бы как приблизительный реестр наук, с теми или иными оговорками. Опущу и перечень типов статей, сам по себе достаточно традиционный. Важнее сказать, что центр тяжести предлагается переместить на секции, придав им свободу в выработке и трак-

товке своих словников. Свой предмет знают всегда лучше специалисты, а не центральный штаб какого бы то ни было уровня. У последнего хватает своих координирующих функций, среди них — сведение мини-словников секций отдельных дисциплин в единый макро-словник будущей РЭ. Но до этого идеального этапа сейчас далеко, еще не заработали все секции или хотя бы их большинство, и речь пока идет о некоем трудноосуществимом идеале, впрочем — идеале продуманном. Он называется академический проект «Русская энциклопедия».

Эта общественная (повторюсь) инициатива, рассчитанная на деятельность общественных секций, может находить и находит уже сейчас выход в сериях и рубриках журнальных публикаций (в журналах «Народное образование», 1990 г., «Русская словесность» и некоторых других). Еще эффективнее издание тематических сборников в форме словарей под грифом «Русская энциклопедия». В 1994 г. вышел первый такой сборник, носящий все атрибуты РЭ: «Русская ономастика и ономастика России. Словарь». М.: «Школа-пресс», 1994, тираж 50 000, около 150 статей. Это тематическое направление РЭ должно быть продолжено, и мы отчасти делаем это в своих нынешних заметках (о чем — ниже). Ждет своей публикации «Археологический словарь (славяно-русские древности)», специальный пробный том «Русская энциклопедия: Р—» (100 статей). Конечно, это пока капли в море информации. Человек требовательный вправе спросить: нужно ли все это и насколько вообще действительны наши усилия? Но, как бы мы ни отвечали на этот вопрос, должно быть ясно, что ни ныне живущее, ни, тем паче, последующее поколение не удовлетворилось бы, скажем, четвертым изданием «Большой Советской энциклопедии», даже если в нем кое-что подправить *ad hoc* и переименовать в «Большую Российскую энциклопедию» (как, собственно, и сделали, во всяком случае, издательство «Советская энциклопедия» в «Российскую энциклопедию» уже переименовали¹). Боюсь, ничего глубокого и принципиально нового мы от такого переименования не дождемся. Готов поручиться, что это будет все та же плохо закамуфлированная

¹ От внимания читателя, надеюсь, не ускользнуло (см., например, газ. «Известия»), каким скандалом на наших глазах оборачивается предприятие «Большой российской энциклопедии», этого эпигонского продолжения БСЭ, с убогим вакуумом вместо концепции.

боязнь, как бы русская специфика, избавь бог, собой что-то другое не заслонила и не перевесила. Но спрашивается, какая еще более достойная задача может быть у подобной энциклопедии, если не презентация и, более того, раскрытие специфики русской культуры. И негоже вливать в ветхие мехи вино новое. Одним словом, нужна Русская энциклопедия. Эта истина, думаю, пребудет, даже если наши нынешние фактические результаты будут признаны откровенно недостаточными, чего я вовсе не исключаю, как не исключаю и того, что те, кто пойдет в этом деле дальше нас, продолжит, надеюсь, с того места, где остановились (или остановимся) мы, при обязательной презумпции, что речь идет о людях, честно помышляющих о русской культуре, а не об эксплуататорах и узурпаторах идеи.

Я не сказал еще о независимости нашей общественной инициативы («выше нас только небо!»), чем я горжусь больше, чем всеми мыслимыми способами официальной регистрации нашего проекта (не буду сейчас о них). Идеальный взгляд на вещи необходим, без него ничего бы не было, ради чего стоило бы огород городить. Но реальная жизнь властно требует свое: средства на материальную поддержку секций (периодическую или разовую), на содержание одного-двух сотрудников-координаторов (пока что — только одного), на предоплату нашего издательского плана. Ясно, что без поддержки финансистов и деловых людей не обойтись. Отрадно, когда в этом мире находятся умные и честные люди, протягивающие нам руку помощи, хотя финансовая состоятельность здесь и сейчас — более, чем когда-либо и где-либо, — величина непостоянная. Ограничусь сказанным, дабы иметь возможность сообщить нижеследующие заметки — род пробных статей для РЭ, которым также придаю значение, продолжая в них линию русской ономастики, намеченную уже в вышеупомянутом сборнике РЭ (см. мое «Предисловие главного редактора»). Я имею ввиду сказанное там об ономастике, имени собственном, как визитной карточке культуры. Следует добавить, что, помимо функции называния, этикетирования предметов культуры, картины мира, в нашем случае — русской культуры, русской языковой картины мира, ономастика способна открыть путь к главному — к показу специфики русского культурного отражения, и это тем более существенно, что речь пойдет о понятиях и объектах, кажущихся географически внешними и далекими, тогда как на самом деле они — некоторые из них — давно вошли в плоть и кровь

нашей культуры и языка, чего порой не находим в других языках и в других культурах.

Мои нынешние сюжеты касаются Святой земли, Палестины, Святого писания, эпохи обоих Заветов: *Варавва, Иордан, Палестина, Филистимляне.*

* * *

Варáвва. — В «Большой советской энциклопедии» всех трех изданий отсутствует, как и в «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1980). Впрочем, не упоминается и в некоторых предреволюционных энциклопедиях, например в Большой энциклопедии под ред. С. Н. Южакова (СПб., ряд изданий), где встречается, однако, *Варавва* в качестве фамилии, но о фамильном употреблении — ниже. Любопытно, что русское издание «Нового энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона (т. 9. СПб., б. г., с. 530), хотя и помещает статью об интересующем нас Варавве, но характеризует его, скорее, в духе западной исторической, отчасти — мифологической школы, о чем у нас ниже. Лейпцигский «Брокгауз» (Brockhaus' Conversations-Lexikon. Bd. 2. Leipzig, 1882) соответствующей статьи не имел.

Речь идет о персонаже истории последних дней Иисуса Христа, известном как Варавва. Это личное имя собственное фигурирует в наших древнейших евангельских текстах: ст.-слав. **Варава**, **Варавва**¹, рус.-цслав. и рус. **Варавва**, *Варáвва*. Оно является передачей визант.-греч. Βαραββᾶς, вин. п. Βαραββᾶν². В славянских традициях, ориентирующихся на западное христианство, приняты формы, восходящие к лат. *Barabbas*. Специфично отсутствие личного имени *Варавва* в действующем русском антропонимиконе³. Соответствующая фамилия встречается: укр. *Варáва*⁴, блр. *Варáва*, *Варáўка*⁵, притом что бытует мнение

¹ P. *Jobuhevich*. Лична имена у старословенском језику. Београд, 1985 (= Фил. фак-т Београдског универзитета. Монографије, књ. LVI), с. 14.

² Novum testamentum graece curavit // Eb. Nestle, Er. Nestle et K. Aland, editio 25, United Bible Societies. London, 1975: χατὰ Μαθθαίον 27; Μαρκ. 15; Λουκ. 23; Ἰωανν. 18.

³ Н. А. Петровский. Словарь русских личных имен. Около 2600 имен. М., 1966.

⁴ Ю. К. Редько. Довідник українських прізвищ. Київ, 1968. С. 81.

⁵ М. В. Бірыла. Беларуская антрапанімія. 2. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969. С. 82.

о необычности этой фамилии, ср. неоднократные замечания на этот счет у Горького в «Жизни Клима Самгина»: «Странная фамилия — Варавка...». Из западнославянской антропонимии сюда примыкает польская фамилия *Barabasz*, представляющая собой усвоение лат. *Barabbas*, и хотя современный словарь польских фамилий ее не дает¹, старопольским источникам она известна². С Запада фамилия *Barabaan* давно распространилась на Украину и в Белоруссию³.

По обстоятельствам, о которых — ниже, доступ в установившийся фонд общеевропейских (первых) личных собственных имен имени *Barabba(s)* был закрыт⁴. Функционирование фамилий объясняется тем, что последние образуются не от одних только крестных личных собственных имен, но и от прозвищ, а специфических прозвищ-ругательств это библейское имя, оказывается, дало достаточно, — особенно от исходного лат. *Barabbas*. Ср. сюда чеш. *baraba* ‘оборванец’, при чешском же *Barabáš* ‘Варавва’⁵; словен. *barâba* ‘негодяй, мерзавец’⁶; хорв. *baràba* ‘негодяй, бездельник’, с характерным указанием, что «в других балканских языках не засвидетельствовано»⁷.

Каждое из четырех Евангелий повествует о стремлении Пилата соблюсти обычай на еврейскую пасху и отпустить одного из осужденных на смерть. Единственно этим обстоятельством объясняется то, что мы вообще знаем, что был некий Варавва. Возникшая тогда же дилемма — отпустить Иисуса Христа или Варавву — получает завуалированное продолжение вплоть до современности. При этом противостоят друг другу, обобщенно говоря,

¹ *K. Rymut. Nazwiska Polaków. Wrocław, etc., 1991.*

² *Słownik staropolskich nazw osobowych pod red. W. Taszyckiego. T. I, zesz. 1. Wrocław, etc., 1965. S. 87.*

³ *Н. М. Туников. Словарь древнерусских личных собственных имен (= Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. Т. VI). СПб., 1903. С. 95; М. В. Бірыла. Беларуска антрапанімія. 2. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969. С. 40, — с неверной тюркской этимологией.*

⁴ Ср. его отсутствие также в *G. Tibón. Diccionario etimológico comparado de nombres propios de persona. Mexico, 1956.*

⁵ *V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971. S. 46.*

⁶ *F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. I. Ljubljana, 1976. S. 11.*

⁷ *P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 1. Zagreb, 1971. S. 110; M. Šimundić. Rječnik osobnih imena. Zagreb, 1988. S. 28.*

две основные точки зрения. Первая из них — православного богословия — говорит, что в ответ на призыв Пилата ослепленный народ пожелал освободить Варавву, явного разбойника и убийцу¹. Вторая точка зрения, которую можно назвать западнохристианской и даже шире — иудеохристианской, оказывается как раз в том, чтобы по возможности выставить в выгодном свете Варавву, якобы лицо очень известное и популярное². Для этого, например, Ренан потребовалось противоречить собственной концепции исключительной ценности повествования четвертого Евангелия (от Иоанна) о последних месяцах жизни Иисуса³ только потому, что оно делает Варавву воров. Логично, что Ренан придает большое значение различию прозвища «Варавва» или «Вар-Раввин». Вспомним, что и упомянутый выше Брокгауз—Ефрон не преминул назвать это различие: «сын учителя» и «сын отца», поставив на первое место как раз проблематичное «сын учителя». В том же духе трактует данный сюжет известный фильм Дзефирелли «Иисус из Назарета» (Jesus of Nazareth. Directed by F. Zeffirelli): Варавва изображен как борец за свободу Иудеи против римской оккупации, и именно поэтому будто бы народ на площади требует ему пощады. Иерусалимской толпе льстят, снимая вполне реальный трагизм Нового Завета, а именно то, что местная толпа не поняла и отвергла мессию, существо высшее, и предпочла ему низменного убийцу. Именно за это толпу свободно агитировали (в своих интересах) первосвященники и старейшины (Матфей 27; Марк 15). Сомнительно, чтобы первосвященники домогались пощады политическому преступнику, замешанному в антиримском возмущении.

Укрепиться в православном (ортодоксальном) понимании вопроса помогают языкознание, ономастика. Различие должно уступить место 'единочтению': Βαραββᾱς, *Barabbas* как арамейское (сирийское) *bar abba* 'сын отца'. *Варавва* не было личным именем в настоящем смысле, что ясно и из слов греческого Нового Завета — ὁ λεγόμενος Βαραββᾱς (Марк 15) 'так называемый Варавва', цслав. **нарицаемый Варавва**, особенно же удачно в синодальном издании русской Библии: *некто, по имени Варавва*. То, что представлено в арамейском *bar abba* — своеобразный

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. СПб., 1992. Стб. 439.

² Э. Ренан. Жизнь Иисуса. М., 1991. С. 256—257.

³ Там же. С. 22, 57.

семитский *status constructus* со значением ‘сын отца’, — может быть истолковано в духе лингвистической типологии, как «квазиотчество»¹ укр. *батькович* в его характерном полупрезрительном, фамильярном употреблении, когда действительного отчества не знают или не хотят знать. Названная примета уводит нас в мир преступности, мир, где прибегают к кличке, чтобы скрыть имя², ср. специальное указание на запрет имен у каторжан³. В итоге мы приходим к тому, что давно есть в четвертом Евангелии (Иоанн 18, 40): «Варавва же был разбойник». В поэтический гомеровский вердикт, столь полюбившийся всем («...Между людьми не бывает никто безымянным...») Одиссея, песнь VIII), вносится, таким образом, конкретная поправка в духе знаковой теории: отсутствие знака (отрицательный знак) функционирует как знак, в нашем случае — безымянность используется как имя, ибо нечаянно прославившийся криминальный субъект в сущности был безымянен. Косвенно это подтверждают указания на неединичность клички *bar abba*, как, например, свидетельство Филона (эпоха Иисуса Христа) о шутовском царе по имени *Karabas* (порча из *Barabbas*), персонаже иудейского новогоднего праздника⁴, в котором едва ли нужно вместе с Древосом⁵ видеть расщепление солярного божества Варавва (старая конъектура — Иисус Варавва). После этой реплики в адрес уже мифологической школы (так называемая «сенсация Древса») можно резюмировать, что образ и рифмованное имя Карабаса-Барабаса пронесли через века репутацию еще одного злодея, чтобы запечатлеться в детских сказках нашего времени.

Иордан ~ *Бетшеан* / *Бейсан* / *Вифсана* / *Скифполь*. — Все издания «Большой советской энциклопедии», сообщая физико-географический минимум (Иордан — крупнейшая река Палестины), о названии реки говорят еще меньше: БСЭ¹ и БСЭ² приводят еще арабское названия Иордана — *Шериат-эль-Кебире*, *Нахр-эш-Шария*; БСЭ³ и «Советский энциклопедический словарь» не дают и этого, обходя также молчанием происхождение

¹ Ср. о понятии *Е. С. Отин*. Иван // Русская энциклопедия. Русская ономастика и ономастика России. М., 1994. С. 88.

² *В. А. Никонов*. Имя и общество. М., 1974. С. 22.

³ Там же. С. 26.

⁴ *A. Drews*. Die Christusmythe. Jena, 1910. S. 40.

⁵ Там же. S. 41.

и историю основного названия реки, важные для истории Палестины в целом. Мало отличаются в этом отношении дореволюционные и зарубежные энциклопедии, добавляя греческую форму Ἰορδάνης и др.-евр. *Yardēn*¹. Это привело к тому, что последнее — יַרְדֵּן *Yardēn* — молчаливо принимается за исходное и исконное, следствием чего явились попытки объяснить происхождение названия из семитского также в специальной ономастической и этимологической литературе². Однако история была более сложной. Несмотря на возможное отражение в древнеегипетском *Jrdn*, X в. до н. э.³, семитское происхождение названия реки Иордан сомнительно. Было обращено внимание на явную двучленность имени в индоевропейском духе и, прежде всего, на индоевропейскую принадлежность компонента *-dan*⁴. Но основа **danu-* ‘река’ отличается не вообще индоевропейской, а наоборот — выразительно диалектной, иранской, принадлежностью. Ее наличие отмечают как вторичный импорт из иранского, занесенный уже греческим расселением в собственно Грецию и в Западную, нехетскую, Малую Азию, где встречаются гидронимы на *-danos* и даже Ἰορδάνος⁵. Что касается палестинского гидронима Иордан, то в связи с ним, возможно, стоит прямое вторжение с севера в Сирию и Палестину не вообще арийцев и не арийцев из Митанни⁶, а собственно иранских скифов в VII в. до н. э. Обычно оставляемый без объяснения первый ком-

¹ Большая энциклопедия / Под ред. С. Н. Южакова. Т. 10, б. г. С. 311; Brockhaus' Conversations-Lexikon. Bd. 9. Leipzig, 1884. S. 884; Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. 2. München, 1979. Стб. 1439—1440.

² В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 159; L. Kiss. Földrajzi nevek etimológiai szótára⁴. I. Budapest, 1988. 661. old.

³ Die ägyptischen Listen palästinensischer und syrischer Ortsnamen in Umschrift und mit historisch-archäologischem Kommentar herausgeg. von A. Jirku (= Klio, Beiheft XXXVIII, N. F. Heft 25). Leipzig, 1937. S. 50.

⁴ Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. II. Тбилиси, 1984. С. 917; О. Н. Трубачёв. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 34, сноска.

⁵ Л. А. Гиндин. Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этнологии Древней Анатолии. М., 1993. С. 168.

⁶ Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. II. Тбилиси, 1984. С. 917; Т. Барроу. Санскрит. М., 1976. С. 30 и след.

понент названия *Yardēn*, Ἰάρδανος, Иордан допустимо также квалифицировать как индоевропейский или даже специально древнеиранский, генетически связанный с русским *яр* ‘крутой берег’, ‘овраг’, сюда, далее, диалектное *яруг* ‘ручей в овраге’, др.-рус. *яруга* (Слово о полку Игореве), польск. диал. *jar* ‘долина, углубленное место’. Индоевропейскую, нетюркскую, природу рус. *яр* обосновывает Ларин¹. Здесь можно лишь указать на то, что овражистый древнерусский Юг был вотчиной скифского иранства. Рабочую этимологию названия Иордан — «река в овраге» — логично сопоставить с данными физической географии, которая характеризует русло реки Иордан как «сирийский ров» или «иорданский ров», глубокую расселину. Внимание русской духовной мысли с ранних пор приковано к Иордану, ср. обстоятельное описание, оставленное в начале XII в. Даниилом, Русской земли игуменом, который уподобляет ширину и глубину быстро и «лукаво (вар.: *лукарево*, *лукоряво*)» текущего Иордана родному Снову на Руси², притоку днепровской Десны, на Черниговщине. Игумен Даниил сообщает ценные сведения и об источниках Иордана: «Иорданъ же поиде изъ моря Тивириадскаго, отъ двою источнику кипить зѣло чудно; имя источнику единому Юрь (вар.: *Ерь*), а другому имя источнику Данъ; и оттуда поиде Иорданъ двѣма рѣками изъ моря Тивириадскаго (...) и поидета рѣць тѣ разню себѣ мало, яко польверсты вдальѣ, и потомъ сонметася обѣ рѣць въ едину рѣку и то ся зоветъ Иорданъ по имени двою источнику». — Оставляя здесь в стороне форму Дан, связанную, возможно, с обозначением самого верховья Иордана, обратим внимание на информацию о свободной форме *Иор*, обычно известной в составе более сложного названия *Yarmūk*, *Jarmucha*, греч. Ἰερμοῦς³, левого притока реки Иордан.

Иордан как первоначальная крещенская купель христианства оставил глубокий след в русской православной, а также народ-

¹ Б. А. Ларин. Об архаике в семантической структуре слова (*яр* — *юр* — *буй*) // Б. А. Ларин. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М., 1977. С. 89 и след., 94.

² Житие и хоженье Данила Русьскыа земли игумена 1106—1108 гг. / Под ред. М. В. Веневитинова // Православный Палестинский сборник. Т. 1. Вып. 3. СПб., 1883. С. 45; 9-й вып. Т. III. Вып. 3. СПб., 1885. С. 99—100.

³ М. Avi-Yonah. Gazetteer of Roman Palestine (= Qedem. Monographs of the Institute of Archaeology. The Hebrew University of Jerusalem. 5). 1976. S. 68.

ной культуре и языке, ср. распространение именно в русских народных говорах формы *иорда́нь*, *ерда́нь*, особенно близкой к греч. Ἰορδάνης, источнику нашего слова, замечательного своими значениями: ‘праздник крещения’, ‘крещенская прорубь’, ‘купель’, ‘колодец, из которого вытекает ручей — исток Волги’.

Βετισεάν / Βιφσάνα. — Это географическое название места к западу от реки Иордан и к югу от Тивериадского озера, отмечаемое дореволюционными энциклопедиями¹, пропущено во всех советских энциклопедиях. Тем самым пропущен, кажется, важный подтверждающий момент в вопросе об отражении следов скифского вторжения, затронутым в ст. ИОРДА́Н. Это название, дожившее до нашей современности в форме *Beisan*, увязываемое некоторыми авторами с *Btšir* древнеегипетских документов и с эпохой до обретения земли обетованной², ясно только в своем компоненте *Bet-* ‘дом’, тогда как второй компонент *Bet-še'an*, *Beišān*, יבשן ביתסאן³ характеризуется противоречиво, предположительно как чужеродный⁴ или же попросту как этимологически неясный⁵, с распространением этого заключения и на такое любопытное название данного места, как *Scythopolis*, Σχυθίων πόλις. Кажется априори сомнительным отнесение возникновения этого города и названия к эпохе эллинизма, III в. до н. э.⁶, когда в городе мог стоять скифский наемный гарнизон⁷.

¹ Большая энциклопедия / Под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова. Т. 5. СПб., 1901. С. 174—175.

² Die ägyptischen Listen palästinensischer und syrischer Ortsnamen in Umschrift und mit historisch-archäologischem Kommentar herausgeg. von A. Jirku (= Klio, Beiheft XXXVIII, N. F. Heft 25). Leipzig, 1937. S. 16—17.

³ *M. Avi-Yonah*. Gazetteer of Roman Palestine (= Qedem. Monographs of the Institute of Archaeology. The Hebrew University of Jerusalem. 5). 1976. S. 93.

⁴ Ср.: Die ägyptischen Listen palästinensischer und syrischer Ortsnamen in Umschrift und mit historisch-archäologischem Kommentar herausgeg. von A. Jirku (= Klio, Beiheft XXXVIII, N. F. Heft 25). Leipzig, 1937. S. 16—17.

⁵ Der Kleine Pauly. Bd. 5. München, 1979. Стб. 243.

⁶ *M. Avi-Yonah*. Gazetteer of Roman Palestine (= Qedem. Monographs of the Institute of Archaeology. The Hebrew University of Jerusalem. 5). 1976. S. 93.

⁷ Meyers Konversations-Lexikon, 5. Aufl. Bd. 2. Leipzig; Wien, 1896. S. 912.

Скорее всего, за этим названием стоят более древние исторические реалии, уже затронутые в ст. ИОРДАН, а именно — вторжение скифов вплоть до Сирии, Палестины и границ Египта, известное Геродоту и другим источникам и состоявшееся во времена фараона Псамметиха, до 600 г. до н. э.¹ В то время как на Востоке, в Вавилоне, было известно обозначение скифов, принятое у персов, — *saka-* (Herod. VII. 64), западнее — в Малой Азии и Передней Азии — употреблялись и другие обозначения этих завоевателей, отчасти — более близкие европейским скифам. Одно из них, по-видимому, закрепилось в севернопалестинском топониме *Bet-še'an*, вторая часть которого может быть прочтена как иранское, скифское **xšayān*, род. п. мн. ‘саев, сайский’, имея в виду сарматское название племени Σοιοι, близ Ольвии, от иран. *xšay-* ‘сиять, блистать; властвовать’, см. о нем², что близко напоминает царскую символику, известную у днепровских скифов: Βασίλειοι (Herod.). Даже если принимать во внимание значительность непрерывной традиции на Ближнем Востоке, то и тогда возможное вторичное скифское осмысление, народная этимология *Bet-še'an* как ‘дом, город саев / царских скифов’ позволяет интерпретировать семантически идентичное название того же места *Scythopolis* ‘город скифов’ убедительнее, чем это делалось до сего времени, например в немецких энциклопедических справочниках: ‘дом покоя’ или ‘дом башмаков’ («Haus der Ruhe oder Haus der Schuhe?»³).

Палестина́ ~ *Филистимляне*. — У страны — колыбели религии единого Бога и христианства не было единого туземного названия⁴, феномен, достаточно хорошо известный из ономастики. Другая, парадоксальная, сторона этого феномена в том, что если основное, семитское, заселение региона совершалось с востока, юго-востока и северо-востока, то единое название Палестина, пришло с запада. И это явилось результатом самого

¹ Der Kleine Pauly, Bd. 5. München, 1979. Стлб. 241; Herodoti Historiae, recognovit C. Hude, ed. 3. T. 1. Oxonii, 1976: 1. P. 104—105.

² В. И. Абаев. Словарь скифских основ // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М. 1979. С. 309—310.

³ Brockhaus' Conversations-Lexikon. Bd. 2. Leipzig, 1882. S. 910—911: Bethsean, Bethsan.

⁴ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. СПб. (repr.: М., 1992). Стб. 1740.

древнего индоевропейского вторжения и этноязыкового влияния из рассматриваемых в этой серии «библейских» статей. Вторжение индоевропейских «народов моря», филистимлян (греч. Φιλιστεΐμ), др.-евр. *pālīštī* (м, мн. ч.), откуда позднее и обобщилось греко-латинское, а затем всеобщее название страны, имело место в XIII—XII вв. до н. э., т. е. почти одновременно с израильским исходом из Египта. Основные моменты этого освещены не только в старых русских энциклопедиях¹, но и в советских, причем — статьями таких специалистов, как В. Струве², И. М. Дьяконов³, М. А. Коростовцев⁴, И. Д. Амузин⁵. Израильтяне в земле обетованной вверглись в конфликты с воинственными филистимлянами, о чем неоднократно свидетельствует Библия, и это сформировало отрицательный, специфически ветхозаветный взгляд на филистимлян, о чем еще ниже. Библия содержит и другие важные сведения о филистимлянах, в частности, она сопоставляет имена *Филистимляне* и *Кафторим* (Быт. 10), как бы уже предопределяя этим основы их индоевропейеистической интерпретации, потому что др.-евр. *Kaphtōr-im*, мн. ч. ‘критяне’ и особенно древнееврейское название острова Крит (откуда Библия ведет и филистимлян) — *Kaphtōr* — получает полное и безупречное толкование как правильное индоевропейское имя деятеля **kap-tor-*, ср. лат. *captōres* ‘охотники’, в данном случае — ‘каперы, пираты, морские разбойники’, откуда затем уже более близкое нашей номенклатуре др.-евр. *k^eret* ‘Крит’, *k^eret-im* ‘критяне’⁶. Народы моря, естественно, жили морским разбоем, поэтому и по существу другим названием тех же Кафторим служило имя Филистимляне, или, более точно, то, что скрывается за названием давнего населения Греции и Эгейской области, — Πελασγοί, пеласги (первоначально *Πελαστοί, пеласты), отразившееся в др.-егип. *Prst* и др.-евр. *pelištīm*,

¹ Большая энциклопедия / Под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1904. Т. 14. С. 622; Палестина; Т. 19. С. 216; Филистимляне

² БСЭ¹. Т. 57. М., 1936. Стб. 381; Филистимляне.

³ БСЭ³. Т. 17. М., 1974. С. 289: «Народы моря».

⁴ БСЭ³. Т. 19. М., 1975. С. 116.

⁵ БСЭ³. Т. 27. М., 1977. С. 406.

⁶ В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958. С. 108; V. I. Georgiev. Introduzione alla storia delle lingue indoeuropee. Roma, 1966. P. 218—219.

вплоть до имени Палестины, сначала — ее юго-западного берега, «сектора Газа». Это был особый индоевропейский народ (по Георгиеву) или выходцы из иллирийских, западнобалканских индоевропейцев, см., вслед за Будимиром¹.

Несмотря на возражения (Георгиев: «народная этимология»), название индоевропейцев-пеластов логично связывать с греч. *πέλαγος* ‘море’, диалектным названием моря как ‘гладкого, ровного, плоского’², ареально привязанным, видимо, к древним иллирийским диалектам, сюда же албанское *pellk* ‘лужа, водоем’³. Тогда название Палестины и филистимлян-пеласгов объяснимо из индоевропейского **pelag-stā-* ‘в море (на глади) стоящие’, сложение типа древнеиндийского *rathesṭha* ‘на колеснице стоящий’. В свете известных данных трудно удовлетвориться мнением, что «народы моря» — это «условное обозначение» (Дьяконов), современный исторический термин⁴. Более вероятно, что перед нами ближневосточная семантическая калька индоевропейского **pela(g)-stā-* еще с древнеегипетских времен, ср. упоминание Рамзеса III (XII в. до н. э.) о разрушении Каркемиша «народами моря»⁵.

Понятие «филистимляне» практически не занимало никакого места в духовном мире русского народа. Причина: определенная традиция дистанции православия от Ветхого Завета. Положение не изменило и книжное заимствование слова *φιλίστιναι* ‘мещанин, обыватель’, лишь обедненно передающего немецкое *Philister*, которое со времен Лютера значило прежде всего ‘филистимлянин’ и употреблялось также в значении ‘противника Слова Божия’, т. е. врага, в духе западного христианства (до и после Реформации),

¹ R. Katičić. Ancient Languages of the Balkans. Part 1. The Hague; Paris, 1976 (= Trends of Linguistics. State-of-the-Art Reports 4). P. 69—70, 77.

² Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. II. Тбилиси, 1984. С. 673.

³ A. Mayer. Die Sprache der alten Illyrier. Bd. II: Etymologisches Wörterbuch der illyrischen Sprache. Wien, 1959 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung. XVI). S. 88 ff.

⁴ Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. 5. München, 1979. Стб. 65 и след.: Seevölkerwanderung

⁵ Die ägyptischen Listen palästinensischer und syrischer Ortsnamen in Umschrift und mit historisch-archäologischem Kommentar herausgeg. von A. Jirku (= Klio, Beiheft XXXVIII, N. F. Heft 25). Leipzig, 1937. S. 22.

солидаризуясь с Ветхим Заветом. Нет в русском и ничего похожего на это немецкое бранное *Krethi und Plethi* ‘сброд и сволочь’, тоже с лютеровских времен, хотя означает это ни больше ни меньше как ‘критяне и филистимляне’, наемные херефеи и фелефеи из стражи израильского царя Давида (2-я Книга Царств¹).

Разборчиво исключив из своего духовного ветхозаветного наследия стереотип ненавистного инородца-филистимлянина, русская духовная культура, с другой стороны, не только бережно сохранила понятие ‘Палестина’, но и наделила его очень теплыми коннотациями ‘отечества, отчизны, родины’ (народное в наших палестинах ‘у нас на родине’, Даль).

МЫ — НАРОД СОФИЙНЫЙ

И я, оглядев и осмотрев всех,
увидел одну,
ту, что прекраснее всех...,
имя которой было София, значит
Мудрость, и ее я выбрал.

Житие Константина-Кирилла,
гл. III

... Мы — народ софийный...

П. А. Флоренский. Из письма
1 авг. 1912 г., Сергиев Посад

Русская энциклопедия — это портрет нынешней культуры России и ее истории, ансамбля ее наук — исторических, филологических, философских и богословских, ее этнографии, литературы, всех ее искусств, военного дела, экономики, включая сельское и лесное хозяйство, строительство, архитектуру и технические науки, географию, геологию, биологию, медицину, экологию, естественные науки — физику, химию, математику, педагогику, юриспруденцию.

Но Русская энциклопедия — это также рецепция (восприятие) русской культурой всего значительного, что есть в мировой культуре. Иначе и быть не может, отвечаем мы тем, кто хотел бы замкнуть русскую культуру, Русскую энциклопедию на себя

¹ И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 гг. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. Ереван, 1968. С. 104, прим. 68.

и в себе, сектантски твердя, будто Русская энциклопедия — это «русские о русских»... А друзья русской культуры во всем мире — разве они не помогают строить здание русской культуры, разве они не откликнутся на дело Русской энциклопедии? И можем ли мы о них забывать? Но, кроме дружеской атмосферы, которая так нужна Русской энциклопедии, позволительно вспомнить и о космизме русской культуры — ее открытости миру, а тем самым — о ее чуждости всяческому герметизму. Нам видится в этом сильная черта культуры, не случайно все более привлекающая к себе внимание людей мыслящих и непредвзятых. Как пример я назову здесь значительную научную сессию «Русский космизм и ноосфера», недавно прошедшую при Московском физико-техническом институте.

Раз уж мы заговорили как бы о параметрах русской культуры (и о них естественно говорить, предваряя деятельность в связи с Русской энциклопедией), то в их числе следует назвать, наряду с космизмом, и софийность, т. е. всегдашнюю обращенность к бытийным вопросам и никогда не прекращающиеся поиски ответов на них. Это говорит не только о созерцательном и не всегда и не самом деятельном русском складе ума, но и о той неотъемлемой внутренней свободе, о которой не грех напомнить тем, кто повадился отказывать нам и нашей истории в свободе внешней.

Ну, и наконец — соборность русской культуры, ее тоже надо назвать в этом ряду, поскольку она сделалась предметом интереса — здорового и в еще большей степени нездорового. Я не берусь здесь исчерпывающе объяснить понятие соборности, безусловно весомое и сложное по причине отнесенности и к русскому традиционному быту, и русскому складу ума, надеясь, что наши философы и филологи еще прояснят нам ее сущность. Одно можно утверждать определенно — это наличие здесь устойчивой антитезы выраженному индивидуализму и эгоизму.

Космизм, софийность, соборность... Я далек от мысли утверждать, что ими исчерпывается дух русской культуры, еще более того далек от мысли зачислить эти черты в самые замечательные из всех вообще возможных. Просто чем больше я размышляю на эту тему (а смею заверить, в своих размышлениях о духе русской культуры я опираюсь и на собственные научные поиски древнейших этнических и культурных судеб славянства), тем более адекватными русскому этнокультурному типу

представляются мне именно эти параметры. Как бы то ни было, мы унаследовали их — со всеми плюсами и минусами, они всегда с нами, как бы ни камуфлировала их жизнь. И ясно, что речь идет о крупной и самобытной культуре, в которой всегда можно почерпнуть и силу, и жизненную уверенность. Порой кажется, что это самое незыблемое, что у нас еще осталось... Над всем прочим или почти над всем нависла девальвация.

Речь к тому, что Русская энциклопедия сейчас нужна как никогда. Русская энциклопедия — которой у нас нет и в сущности не было. В разное время за последние два года и в разных изданиях я высказывал свои соображения по этому поводу. У нас, у русских, это далеко не первый случай, когда мечтания «обгоняют действительность». Что сейчас можно еще сказать, особо не повторяясь и как бы взнуздав свою мечту с целью приведения ее в некоторое соответствие с действительностью, которая складывается, увы, тоже «по-нашенски»? Будет ли образован в составе новой Российской академии наук институт Русской энциклопедии — небольшое научное учреждение в поддержку этой большой общественной инициативы (ведь в Казанском филиале АН СССР существует сектор татарской энциклопедии...)? Будет ли преодолен нынешний режим наименьшего благоприятствования, раскол, разброд, безденежье?... Наименьшее благоприятствование — это я о тех, кто питает, деликатно говоря, «очень личное» чувство к русской культуре, лелеет мысль о ее «археологичности» и — чтоб при этом никаких русских энциклопедий. Больше я о недоброжелателях говорить не буду. Далее следуют «друзья», такие, с которыми, как говорится, враги не нужны. «Друзья» эти взломали все мои стереотипные представления о русском этнокультурном типе, сменили, во всяком случае, софийность на бешеную предприимчивость, скромный научно-общественный совет — на фешенебельный «центр», пока еще осененный лозунгом Русской энциклопедии, но уже, как говорится, подымай планку выше, — ни дать ни взять совместное предприятие, «джойнт венчер» (так, кажется, на огоньковском английском?). Перспективы? — «Мы просто обречены на успех»... «Будем делать деньги на сопутствующих изданиях»... «Заграница нам поможет, особенно один симпатичный миллионер»... «Русская энциклопедия? Да, да, хотя это уже не издание, это — движение...»... «И вообще, сперва сдела-

ем энциклопедии для крымских татар, для всех народов Северного Кавказа, они почти готовы, провернем международную элитарную школу-лицей»... «и встречу в Сочи»... Все почти стенографически точно.

Вы верите этой галиматье, читатель? Я тоже не верю, но мне не до шуток. При подобной неустойчивости психики слишком большая деловитость опасна социально. Да и дефицит культуры никаким краснобайством не прикрыть. Что еще сказать о «друзьях» Русской энциклопедии? Встретив сопротивление нижеподписавшегося, краснобаи ушли в свой «центр», предварительно дезорганизовав совет, но не забыли при этом прихватить финансовый счет совета Русской энциклопедии, переведя его на свой «центр» (виноват, забыл, что он именуется «культурным») и теперь даже, кажется, «всесоюзным»). Это я к тому, читатель, чтобы вы знали, откуда там у них с тех пор высокооплачиваемые ставки. Так сказать, штришок к портрету. Не для того, конечно, народ слал свои рубли и жертвовали спонсоры, поверившие в Русскую энциклопедию... Жаль всех, конечно, ибо на этом пути не обрящете вы Русскую энциклопедию. И концепции не дождетесь. Хотя субъекты эти пугают доверчивых, что они не ту еще концепцию РЭ придумают, вот и словник (нет, хуже — рубрикатор) генеральный, один на всех, значит, спустят, но все недосуг, «встреча в Сочи» поджимает.

Русская энциклопедия тут, естественно, ни при чем. Оставим криминальный (хотя не придуманный!) сюжет. Концепции энциклопедий не в «движениях» и на «встречах» вырабатываются, а по старинке, в тиши кабинетов. И хорошо — когда опыт сходный имеется и что-нибудь похожее на устойчивость-усидчивость. И не сверху, как в агропроме, все это должно идти, а снизу, от специалистов, которые сами лучшим образом все знают, особенно, если организовались в секции по специальностям. Генеральный словник? Он потом сложится — как объективнейшая сумма всех десятков специальных отраслевых словников, из реализации которых составит универсальная Русская энциклопедия. Впрочем, об этой своей концепции двухступенчатой модели словника будущей Русской энциклопедии я уже писал в широкой печати.

Где мы сейчас находимся? Действительность руками доморощенных и не очень чистоплотных бизнесменов отбросила нас назад. Это сбило с толку часть энтузиастов и спонсоров, нанесло

ущерб идее. Бизнесменам этим, видать, нечего терять, как нам когда-то рассказывали о пролетариях. Тем же, кто болеет за Русскую энциклопедию, а не о своем самоутверждении печется, стоит серьезно задуматься о невозвратно теряемом времени. Но не все потеряно. Остались еще энтузиасты, прибывают новые, надеемся, что и у старых глаза откроются, что не о «встречах» и «школах-лицах» они мечтали, а все же о заглавной, так сказать, идее. По сему случаю предлагается из небедного арсенала старой русской культуры и общественной жизни взять для примера практику «малых дел». Не оставлять втуне усилия секции Русской энциклопедии, не останавливаться им в самом начале пути, больше того — максимально сократить путь от авторов (а их у Русской энциклопедии немало, и это подороже всякой валюты), организовать скорейший выход самых разных материалов на самые разные энциклопедические темы. Назовем эти статьи «пробными», ознаменовав тем их предварительный характер. Самое оперативное и осуществимое, что мы можем сделать уже сейчас для нашей великой задачи — это открыть рубрики «Русская энциклопедия — начало пути» в наших ведущих журналах. Такая рубрика с начала 1990-го ежемесячно функционирует в журнале «Народное образование», имеется договоренность с журналом «Художник». Пользуюсь приятным долгом, чтобы адресовать слова благодарности журналу «Слово», также открывающему такую рубрику на своих страницах. А теперь слово — специалистам, им, как всегда, есть что сказать к нашему вящему духовному обогащению.

РУССКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

РУССКАЯ, А НЕ РОССИЙСКАЯ

Создание энциклопедий неразрывно связано и с филологией, и эта истина станет очевидной с приближением нового века и — тысячелетия, когда гуманитарные знания, и среди них — филология, вновь обретут свое ведущее место и положение.

Ряд филологических вопросов я начну с омонимии (наше время с его инфляцией негатива сказалось и тут). Досадной, а порой умышленной, омонимией являются хотя бы повторы названия «Русская энциклопедия» в применении к совершенно различным вещам. Во-первых, «Культурный центр «Русская энциклопедия» — откровенная вывеска, за которой стоят люди,

впавшие в делячество, не способное ничего дать. Во-вторых, еще одна «Русская энциклопедия» — официально утвержденное, к моему глубокому удивлению, предприятие, за которым, в лучшем случае, стоит лишь тиражирование брошюрок для молодежи (первоначально: «Энциклопедическая Россия»).

Читатель окончательно запутается, если назвать еще одно начинание — «Российская энциклопедия», имеющее своих сторонников и представленное в одной общественной академии. Есть, наконец, и одноименная рубрика на ЦТ.

«Российская» или «Русская» — это уже следующая филологическая проблема, которой нам не избежать. Замена имени не может быть произвольной (особую категорию составляют случаи, когда эта замена умышленна). Различая имена, мы исходим из понятий, которые в них вкладываем. Еще Константин Философ (святой равноапостольный Кирилл) завещал нам: «первое ся научите разделяти имена», т. е. сперва научитесь различать названия.

Вот и в нашем случае рекомендуется различать значение и употребление слов *русский* и *российский*. Это разные слова. В четырехтомном словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой *русский* толкуется как «принадлежащий русским, созданный русскими, свойственный русским: Русский язык, Русская литература, Русская культура». Там же в качестве второго значения указывается возможность употребления «русский» как прилагательного к Россия, к Русь: Русская история, Русская природа. Что касается слова *российский*, то о нем сказано лишь, что *российский* — прилагательное к «Россия». Примеры: Российский пролетариат, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Сразу очевидно отсутствие взаимозаменяемости слов *русский* и *российский*, то есть, прежде всего, невозможность сказать на правильном современном русском языке «*российский язык*», «*российская литература*», «*российская культура*»... Можно, наоборот, употреблять *русский* как прилагательное от *Россия*, и названный хороший словарь это рекомендует. Тогда как ни о каком расширении употребления *российский* за счет *русский* и речи не может быть.

Из такого единственно правильного для меня понимания исходил и я, когда, принимая на себя руководство Советом Русской энциклопедии в октябре 1988 года, специально настоял на том, что речь может идти только о Русской энциклопедии, а,

скажем, не о «Российской». Я готов взглянуть на вещи с достаточной широтой, допустив, например, что под названием «Российская энциклопедия» может пониматься, собственно, свод совершенно различных энциклопедий народов РФ, как это заявлено специальной секцией Российской Академии естественных наук, но это лишь обостряет чувство необходимости собственной Русской энциклопедии... Тогда же я выдвинул объяснение, которого твердо придерживаюсь и сейчас, — почему Русская, а не Российская. Слово «российский» имеет преимущественно административно-территориальное и в меньшей степени — этническое, этнокультурное значение и употребление, тогда как задача энциклопедии шире — русская культура во всем объеме, включая русскую культуру в союзных республиках и в зарубежье.

Сколько воды утекло в нашей жизни с 1988 года! Не стало Союза, на смену союзным республикам пришли «независимые государства». Не стало фактически и Совета Русской энциклопедии. Учреждение вышеназванного «Культурного центра «Русская энциклопедия» вместо обещанной помощи обернулось расколом и откровенным авантюрным делячеством, с которым я мириться не пожелал. Возможно, кто-то думает иначе, но я выбрал из двух зол меньшее, решив, что потеря финансовой базы — ничто в сравнении с чистыми руками и независимостью плюс собственная научная концепция, которая, несмотря на передряги, только окрепла.

Прошлое характеризуется универсальным пониманием задач составления энциклопедий, выступавших также под названиями энциклопедических словарей, лексиконов, универсальных словарей. Позднее обозначилась девальвация первоначального значения греч. энциклопедия «воспитание, по (все)му кругу». Этим продиктовано введение атрибута «большая», дополнительно подчеркивающей универсальность соответствующей энциклопедии («Большая советская энциклопедия», за которой и параллельно с которой является и «Малая советская энциклопедия», представляя как бы минимум универсального объема знаний).

Словоупотребление это не случайно, ибо возникло в условиях характерной для нынешнего века специализации и в остальном мире. В избытке издаются или планируются энциклопедии по отдельным писателям, периодам истории, даже отдельным литературным произведениям (так, «Слову о полку Игореве» в 4-х томах, 100 а. л., при том уже существует много-

томный «Словарь-справочник Слова о полку Игореве» с избыточными комментариями). Те же тенденции действуют и в научном планировании и других стран.

Но именно на фоне этих тенденций и именно в нынешней обстановке, о которой считаю излишним распространяться, актуальность Русской национальной энциклопедии приобретает особую очевидность. Такой энциклопедии у нас попросту нет. Старинные и устаревшие опыты незавершенного «Русского энциклопедического словаря» и другие близкие по времени — сто и более лет тому назад — принадлежат целиком прошлому.

Тот факт, что идея Русской энциклопедии оказалась погребенной на сто лет, можно, конечно, списать на счет господствовавшей все эти долгие годы государственной идеологии, акцентировавшей социальные и интернациональные ценности в значительно большей степени, чем национальные. Но это было бы чересчур простым решением. Наблюдения показывают, что, стоило русскому феномену высвободиться из-под атрибутики «советский, советская, советское», как именно на это время пришелся любопытнейший и вряд ли стихийный всплеск атрибутики «российской». Возникает подозрение, что как тогда «советское», так теперь «российское» отлично используется для растворения в них русского. Невеселые размышления приходят, когда видишь не одну только порчу языкового вкуса, но и дезориентацию национального самосознания — когда уже и сам русский себя готов назвать россиянином. Ведь россиянин — это житель России, в принципе, любой национальности... Стойкость тенденции, при любой смене режимов, дает повод опасаться, что на этом не кончится. Эти игры в слова, замешанные на дурной политике, скорее, еще продолжатся; например, надвигается новая мода на «евразийство», с неуместным рвением подхваченная с разных сторон. Что мешает, разыгравшись, заменить далее «российское» на «евразийское»...

Когда заводят речь о переиздании заслуженного энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, то иллюзий на тот счет, что таким образом «одним махом» можно решить проблему, питать не следует. Прошло сто лет... Любой специалист, раскрыв для справки Брокгауза-Ефрона, мгновенно видит, что это даже не вчерашний день науки, а давно прошедший век. Выдавать этот плюсквамперфектум за максимум современных возможностей нельзя. Особенно как раз статьи Брокгауза о славянах и славянс-

ком дышат глубокой архаикой фактов и взглядов. Близкий конец столетия и тысячелетия обязывает нас к чему-то более значительному, чем популярный сейчас репринт или ксерокс.

Нужна новая универсальная Русская энциклопедия — во всю глубину веков письменной и дописьменной истории археологии, геологии и мироздания и во всю ширь интересов русской культуры.

ВИДЕНИЕ МИРА

Среди конфликтов, на которые ушли силы и время, было между прочим столкновение с экстремистами из числа «помощников» по бывшему Совету Русской энциклопедии, бросившимися, не дав себе труда поразмыслить, оспаривать мой тезис об универсальности Русской энциклопедии и заявлявшими, что «Русская энциклопедия — это русское о русских».

Ну что сказать на это? Не только то, что в мире современной информации и науки так не бывает и что русская культура (ради которой, мы, собственно, и печемся о русской энциклопедии) как культура великая вправе рассчитывать на друзей во всех концах мира. Дремучесть упомянутой идеологии видна была невооруженным глазом и никакие ультрасовременные разговоры об издании РЭ «не томами, а в дискетах, на безбумажных носителях» впечатление сгладить не могли.

Дело представляется гораздо более тонким. Задача универсальной РЭ видится не только в том, что в ней находится отражение вся *Rossica* (да, разумеется, и *Rossica*, — в необходимом объеме). Русская энциклопедия призвана отобразить русскую картину мира. Теоретически достаточно трудно назвать объект, который сейчас в эту картину не входил бы. Естественно, что универсальность энциклопедии уравнивается определенной усредненностью, подачей информации, рассчитанной на широкого читателя. Специалист имеет в своем распоряжении специальную литературу, включая специальные, отраслевые энциклопедии, уже упомянутые нами ранее как род инфляции жанра.

Затрагивая вопрос о русской картине мира, ожидаемый нами от универсальной Русской энциклопедии, мы касаемся важнейшего параметра русской культуры в целом как культуры, чуждой герметизму. Эта особенность нашей культуры хорошо заметна и давно замечена. Она формулируется также как «всемирная отзывчивость русской культуры», о чем говорил еще Ф. М. До-

стоевский. Конкретно речь может идти о феномене рецепции, восприятия неограниченного числа явлений мировой культуры в русской культуре, практически говоря — о Реальности включения в Русскую энциклопедию статей «Аристотель», «Будда», «Гете» и многих, многих из них.

Наверное, здесь наличествует богатый материал, связывающий русскую культуру с мировой, и Русская энциклопедия явилась бы самой выгодной возможностью его представления. Эта открытость миру, иначе — космизм русской культуры, связана с другим параметром нашей культуры, который подметил еще П. А. Флоренский, нашедший для нас и имя *софийность* (обостренный интерес к высоким «вечным вопросам»). Флоренскому принадлежат слова, которые хотелось бы избрать эпиграфом ко всей Русской энциклопедии: «Мы — народ софийный». Здесь уместно вспомнить яркое место из цитированного уже Жития Константина Философа, где повествуется о вещем сне отрока Константина — его обручении с Софией (Мудростью); именно она показалась ему прекраснее других невест, и он выбрал ее «тоу избрахъ», т. е. ее я выбрал. Для нашего национального менталитета, таким образом, напрашивается аналогия с кирилло-мефодиевскими истоками нашего книжного просвещения.

Космизм, софийность, соборность или — соборность, софийность, космизм как главные параметры русской культуры, думается, безразличны для суждения о будущей Русской энциклопедии. Из них, возможно, наиболее часто «склонялась» в средствах массовой информации соборность как русская антитеза, скажем, западному индивидуализму — склонялась отнюдь не в одних только доброжелательных контекстах. А между прочим, именно этот параметр получает дополнительное и не банальное освещение в ходе филологических, лингвистических исследований. В своей книге «Этногенез и культура древнейших славян» (М., «Наука», 1991 г.) я предпринял попытку определения ключевого слова славянской культуры. Оказалось, что было от праславянского до русского слова — слово «свой, свои (люди)», и все это лексическое гнездо, с праиндоевропейской древности обнаруживающее семантику рода, родства и архиэтический примат коллективности. Согласимся, что в преобразованном виде все это имеет прямое отношение к русской ментальности (частотность русского слова «свой» и сейчас весьма велика — в первых трех десятках самых частотных русских слов). Это, пожалуй, неплохо

объяснит нам суть соборности, при том, что сам термин «соборность» относительно поздний и может показаться не вполне прямым ассоциацией соборности и собор — создание чинов, от земли или от духовенства, «для решения важных дел» (Даль, 4, с. 142), собор — главная церковь в городе или его части (см. там же).

РУСЬ. РОССИЯ

Очерк этимологии названия¹

Чрезвычайную важность этимологии (происхождения) названия *Русь* не только для специальной лингвистической дисциплины, но и для всей древнерусской (восточнославянской) истории вообще, для русского национального самосознания поняли давно. Ср. высказывание крупнейшего польского слависта А. Брюкнера: «Тот, кто удачно объяснит название Руси, овладеет ключом к решению начал ее истории».

Относительно давно также поняли необходимость решать этот вопрос не изолированно, а в комплексе с другими данными. Впрочем, это понимание не гарантировало от ложных умозаключений, что наблюдается на примере норманистской теории происхождения имени *Русь* вкупе с соответствующим истолкованием истории русского государства.

Противопоставленная норманистской — южная — версия происхождения названия *Русь* в некоторых своих вариантах очень стара, практически не имеет автора и, что немаловажно, отнюдь не нацелена против норманистской теории (см. о последней ниже), поскольку высказывалась до ее появления: ср. утверждение о природе названия *Русь* как первоначального цветообозначения в «Истории российской» Татищева (ум. в 1750 г.). Однако изолированный характер отдельных подобных утверждений лишил их убедительности, особенно перед лицом возобладавшего на длительное время комплекса норманистских аргументов.

В настоящее время накопились данные, благоприятствующие тому, чтобы вернуться к донорманистской версии, но уже — на современном уровне. Современная редакция южной версии этимологии *Русь* основывается на гораздо более многочисленном комплексе аргументов, сравнительно с норманистской (варяжской, древнешведской) версией, включая такой важный па-

¹ Статьи для материалов Русской энциклопедии

раметр, как значительно большая временная глубина (древность абсолютных датировок).

Сюда относятся хорошо согласуемые с суммарным наблюдением о направлении хода человеческой истории («история начиналась на юге») свидетельства древних историков о продвижении славян-антев в Северное Причерноморье и Приазовье уже в IV—VI вв. н. э. (Иордан, Прокопий Кесарийский). В это время, несмотря на значительные передвижения народов, сохраняется еще древнее население Боспорского царства и прилегающих районов Приазовья и Причерноморья, где, по свидетельству языкознания, племена синдо-меотов и тавров говорили на диалектах индоарийской принадлежности, отличных от языка иранских скифов, сарматов, аланов. Сейчас имеются основания говорить также об отражениях местных индоарийских реликтов в местном славянорусском, что имеет немалое значение для относительной хронологии и одновременно открывает новые подходы к старой и спорной проблеме Азовско-Черноморской Руси. Реальность последней на Юге и Юго-Востоке, кроме упомянутых индоарийско-русских языковых встреч, определенно подтверждается архаичностью уже собственно русской (восточнославянской) топонимии и гидронимии Приазовья и Подонья, чем опровергается слишком поздний характер исторических датировок и обычно базирующееся на нем неверие исследователей в раннее славянское присутствие. Население юго-восточной зоны (Азовско-Черноморская Русь) имело сложный состав. Вероятно, именно здесь начал свое распространение на север, к славянам, этноним *Рус*, *Русь* (для сравнения: примерно из этого же, приазовско-предкавказского, района пришли к славянам первоначально инородные этнические названия хорватов и сербов). Вероятие южных истоков имени Русь подсказывают и письменные исторические свидетельства о том, что, например, Новгородский Север еще в XII в. не включался в понятие Руси. На Юге (Дон, Предкавказье) необходимо считаться с существованием некоего народа *Hrōs* (Захария Ритор, 555 г.). *Рус* — в непосредственной близости к Таманскому полуострову, ср. также приморский мореходный народ ‘*Rōs*, набегавший в IX в. на Византию со стороны Таврики (Крыма). Близ Таматархи-Тмутаракани упоминается в XII в. город ‘*Rōsīa*, практически там же еще раньше, в начале X в., восточные географы помещают остров Русия (ар-Русия), остров русов (упорные стремления совре-

менных историков локализовать этот объект далеко на севере неверно характеризуют географические представления ранних восточных авторов).

Отводя попытки исконно русской этимологии Русь — от географических названий (*Старая*) *Руса*, *Неруса*, *русло* или от *русый* ‘светловолосый’, маловероятные ввиду явно вторичного вхождения этнонима Русь в собственно славянский регион, мы обращаем внимание на то, что само это вхождение состоялось с Юга, с которым связана и особая древность свидетельств, и разнообразие взаимосвязанных форм, непротиворечиво объясняемых на упоминавшемся индоарийском языковом субстрате (а не на иранском, как иногда думают), а также практически единственная возможность раскрыть древнее значение и употребление прототипа имени Русь. Формы, родственные древнеиндийским *roká-*, *ruk-* ‘свет, блеск’, *rukṣá-* ‘блестящий’, просматриваются в *Rocas*, названии народа у Черного моря (Иордан), *Rhocobae*, название города, там же (Плиний), *Rosso Tar*, место на западном берегу Крыма в средние века, *Ῥευείναλοιί*, название племени (декрет Диофанта, II в. до н. э.), обнаруживая разнообразие фонетики и словообразования и читаемое значение ‘светлый, белый’. (Сюда также — с вторичным переосмыслением в связи с греч. *χρυσός* ‘золото’ — название северо-западного побережья Черного моря у Константина Багрянородного, X в.: *Χρυσός λευόμενος*; ср. и *Χρυσή*, название северопонтийской области у Евсевия, IV в.; обе последние формы — со знаменательным народным упрощением *ks > ss* в индоарийском прототипе). И греки, и днепровские славяне, похоже, понимали древнюю семантику индоарийских обозначений Северо-Западного Причерноморья как ‘Белой, Светлой стороны’, ср. греч. *Λευχὴ ἄχτῆ* ‘белый берег’ и др.-рус. **БѢЛОВАРЕЖЬЕ** — об устье Днепра и его округе. И в данном случае обращает на себя внимание эта подключенность рускославянской этнической памяти к традиции употребления термина ‘белый, светлый’ в качестве обозначения страны света ‘западный’, восходящей к древнему уходу большинства индоарийцев на Юго-Восток, причем ‘Белая / Западная сторона’ (Сев. Причерноморье) оставалась у них как бы за спиной. В этом контексте делается понятным словоупотребление «ко княземъ нашимъ свѣтлымъ рускымъ» в договоре Олега с греками 911 г. Есть и другие признаки сохранения понимания древнего значения Русь как ‘светлая сторона’.

Только «Южная» версия этимологии *Русь* способна убедительно раскрыть природу «двойственной огласовки корня» *y/o: Русь — Россия*. Для этого достаточно указать на то, что обе разновидности изначально представлены на юге и коренятся в специфически индоарийском продукте чередования гласных *o (au): u* в формах *Rok-* (**rauk-*), *Ruk-*, *Ruks-*, *Russ-*, *Ross-* (см. выше). До недавнего времени эта «двойственность» нередко считалась необъясненной.

Попутно полезно назвать еще один случай «затемнения» проблемы, который уместно обозначить как «западную версию» (в отличие от нашей, южной, и от северной, норманистской). При этом имеются в виду употребление этнонима *Rugi(i)* как несколько эфемерного названия руси в ученой европейской литературе средневековья. По своей природе это не что иное, как перенос более известного книжникам Центральной Европы названия германского племени ругов на менее известный народ Восточной Европы. Другой аналогичный перенос — *Ruteni* ‘кельтское племя в Аквитании’ → ‘славянская русь’. К собственному происхождению (этимологии) имени *Русь* эти «похожие» названия не имеют никакого отношения, несмотря на предпринимавшиеся попытки (Х. Ловмянский, О. Прицак). Показательно для нас лишь то, что эти литературные переносы тоже осуществлялись с юга на север.

Опираясь на изложенные факты, можно считать подготовленной концепцию переноса названия некоего (северопонтийского, таврического, индоарийского) народа *Рос* на Русь славянскую, сначала ближайшую, Азовско-Донскую, затем днепровскую и так вплоть до «Руси» варяжской. Тон задавал влиятельный и более престижный Юг (отнюдь не только в узком понятии Византии), и именно в орбите этого этнокультурного влияния конституировалась Русь как этнос. Это в основном подтверждается и критическим пересмотром лингвистической (этимологической) основы норманистской теории. Удобным переходом к ней от изложенного выше представляется оценка летописного словоупотребления **мы отъ рода рѹска** (или: **рѹскаго**), вложенного в уста послов Руси, носивших в основном скандинавские (варяжские) имена, что правильно было бы характеризовать как представительскую, дипломатическую формулу (Гедеонов). Послы-варяги, безусловно, выдавали себя за русь. Впрочем, в эпоху недостаточно стабильной этнической самоидентификации, когда

слабой позицией оказывалось подчас этническое самоназвание (вплоть до его отсутствия, так, этноним *шведы*, *sveii* этимологически означает не что иное, как 'свои', т. е. в сущности — отсутствие развитого этнонима), более или менее регулярное употребление представительской формулы было, возможно, трудно отличить от фактического (вторичного) самоназвания.

Дело в том, что формула **мы от рода русского**, успешно опробованная в Византии, на Юге, вполне логично могла применяться и на Севере, так сказать, при возвращении варяжского контингента домой. Это обстоятельство все еще недооценивается, хотя именно так могло возникнуть финское *Ruotsi* 'Швеция', из которого норманисты (школа Томсена) объясняют *Русь* как заимствование, будто бы первоначально обозначавшее исключительно шведов-варягов, тогда как на самом деле вероятно лишь то, что этим словом обозначались варяги, отслужившие на русской службе. Фин. *Ruotsi* получает, таким образом, объяснение как заимствование из нашего Русь или, вернее, из его прототипа **Ruksi / *Rutsi / *Russi* (индоарийские истоки этого последнего указаны выше).

Касаясь норманистской версии этимологии *Русь*, важно выделить, что постулируемого ею племени *Ros* в Скандинавии не удалось обнаружить. Предлагаемые взамен шведские *rops-tenn* или *rops-karlar* 'гребцы, мореплаватели', точнее — их первая часть, суть всего лишь ученые конструкты, поскольку и норманисты констатируют, что шведы сами так себя не называли. В этих условиях распространенное мнение, будто так называли их финны, не выдерживает критики. Кстати, финское *Ruotsi* (перенесенное, по-видимому, на Швецию вторично) финской этимологии не имеет. Скандинавский первоисточник также весьма сомнителен. Не случайно поэтому заключение Отрембского о норманской этимологии Руси в словаре Фасмера: «Эта концепция является одной из величайших ошибок, когда-либо совершавшихся наукой». В этой связи весьма поучительно, что в саамский, занимающий крайнее положение, слово, близкое к финскому *Ruotsi*, было заимствовано исключительно в значении 'русский, Россия; русский язык' (вторичность переноса финского *Routsii* на Швецию). Восточнофинские языки (удмуртский, коми-зырянский), также географически периферийные, со своей стороны, знают близкое слово только в значении 'русский'.

Изначальность (архаичность) именно этого значения представляется очевидной, по крайней мере, начиная с той праформы названия *Русь*, которая укоренилась в славянском Подонье и особенно — Среднем Поднепровье к началу второй половины I тысячелетия н. э.

Литература

Д. Т. Березовець. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XX. 1970.

В. А. Брим. Происхождение термина *Русь* // Россия и Запад. Пг., 1923. Т. I.

С. А. Гедеонов. Варяги и Русь. Ч. I—II. СПб., 1876.

Г. Ф. Ковалев. О происхождении этнонима *Русь* // *Studia Finlandensia*. Т. III. Helsinki, 1986.

Х. Ловмянський. Русь и норманы. М., 1985.

О. И. Прицак. Происхождение названия *Rūs / Rus'* // ВЯ. 1991, № 6.

И. И. Срезневский. Русское население степей и южного поморья в XI—XIV вв. // ИО-РЯС. Т. VIII. 1860.

Д. Л. Талис. Топонимы Крыма с корнем *Рос-* // Античная древность и средние века. Вып. 10. Свердловск, 1973.

В. Томсен. Начало Русского государства. М., 1830.

О. Н. Трубочёв. *Indoarica* в Северном Причерноморье.

О. Н. Трубочёв. К истокам Руси. М., 1993.

О. Н. Трубочёв. В поисках единства. 2-е изд., доп.: гл. V. По следам Азовско-Черноморской Руси.

М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубочёва. 2-е изд. Т. III. М., 1987. С. 522—523; *Русь*: т. IV. М., 1987. С. 855.

И. П. Шаскольский. Вопрос о происхождении имени *Русь* в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967.

J. Otrębski. *Rusь* // *Lingua Posnaniensis*. VIII. 1960.

S. Rospond. Pochodzenie nazwy *Rusь* // *Rocznik slawistyczny*. T. XXXVIII. Cz. I. 1977.

РУССКИЙ — РОССИЙСКИЙ.

ИСТОРИЯ, ДИНАМИКА, ИДЕОЛОГИЯ ДВУХ АТТРИБУТОВ НАЦИИ

Когда меня попросили выступить на тему, мне вспомнились прочитанные несколько лет назад в одном толстом журнале (помнится, это был «Новый мир») посмертные записки одного литератора, вновь ставшего популярным после 1985 г. (помнится, это был Даниил Хармс). Там были, в частности, рассуждения, для меня, лингвиста, досужие и даже невежественные. Может быть, не стоило бы и вспоминать, но я все-таки позволю себе это. Суть рассуждений касалась популярного и сейчас вопроса о русской «странности»: «странным» тому литератору показалось у русских то, что они именуются не существительным, как якобы нормально для других народов (англичанин, немец, француз), а прилагательным: русские. Однако, имея он чуть более знаний или просто — внимания к небрежно затронутому им вопросу, то писатель, думаю, согласился бы, что дело обстоит иначе. Названия (самоназвания) наций, народов вообще, как правило, адъективны: все эти *Español, Italiano, Français, Deutsch, American, Magyar, Suomalainen* — прилагательные, а значит, они типологически однородны с нашим самоназванием *русский, русские*, а не отличны от него, и эту черту, кажется, тоже имеет смысл удержать в памяти, вместо того, чтобы соблазняться услышанным понаслышке.

Наше вступление прямо связано с национально-языковой атрибутикой, которой предстоит заняться. Специфика «русского» случая, к сожалению, не исчерпывается отмеченной простой ситуацией, но, напротив, предъявляет нам свои сложности, суть которых — употребление синонимов. Другие примеры национально-языковой атрибутики в смысле синонимии, конечно, тоже известны, достаточно назвать *hrvatski ili srpski jezik*, испанский или кастильский, с их известной неустойчивостью. Русская специфика на этом фоне сохраняет свое своеобразие, со своими, подчас неправильно толкуемыми и понимаемыми, тенденциями.

Собственно говоря, вначале всё было относительно просто. От главного этнонима *Русь, русь*, более глубокой этимологией которого мы занимаемся в других местах¹, очень рано

¹ *О. Н. Трубачёв*. Русь, Россия. Очерк этимологии названия // Русская словесность. 1994, № 3. С. 67—70 (с дальнейшей литературой).

было образовано этническое определение *русский*, *русьскими* с неограниченным полем употребления. Это прежде всего обозначение страны — весьма устойчивое название *Русьская земля*, ср. в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского: **Похвалимъ же и мы... великааго кагана нашеѣ землѣ Володимѣра, вѣн ка старааго Игоря, сына же славьнааго Святослава, ... не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычествоваша, нѣ въ Рүсьцѣ, же вѣдома и слышима естъ вѣстѣми четырьми коньци землѣ**¹. И так теоретически — с X в. и более ранних веков, ср. **по всеи земли Рүсьстѣи** (Церк. устав. Влад. 12. XIII XI в. — Картотека Древнерусского словаря, далее — КДРС, из которой почерпнуты в большинстве своем наши сведения, особенно ценные для нас ввиду невключения этнонимов в существующие древнерусские словари). Примеры показывают универсальность употребления слова *русский* от Владимира Святого практически до Петра I: *рускіе товары, рускіе города, по орѣху рускому величиною, съ версту рускую, замокъ рускій, желѣзный, в рускіх странах, русское двойное вино, рускіе люди, русской лес: сосна, ель, береза, дуб, вяз, ясень, рябина, липа, ивняг; князи рустши, рускіе серебряные деньги, митрополитъ русьскій, кобылка рыжа руская, руская телѣга, Русскій Переяславль* (не уточняя датировок, отмечу лишь, что большинство данных КДРС принадлежит к XVII в. и другим поздним векам). С этими данными согласны и показания других источников, например «Памятники южновеликорусского наречия» (отказные книги), изданные С. И. Котковым и Н. С. Котковой (М., 1977, *passim*): *руских воров, с русской стороны, на русской сторонѣ*. Показательна возможность употребления *русский* на самом высоком политическом уровне: «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго», 90-е гг. XIV в.². В духе упомянутой универсальности словоупотребления *русский* могло обозначать и то, что мы сейчас назвали бы церковнославянским переводом Грамматики и Псалтыри начала XVI в.³, и явно просторечный, живой «русской природной язык» протопопа Аввакума.

¹ *Иларион*. Слово о Законе и Благодати / Сост. В. Я. Дерягин; реконструкция древнерусского текста Л. П. Жуковской. М., 1994. С. 72.

² История русской литературы. Т. I. Л., 1980. С. 163.

³ *D. S. Worth*. The origins of Russian grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. Columbus, Ohio, 1983. P. 76: *рускіи языкъ*; *Ф. П. Филин*. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 109.

Всё шло к тому, чтобы и последующим нашим векам передать это широкое и незамутнённое словоупотребление *русский* наших более ранних столетий, ср. М. Д. Чулков, «Абевега русских суеверий», В. А. Левшин «Русские сказки» — из предпушкинской эпохи, склонности языка народного бытописания Г. Р. Державина¹, не говоря о языковых предпочтениях самого Пушкина, к чему обратимся специально позже.

Здесь время взглянуть на языковую сторону вхождения Руси в Европу, ее, так сказать, европейской интеграции, на терминологизацию этого феномена, который, при всем обнаруженном к нему интересе, не получил окончательной характеристики. Для прототипов европейского названия нашей страны вполне подходили уже известные *Русская земля*, *Русь*, активно, кстати, употреблявшиеся ещё в первых наших (рукописных) газетах, «Вестях-курантах», первой половины XVII в. Ничто не мешало, например, тем же голландцам, перенявшим у нас приблизительно тогда же название забытой богом Новой земли — *Nowaja zembla*, перенять и наше главное самоназвание, *Русская земля*. Правда, тогда предпочли, по-видимому, перевод, каковым и явилось немецкое *Rußland*, собственно, *Русская земля* и его варианты. Но другой, древнейший, вариант нашего самоназвания — *Русь* — очень рано получил в Центральной Европе удобное осмысление как плюраль: *Russi*, *Ruzzi* (так у анонимного Баварского географа IX в.), совершенно в духе распространенных тогда же и там же других этнических плюралей. Перспектива у этих этнических плюралей была одна — превращение в названия стран на *-ia* книжно-письменной преимущественно латинской традиции средневековой Европы. Оттуда ведет свое начало название нашей страны в форме *Russia*, ограниченно проникшее и в нашу письменность: **гсдрю црю великому кнзю Млханлу Федоровичю всеа Русии...** 1626 г.² Можно сказать, что значительная часть европейских стран сохранила такую форму названия России от того времени: сюда относятся франц. *(la) Russie*, англ. *Russia*. И наши южные братья-славяне зовут нас именем той же формы: сербохорв. *Русија*, болг. *Русия*. Последнее особенно любопытно, потому что как раз с Юга, из Византии, объясняют обычно принятую у нас форму на *-o-*: *Россия* из греч.

¹ История русской литературы. Т. I. Л., 1980. С. 605, 644.

² Вести-куранты. 1600—1639 гг / Изд. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972. С. 73—74.

Ῥωσσία (Фасмер III. С. 505). Ссылки при этом на канцелярию Константинопольского патриарха понятны, по-гречески выглядит и ударение *Россія*, ср. у Кариона Истомина, 1694 г. КДРС: *велика часть есть асиі / держава в ней и Россіи*. Уже чтение греч. ω двусмысленно: возможно -о-, возможно в позднее время и в диалектах -и-. Дальше весомость обретает европейский контекст, участие в котором Византии — после 1453 г. (взятие Константинополя турками) — все-таки минимально. Европейский контекст достаточно сложный. Начать с того, что необходимо рассматривать совокупность из трех форм: *Россия* — *российский* — *россияне*. Кроме нас, вся эта триада представлена у поляков: *Rosja* — *rosyjski* — *Rosjanie*. Уже стандартные украинские формы *Росія* — *російський* — *росіяни* едва ли имеют большую временную глубину и, возможно, навеяны польским. «Малоруско-німецкий словарь» Е. Желеховского и С. Недільского (Т. II. Львів, 1886) дает только *руський, русский* (значения опускаю), но не знает ни *російський*, ни *росіяни*. Остается добавить, что для белорусов мы по-прежнему *рускія* мн. ‘русские’, и это тоже архаизм.

Остальное — инновации, целая группа инноваций. Заимствованный, в основном западный, характер названия *Россия* довольно очевиден; об этом говорило бы удвоение -ss- как позднелатинский способ нейтрализации озвончения интервокального -s- (исходная греческая запись обладает одинарной сигмой). Ударение «греческого» вида тоже не очень показательно ввиду реальности старопольского *Rosyja*, типа *Azyja* — *Azja*, как о том говорит производное от него *rosyjski*, ср. ст.-польск. *Maryja* (позднее — польск. *Maria*) в 1-й строке *Bogurodzica, dziewica, Bogiem slawiona Maryja...* Так что все сводить к влиянию русской формы на польскую, как делает Фасмер, не кажется убедительным. В названии *Россия* представлено искусственное образование (ср. Brückner. S. 463), следы которого ведут на Запад. Любопытно, что думал на этот счет Даль (2-е изд. Т. IV. С. 114): «...только Польша прозвала нас Россией, россиянами, российскими, по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кириллицу свою и пишем русский!».

КДРС не знает россиян раньше эпохи Петра, зато потом они встречаются у Ломоносова, в рассуждении о «высоком» штиле¹, и у Карамзина, «Из записок одного молодого Россиянина»

¹ История русской литературы. Т. I. Л., 1980. С. 536.

(1792 г.)¹. Печать искусственности лежит и на этом образовании, несмотря на то, что модель на *-(j)aninъ* — вполне славянская, ср. кратко ниже.

Обращаясь к слову *российский*, отметим его нехарактерность для живого среднего стиля. Ни в одном из известных мне четырех томов «Вестей-курантов» с 1600 по 1650 г. *российский* не отмечено ни разу, безгранично господствует *русский*, идет ли речь о простых людях, боярах, послых, царевнах, гонцах, рубежах, подданных. Ср. то же по данным книги С. И. Коткова «Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв.» (М., 1970, *passim*). Искусственный атрибут *российский*, напротив, зарекомендовал себя сначала претензиями на высокое, «царское» словоупотребление, ср. адресат послания Ивана Грозного «во все Российское царство», 1564 г.², «Новая повесть о преславном Российском царстве», 1610—1611 гг.³, *благолетие росийское*, «Сказание Авраамия Палицына», 1620 г. (КДРС), *Царство Росийския державы* (Космография 1620 г., КДРС), *Росийское государство* в сочинении Котошихина, в грамоте Михаила Федоровича 1614 г. (КДРС). Вместо *Руская земля*, читаем *росискую землю* (Волокол. пат. 2, КДРС). Наблюдается распределение: *кнѣзи росишских*, но *русских людеи*, *русских вестях* (7)⁴. Дело порой доходит, явно вторично, до смешения: *грамотку... росийским письмом грамотки русским же письмом*. Посольство Толочанова, середина XVII в. (КДРС), причем *росийское* равно *русскому* и семантически, и функционально. Выученик Славяно-греко-латинской академии Ф. Поликарпов помещает в своем «Лексиконе» 1704 г. характерное: «Рускій, зри російскій», последнее же находим у него как бы в дополнениях пропущенных слов, ставшая ~~ча~~ реченіа: *російскій, rutenus*⁵. Явная избыточность атрибута *российский* благоприятно сказалась на его карьере, в унисон патетическому сочинительству

¹ Там же. С. 748.

² История русской литературы. Т. I. Л., 1980. С. 282.

³ Там же. С. 300.

⁴ Грамотки XVII — начала XVIII века / Изд. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова; под ред. С. И. Коткова. М., 1969, *passim*.

⁵ *F. Polikarpov. Lexikon trejazycnyj. Dictionarium trilingue. Moskva, 1704 / Nachdruck und Einleitung von H. Keipert, O. Sagner. München, 1988 (= Specimina philologiae slavicae / Hrsg. von O. Horbatsch, G. Freidhof und P. Kosta. Bd. 79). S. 598, 798.*

и сочинителям. Этой моде, удаляющейся от ровного стиля посольской канцелярии, воздали обильную дань на рубеже эпох многие, в их числе и Поликарпов, от дальнейших опытов которого разумный Петр ждал «не высоких слов славенских, но простого русского языка». Известно, что И. А. Мусин-Пушкин так сформулировал Ф. Поликарпову критику царя: «Посольского приказу употреби слова»¹. Но дело было сделано, и совершенно избыточное *российский* начало свой триумфальный ход уже не только в витиеватом высоком стиле, но буквально вытесняя атрибут *русский* в его фондовых значениях, и если Кантемир еще пишет о сложении *стихов русских*, а Сумароков — «о *русском языке*», и Третьяковский — о «простом *русском языке*», то Ломоносову этого явно недостаточно, он заявляет о правилах *российского стихотворства* (1739 г.), позднее пишет «*Российскую грамматику*» (1755 г.), говорит о «*российском языке*». Мода на все «российское» наступает в патетическом и героическом XVIII в. широким фронтом — от «Истории российской» В. И. Татищева, *Российской земли* в известной оде Ломоносова 1747 г., комедии «*Слава российская*» (еще при жизни Петра) вплоть до *российских матросов* и *российских кавалеров*, героев популярных повестей. Сюда же, разумеется, «Древняя *Российская вивлиофика*» и «Опыт исторического словаря о *российских писателях*» просветителя Н. И. Новикова, словопотребление *российский гражданин* у Княжнина и такой венец искусственного словотворения, как название национальной героической поэмы М. М. Хераскова «Россиада». Нельзя пройти мимо этих опытов трактовки также и всего древнерусского как «древнего российского», так что есть повод говорить не только и не столько об известии словес и патетике, но и о своеобразной модернизации. Составители тома I «Истории русской литературы» (Л., 1980) почему-то так и не заметили, что в этом вытеснении *русского российским*, о чем в этой «Истории» вообще — ни слова, обозначилась тенденция смены общественной парадигмы, как мы назвали бы это сейчас. О какой смене общественной парадигмы идет речь — это вопрос, уже выходящий за рамки моего нынешнего сообщения, но остается фактом эта тенденция, это мироощущение, пришедшее вместе с XVIII в., когда ряду отечественных деятелей стало как бы тесно в Рус-

¹ История русской литературы. Т. I. Л., 1980. С. 380.

ской земле, их манили, как Карамзина, «священный союз всемирного дружества» «всех братьев сочеловеков»¹.

Опыты вытеснения *русского* *российским* того времени легли на почву, а точнее сказать — на арену обширной деятельности иллюминатов, просветителей, иначе говоря — масонов. У Екатерины II были, видимо, свои резоны увидеть в этой деятельности не одну лишь пользу. Важна ли была борьба синонимов *русский* — *российский* на общем, казалось, неизмеримо более значительном общественно-историческом фоне, и, короче, заметил ли кто-нибудь вообще ту игру синонимов или все прошли мимо, не заметив, как наши литературоведы по XVIII веку? Нет, всё оказалось гораздо тоньше и многозначительнее. По-настоящему великие деятели и художники доказывают это нам практикой своего творчества. Это и *народ русский* как субъект карамзинской «Истории государства Российского», и его же «Письма русского путешественника» 1790-х гг. Радищев, язык которого считают темным, в предельно ясной форме высказался о *русском человеке* как вершителе *Истории Российской*².

И, наконец, подлинное раскрытие всей искусственности эксперимента с *русским* — *российским* XVIII в. смог дать нам, как мы того и ожидали от него, наш Пушкин. Мы смеем это утверждать, даже не имев возможности обратиться именно сейчас к картотеке Большого академического словаря в Петербурге, но имея, к счастью, под рукой «Словарь языка Пушкина» (т. III. М., 1959), фиксирующий количество словоупотреблений. И вот результат: в языке Пушкина *российский* прил. к *Россия*; *русский* встретилось 53 раза, а *русский* как прилагательное и существительное в общей сложности — 572 раза, в десять раз больше! Пушкин, сам будучи сыном XVIII в., не обманулся поверхностной модой предшественников, кстати, им высоко чтимых, и показал, что он также и в этом разумный консерватор. *Россиянин*, кстати, у Пушкина отмечено только в десяти примерах.

Я резюмирую эту часть своих наблюдений над терминологическим феноменом вхождения нашей страны в Европу, считая долгом отметить, что, при всей искусственности терминов *Россия*, *российский*, наши далекие предшественники в общем

¹ История русской литературы. Т. I. Л., 1980. С. 748.

² Ср. цитату из «Путешествия» Радищева: Г. Н. Моисеева. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 96.

правильно восприняли их как символы нашей европейской интеграции, иначе трудно было бы понять остальное, отмеченное выше. Но спрашивается, было ли это единственно возможным способом? То, что это не так, показывает опыт других стран, дальних и ближних. Германия, например, сохранила свое старинное и очень национальное самоназвание *Deutsch-land*, буквально ‘Народная земля’, латинское *Germania* немецкая культура применяет лишь в смысле «Германии» Тацита; Англия сама себя по-прежнему называет Англской землей, землей англов, *Eng(l)-land*, а не *Anglia* по-латински, т. е. по принципу ‘Русская земля’, хотя названия стран и областей по латинской модели на *-ia* широко популярны в англоязычной культуре, ср. названия американских штатов *Pennsylvania*, *Georgia*, *Virginia*. Обратимся к славянским странам и с интересом отметим, что самая латинизированная из них, Польша, как раз продолжает именовать себя по принципу, оставленному нами, — *Polska* (ср. *lic. ziemia*) ‘Польская (земля)’! По тому же славянскому принципу называется соседняя Словакия — *Slovensko*. Нашу Россию там называют *Rusko*. Несмотря на мощное влияние западных соседей Чехия так и не приняла латинское название *Bohaemia*. Хорватия, называемая нами (и всей Европой) по образцу латинских названий стран на *-ia* (в частности, *Croatia*; точно так же мы «латинизируем» Чехия, Словакия, прежде — Чехословакия), упорно сохраняет славянский способ самообозначения — *Hrvatska*. Аналогично, на *-ska*, оформлялось в старину и название Сербской земли, и Болгарской, в новое время мы имеем там *Srbija* и *Bългария*, что напоминает нам известные центральноевропейские инновации на *-ia*, но пикантность вопроса в том, что на Юге нельзя исключать воздействия не только однотипных греческих образований на *-ία*, но и, скажем, турецкого самоназвания *Türkiye* ‘Турция’ (при всей возможной неясности отношений последнего к центральноевропейским названиям стран на *-ia*).

Чему еще может научить нас славянский, славистический опыт? Сербские образования *Sрбијанац* ‘серб из внешних, более отдаленных областей’, сюда же *србијански*, *Србљанин*, *lingua seruiana* ‘сербский язык’ (в письменности Дубровника XV — XVIII вв.) способны, наконец, подсказать нам правильное употребление нашего *россиянин*, история которого, разумеется, не кончилась полтора века назад. Хуже того, и *россиянин*, и *российский* сейчас, может быть, как никогда употребляются край-

не неточно. Небрежностью это можно назвать далеко не всегда и уж, конечно, не в тех случаях, когда оба слова — *россиянин* и *российский* — наделены отчетливой идеологической, политической установкой — вытеснить, заменить слово *русский*. Довольно длительное время вытеснению *русского*, как известно, служило и великолепно использовалось *советское*. Сейчас это прошло, но *русское* восстанавливается (если восстанавливается вообще!) с большими, искусственно чинимыми трудностями, и на сей раз препоны русскому возрождению чинятся весьма искусно, с помощью ставших модными *россиян* и всего *российского*, вплоть до отдельных ведомственных предписаний употреблять *российский* вм. *русский*. Если еще принять во внимание, что на всех углах нам твердят со всей мощью СМИ о вхождении в новую Европу и мы имеем дело с очередной европейской интеграцией, то параллели из прошлого, рассмотренные выше, могут пригодиться. Не повторяя подробно то, что писал или говорил по этому поводу в других местах, все же укажу на концептуальность атрибута *русский* (русский язык, русская литература, русская культура, русская языковая картина мира, наконец, русский языковой союз, о котором я также писал, но здесь не могу отвлекаться). Всего этого с точностью не выразить словом *российский*, не вызвав неоправимой подмены понятий, не совершив грубой языковой ошибки. Между словами *российский* и *русский* отсутствует отношение взаимозаменяемости; *русский* этнично, а *российский* благодаря своей прямой зависимости от *Россия* имеет сейчас свой, только ему присущий, административно-территориальный статус. В отличие от *русского*, *российский* и *россиянин*, к тому же, — шире (может включать и нерусского россиянина), семантически расплывчатее (возможно, этим и привлекает мозги, работающие на европейскую интеграцию?).

Какая бы то ни было интеграция, запрограммированная на дезинтеграцию (в нашем случае — России), вызывает у нас глубокие сомнения. Именно среди нынешних апологетов *российского* (за счет *русского*) приходилось встречать деятелей, способных даже при обсуждении проекта закона о языках сначала — РСФСР, потом — Российской Федерации поступиться и государственным, и межнациональным статусом русского языка во имя, порой, совершенно мифических суверенитетов. Наблюдаемая рецессивность словоупотребления *русский* в пользу *российского* является плодом подобного просвещения. Пример:

высокий государственный деятель в стране, на протяжении нескольких лет так и не решившийся публично произнести слово *русский* (разве что за исключением одиозного упоминания про «русский бунт, бессмысленный и беспощадный»). Я готов, впрочем, допустить, что мы имеем дело в повседневной практике не с одними только проявлениями недоброй воли и тенденцией растворить русское в российском. Не меньше случаев простого недопонимания, и именно с ними нужно работать и разъяснять. Я допускаю, например, что языковое (и прочее) различие между *русский* и *российский* часто просто не понимают на Западе, как не понимают его и наши расплодившиеся доморощенные переводчики с английского и на английский, когда переводят, например, Российская федерация — Russian Federation; адекватно только — Federation of Russia (иначе получается «Русская федерация»).

Можно продолжить изучение оппозиции *русский* — *российский* (а мы здесь имеем перед собой в настоящее время оппозиционную пару терминов) и дальше в плане лингвистической теории и типологии, в плане языкового перевода, приравняв, например, более широкое *российский* к нем. *ungarländisch* (параллельного **rüßländisch* как будто еще не существует), а более специальное *русский* — к нем. *ungarisch*, имея в виду то вполне подходящее как параллель обстоятельство, что и старое королевство Венгрии населяли не одни венгры, но и словаки, хорваты, валахи. Позволительно взглянуть на оппозицию *русский* — *российский* как на оппозицию по семантической маркированности, когда один из терминов — маркированный (иначе — признаковый, интенсивный), а другой, соответственно, — немаркированный, «неотмеченный», беспризнаковый, экстенсивный. Похоже, в нашем случае маркированным будет *русский*, более определенный, четкий термин, а немаркированным — более расплывчатое, менее четкое *российский*. Наше наблюдение кажется нам небесполезным, тем более, что исследователь (один из исследователей) проблемы маркированности отмечает, со своей стороны, что именно маркированность относится к числу наименее инвентаризированных формальных признаков языка. С автором (а это был датско-американский лингвист Х. Андерсен) нельзя не согласиться, потому что о нашей терминологической паре *русский* — *российский* он, например, даже и не думал, когда изрекал эти справедливые суждения: «...отношения маркирован-

ности присутствуют во всех случаях, где язык предоставляет своим носителям возможность выбора»¹.

РУССКИЙ ЯЗЫКОВОЙ СОЮЗ

Я не буду говорить ни о своих исследованиях, которые я веду как языковед, славист, ни даже об общественном начинании Русской энциклопедии, поддержку которому ищу. Сегодня хочу сказать о том, что не может не интересовать нас всех без различия специальностей, — о нашей общей ситуации в той ее части, которую огромное большинство либо недооценивает, либо оценивает неверно, — о положении русского языка на небезразличном для всех нас пространстве земли.

Для краткости — несколько примеров.

...Душанбинский телерепортер интервьюировал пару дней назад на тамошней улице природного старика-таджика, заявившего, между прочим, в микрофон «Все камунисты — вори» ...Хитрый старик! Он точно рассчитал, как найти путь к сердцу Центрального телевидения. Умный старик, он понял, что и ему, видимо, простому крестьянину, торговцу или ремесленнику с отдаленной окраины, полезно знать русский язык. Я бы сказал, что он оказался дальновиднее целого парламента (по-нынешнему — меджлиса) Туркменской республики, который в одном из последних своих указов отменил русский язык как средство межнационального общения.

...Турецкий премьер-министр Демирель, совершая облет среднеазиатских государств, приземлился в Ташкенте и заявил, что он прибыл на землю своих предков. Однако любопытно, что встречавший его президент Узбекистана приветствовал турка на русском языке. Как бы ни вспучились прежде условные границы, как бы ни выиграли суверенитеты, надобность и полезность знания русского языка понимают широкие и далеко не самые образованные слои населения Средней Азии (о президентах, как видим, и говорить нечего...).

Совсем недавно я выступал официальным оппонентом на докторской защите хорошего человека, азербайджанской

¹ *H. Andersen. Markedness theory — the first 150 years // Markedness in synchrony and diachrony / ed. by O. Miseska Tomic. Mouton de Gruyter. Berlin; New York, 1989 (= Trends in linguistics. Studies and Monographs 39 / Ed. W. Winter). P. 41.*

женщины Лалэ Гусейновны Гулиевой. И по-азербайджански она зовется Гулиева Лалэ Гусейн кызы. Гулиев, Алиев, Муталибов, Мамедов, Ахундов и многие другие азербайджанские фамилии оформились как фамилии на *-ов*, *-ев* под воздействием русского образца. И это только один пример, хотя и сам по себе весомый, влияния русского языка, которое не могло не быть в данном случае довольно длительным.

Речь идет об уже давнем широком и глубоком воздействии русского литературного, книжно-письменного языка, а через его посредство — русской литературы и культуры на многие народы, с которыми суждено сосуществовать русскому народу и русскому языку. Это воздействие было многоликим, и оно в основном реализовалось, как и положено языку культуры и цивилизации, в виде потока слов, типичных значений, специальных терминов, выражений оборотов речи. Это естественный феномен и процесс. Административное вмешательство и репрессивное законодательство здесь не достигают цели. Отменить русский язык как средство межнационального общения нельзя.

Размышляя над этим феноменом и его аналогиями в мировом языкознании, я пришел к выводу, что мы имеем перед собой Русский языковой союз. Он сложился не вчера и даже не в СССР, а в обширных границах старой России. К слову сказать, ни один национальный язык не пал жертвой русского языка и этого Русского языкового союза, хотя в хулителях недостатка не было. В имевших место негативных явлениях, фактах ослабления позиций национальных языков повинны не чьи-то козни, а несовершенство национальной политики, сплошь и рядом низкий культурный уровень местного населения, в том числе руководящего слоя, неразвитость национального сознания.

Игнорировать столь значительный феномен — не только нашего языка, но нашей жизни — долее казалось невозможным, поэтому я выступил несколько лет назад на эту тему в печати, назвав это явление своим именем — Русский языковой союз. К сожалению, и среди языковедов — почтенных и менее почтенных — нашлись демагоги, ревниво озабоченные, как бы русского престижу излишне не прибыло. Были даже попытки выдать меня за «великодержавного шовиниста».

Отчасти — ситуация из разряда «нести пророка в своем отечестве». К неудовольствию этих лиц, правда, потом у меня нашелся и мощный единомышленник за пределами Отечества —

умерший в эмиграции великий русский ученый, профессор Венского университета князь Николай Сергеевич Трубецкой. В его недавней посмертной публикации говорится о зоне мощной культурной радиации, образованной воздействием русского языка на многие другие языки всей нашей страны...

И все же сюжет показался кому-то небезопасным, за ним маячит — ни к селу, ни к городу — «русификация», которую кто-то злонамеренно якобы насаждает или, по крайности, может нести за нее ответственность. У нас не любят нести ответственность...

Но бесконечно долго бегать, как черти от ладана, от проблем Русского Языкового Союза не смогут и наши специалисты по русскому языку как средству межнационального общения. Чуть больше последовательности в видении реальной культурно-языковой ситуации можно порекомендовать и им.

...Речь отнюдь не о том, что было да прошло, как можно подумать. Ведь большой Союз похоронили, и ведущий белорусский политик высказался даже в том смысле, что был тот Союз основан «на лицемерии» (?). Пусть так, но тогда зачем столь заинтересованно все — буквально все (и в Киеве, и в той же Прибалтике) — откликнулись желанием слушать и смотреть 1-й канал Московского телевидения в ответ на недавний опрос. Совершенно непонятное исключение — отказ Днепропетровска, университет в котором я окончил вот уже ровно сорок лет назад, и знаю, что русский язык имел там не последние позиции. Неосновательность этого отказа вскоре, впрочем, побудила Днепропетровск принять обратное решение — о приеме 1-й программы Останкино.

Судьба единого для всех ТВ-канала — это только один сюжет в общем многоголосом хоре, к которому стоит прислушаться, потому что он что-нибудь да значит. То и дело раздаются сетования насчет утраты единого спортивного, футбольного пространства, единого театрального (да, и такого тоже!) пространства, единого медицинского, гинекологического и т. п. пространств. Между прочим, все до одной республики бывшего союза, в том числе и свободолюбивые балтийские государства, не могут, оказывается, жить без единой Всесоюзной (!) аттестационной комиссии (ВАК). Спрашивается, не является ли это еще большим лицемерием и не прячется ли за всей этой достаточно серьезной ностальгией по единому информационному пространству мысль о возрождении нашего общего Союза —

мысль, запуганная и затюканная немедленными обвинениями в «имперском мышлении», но оттого не менее жизненная.

Так много толкуя про экологию, мы бездумно развалили свой великий «экос» — дом, во всяком случае, нам кажется по распадению зримых частей Дома, что он разрушен окончательно. Однако незримый дух Дома — Русский Языковой Союз, не вдруг и не нами созданный, — продолжает прочно держать нас вместе, и однажды он сведет нас воедино.

21.05.1992 г.

О ЯЗЫКОВОМ СОЮЗЕ И ЕЩЕ КОЕ О ЧЕМ

Сначала, пожалуй, «кое о чем». Наше оживленное время изобилует форумми и «круглыми столами». Об одном «круглом столе» рассказывает «ДН» № 6 за этот год. Мы все привыкли к условности названия (круглая столешница на ножках при этом бывает необязательна...), но, чувствую, начали привыкать и к условности понятия, поскольку, если вернуться к его истокам, то оказывается, что «круглый стол» — это, прежде всего, равноправное обсуждение разных взглядов. Давно уже — лет тридцать тому назад попалась мне на глаза одна зарубежная газетная информация о многострадальном Кипре; журналист, не лишенный чувства юмора (назовем его юмором усталости), рассуждал, что вся беда проистекает от непримиримых различий в терминах, которыми люди обозначают ходовые понятия. Так, на Кипре во всех конфликтных ситуациях греки твердят свое *Эносис* — единство, а турки — *таксiм* раздел.

Мне в том «круглом столе» «ДН» не хватает чего-то или, скорее, кого-то: может быть, все-таки греков. Это как раз тот случай, когда «круглому столу» недоставало «круглости», что же касается мыслей о единении вокруг русского языка, то некоторыми собеседниками дружбинского «круглого стола» они были встречены прямо с недружелюбным подозрением и недоверием: русскому языку такая позиция, выходит, вовсе ни к чему, позиция у него и так сильная, а тут вдруг станет еще сильнее, что вовсе необязательно и вообще отдает эгоцентризмом... Почему уж тогда сразу не «ассимиляторством»? Все упреки направляются в некое пространство за пределами «круглого стола», за «круглым» же «столом» как-то сама собой установи-

лась приятная атмосфера взаимопонимания вследствие молчаливого согласия расхождений между собой не замечать и в дефинициях друг друга не поправлять. Проявлять интерес к самосознанию народа? Незачем: у русского народа и так всего в избытке — и самосознания, и патриотизма, так, по крайней мере, полагает один из собеседников «стола» (И. А. Дедков). Поглощенный своим спором с отсутствующими оппонентами, он сочувственно внимает словам другого собеседника того же «стола», хотя из слов этого другого собеседника (Вяч. Вс. Иванов) все же выходит, что «проблема русского самосознания» не надуманная, она существует и созвучна поискам своеобразия пути русской культуры. Но не слишком спешите радоваться, а то вы еще, чего доброго, возомните, что нам всем разом можно с головой уйти в проблему русского самосознания. Это князь Николай Сергеевич Трубецкой написал, причем давно и объективно, а в наших с вами устах сейчас это уже будут «опасные тенденции» — я это воспроизвожу, правда, не с «круглого стола» «Дружбы народов», но, смею заверить, при аналогичном обсуждении очень близкой темы. Вообще как остро бывают нужны на Руси непогрешимые варяги! При их упоминании как-то сам собой стихает весь охранительный пафос, право на который заявляют порой с самой неожиданной стороны. Поэтому, я думаю, и мне простится моя апелляция к грекам и туркам.

На этом свои размышления «кое о чем» можно окончить и перейти к вопросу научному, который, как я заметил, стоит лишь упомянуть о нем, вызывает нервную реакцию у отдельных собеседников «круглого стола», а также других столов и их столоначальников. Начнем поэтому с осторожностью. Так, замечено, что, в общем, все вроде считаются с наличием у нас двуязычия; не все, правда, довольны, есть и такие, которые за своих детей опасаются, но не отрицает как будто никто. Все верят, что есть двуязычие, но вера есть вера, она слепа и как таковая старается не омрачать себя мыслями о причинности явления. Однако... *quod licet* журналисту, нехорошо со стороны лингвиста. Вяч. Вс. Иванов, собеседник означенного «стола», лингвист, называющий меня своим коллегой, спокоен в отношении причин двуязычия, он о причинах вообще не говорит и подтрунивает над Олегом Николаевичем Трубачёвым, ставящим вопрос о языковом союзе. Тут, во-первых, мне и остальным читателям «ДН» снисходительно внушают, что понятие было введено «двумя русски-

ми учеными, которые работали тогда за границей». После этих имен (Трубецкой! Якобсон!), конечно, всякое поползновение самостоятельно мыслить увядает в зародыше. Впрочем, условия принимаю — буду тоже изо всех сил держаться авторитетов, а то, как говорится, в своем отечестве (даже таком большом) несть пророка. Итак, если я правильно понял Вяч. Вс. Иванова, точка зрения О. Н. Трубачёва о наличии в нашей стране языкового союза, объединяющегося вокруг русского языка, «является более чем спорной именно в научном плане». Во-вторых (и, видимо, в главных), по Вяч. Вс. Иванову, ни в моих научных статьях, ни тем более — публицистических нет доказательств идеи языкового союза, есть лишь, увы, одна терминология, вводящая в заблуждение. Правда, сказано в статье О. Н. Трубачёва черным по белому («ДН» № 5. 1988, с. 244), что «двуязычие — естественный атрибут языкового союза» (спрашивается, это тоже голая терминология, которая вводит в заблуждение?), но я, в конце концов, могу понять Вяч. Вс. Иванова (мало ли что там написал и даже причинно увязал в своей статье О. Н. Трубачёв!) и без дальнейшего сопротивления прибегаю к заграничному авторитету, как и обещал. Лингвист Генри Кахане, фамилия которого, не сомневаюсь, известна Вяч. Вс. Иванову, в своей специальной работе «Типология престижного языка» в американском журнале «Лэнгвидж» за 1986 год недвусмысленно свидетельствует о том, как «длительное влияние престижного языка выражается в стандартизации, создании языкового союза и относительно устойчивой культуры двуязычия». Не нужно шараться в ужасе при словах «престижный язык» в разные стороны или преисполняться обиды, слова эти, повторяю, не мои, а лишь цитируемые мной. Автор разъясняет далее, что «усвоение такого языка мотивируется в первую очередь его отождествлением с образованием». Престижный язык — это «окно в мир». Разве вам это ничем не напоминает положение с русским языком в нашей стране?

Типы языковых союзов отнюдь не исчерпываются теми, которые приводит Вяч. Вс. Иванов (я помню, что от беседы за «круглым столом» нельзя требовать научной полноты, но Вяч. Вс. Иванов, будучи снисходителен к своей собственной научной аргументации, весьма требователен и критичен к публицистике О. Н. Трубачёва). Я бы поправил и дополнил его рассуждения тем, что среди языковых союзов есть еще такие, где на первом плане — не взаимоуподобление фонетики и даже морфоло-

гии, а влияния в области лексики, то есть слов и их значений. Так что опрометчиво со стороны Вяч. Вс. Иванова, поговорив вслед за Н. С. Трубецким и Р. О. Jakobсоном о различиях мягких и твердых согласных в русском и других языках так называемого евразийского языкового союза, утверждать далее, будто «ни в каком ином смысле о языковом союзе, связанном именно с русским языком, пока говорить нельзя». Не приемля, естественно, таких запретительных интонаций, сошлюсь опять на авторитет американского специалиста Кахана, выделяющего прежде всего влияние ведущего языка языкового союза на концептуализацию, то есть формирование и языковое выражение понятий. Ведь, в сущности, только на этой базе выдвигается в научной литературе также положение о европейском языковом союзе с его подосновой в виде европейской цивилизации и греческим языком (а также — сильно грецизированной латынью) как ведущим (или престижным) языком. На этих идеях зиждется новый «Лингвистический атлас Европы», издаваемый трудами многочисленных европейских (в том числе советских) ученых. Языковой союз Европы функционирует на уровне письменной культуры по понятным (и кратко изложенным мной выше) причинам, и в этом его отличие от евразийского или балканского языковых союзов, ориентированных на устную форму языков. Этот опыт весьма поучителен для нас, так как многое напоминает нам в нашей стране, в национально-русском двуязычии. Выработка большого числа адекватно в языковом отношении выраженных понятий облегчает относительную легкость перевода, особенно текстов с культурной тематикой, с русского языка на другие наши национальные литературные подобно тому, как относительно легко осуществим перевод с одного европейского литературного на другой европейский литературный язык. Эта легкая переводимость, это функционирование большого числа литературных, книжных и даже канцелярских калек свидетельствует о наличии языкового союза, особенно в сравнении, скажем, с языками другого культурного круга или даже в сравнении с другими (нелитературными, местными диалектными, низовыми, просторечными) уровнями тех же самых языков. И эта мысль о природе языкового союза в нашей стране, идущего от письменной, литературной формы общения, была выражена достаточно ясно в моей статье в «ДН». С несколько большей подробностью в научной аргументации я изложил свои соображения на эту тему также в своем выступлении на общем

годовом собрании Отделения литературы и языка АН СССР в марте прошлого года, что было затем довольно подробно отражено в отчете об этом собрании в «Известиях» данного Отделения (№ 4. 1981). Пользуюсь случаем, чтобы обратить внимание Вяч. Вс. Иванова на эту публикацию, где есть и дальнейшая литература. Я и сейчас убежден в научной и практической применимости идеи языкового союза у нас в стране и соответствующей роли в нем русского языка, роли, кстати, ни для кого не оскорбительной, если правильно расставлять акценты, говоря о нем как о первом среди равных. Я не верю в то, что сопротивление этой идее можно объяснить или оправдать, оставаясь в рамках научного знания. Хотя, как все на свете, можно объяснить и это. Только на этом пути нам не понять мотивов национально-русского двуязычия, к которому уместно постоянно обращаться, раз уж почти все с его фактом согласны, а против очевидности спорить трудно, хотя и пытаются. Так что, концепция языкового союза вокруг русского языка в нашей стране действительно опирается на опыт мирового языкознания, как об этом сказано в моей статье. В ней вовсе не обязательно видеть «открытие», не в этом, как говорится, дело, и не вполне справедливо поэтому высокомерно требовать, как эта делает Вяч. Вс. Иванов, что, пусть тогда О. Н. Трубачёв опубликует свои доказательства, если, мол, претендует на открытие. Не претендует, но считал и считает своим научным долгом обратить внимание на этот феномен нашей действительности. О. Н. Трубачёв, правда, и сам не со вчерашнего дня задумался над проблематикой языковых союзов, исследовал их элементы в западнославянско-германских отношениях еще добрых тридцать лет назад, да и позднее он всегда пользовался возможностью, чтобы отметить интересные примеры формирования сходных слов и понятий целым рядом языков, входящих в европейский языковой союз (на страницах редактируемой им «Этимологии»). Напомню, что сюда относится, например, указанное еще знаменитым французским филологом Мейе выделение утвердительной частицы «да» из самого разного исходного языкового материала, которое Мейе производил от общности европейской цивилизации, или такой, скажем, употребительный лексико-семантический европеизм, как слово «отлично» (ср.: немецкое *aus-gezeichnet*, французское *ex-cellent*, венгерское *ki-tünő*, чешское *vý-borný*), структурно тождественное в самых разноструктурных языках Европы, и, конечно, многое другое.

Я допускаю, что эти наблюдения блекнут (по части открытий) при сравнении с сенсационными *сумками-мумками*, которые путешествующий Вяч. Вс. Иванов обнаружил в местном русском туристическом жаргоне на Кавказе и в Средней Азии, а потом был окончательно потрясен и утвержден в своих подозрениях о могучих влияниях на русский язык, услышав, как московский таксист буркнул что-то вроде *хозрасчет-мозрасчет*. Но ведь каждому грамотному по-русски ясно, что путь этим окказиональным диковинам в литературный язык закрыт, да и в индивидуальных упражнениях такого рода нет никаких влияний извне, это универсальная модель образования экспрессивного слова с рифмованным повтором и обязательным губным согласным в начале второй части слова. Чисто русский пример — *тары-бары*, в характеристике которого сошлось большинство выступавших у нас на симпозиуме по славянской этимологии, в чем участвовал, помнится, и Вяч. Вс. Иванов. Такого же рода *хухры-мухры*, *шурум-бурум*, *шурь-мурь*, все сплошь — низовая полуарготическая лексика, частью навеянная извне, а большей частью — своя исконная, на которой наивно было бы строить свои диагнозы и прогнозы, затрагивающие существо языкового строя...

Что сказать еще, чтобы заключить этот обмен мнений, необходимость в котором просто не существовала бы, если бы наряду с прочими несомненными завоеваниями прогресса нынче критически не умножилось количество способов чтения: было нормальное медленное чтение, потом, говорят, появился метод быстрого чтения, а сейчас (другие жалуются, да я и сам вижу) стало модно читать не только между строк, а и просто — зажмурившись. Пример: Вяч. Вс. Иванову «основное направление рассуждений Олега Николаевича... напоминает плохие времена»(!). Лично мне манера «разоблачать» мои научные заблуждения тоже что-то напомнила и тоже — из нехороших времен, с которыми Вяч. Вс. Иванов себя, конечно, никак не ассоциирует. Полноте, не скромничайте, вы же родом из того самого незабвенного прошлого, от которого отпихиваетесь теперь руками и ногами; те, кто ратует против «навешивания ярлыков» и «публичных доносов», а глядь — и сам навешивает (см. выше, зачем далеко ходить); все те, кто — послушать их — демократ на демократе, плюралист из плюралистов, гуманист, а попробуйте возыметь свое мнение, вразрез с их группой,

которая еще, к примеру, возомнила себя влиятельной в науке или около науки, попробуйте и вы меня поймете: эти же самые плюралисты обернутся такими душителями инакомыслия... И, наконец, возвращаясь к идее языкового союза, это те, которые недобросовестно играют на вчерашних запретах и на сегодняшнем полужнании: как только услышите, что чиновник от филологии или иной описанный мной выше деятель процедит сквозь зубы: «Но ведь языковой союз — это же ассимиляторство!» — не верьте ему, ибо ему не нужна, не интересна истина, ему главное — упразднить беспокойное инакомыслие. А в чем истина, спросите вы, и на этот вопрос можно ответить просто и честно: ни один из языковых союзов не привел к ассимиляции; при языковом союзе может возникнуть двуязычие, может — многоязычие, как в карпатско-балканском регионе или на Кавказе, но не ассимиляция. Язык имеет свои начало и конец, он тоже смертен, но было бы непростительным шарлатанством ставить зловещий диагноз организму, зная, что организм здоров.

...Неприятно все это действует, когда сам по-прежнему читаешь медленно и внимательно.

«Дружба народов», 1888, № 9

ОБРАЗОВАННЫЙ УЧЕНЫЙ

I

Собственно говоря, название это не придумано мной, оно представляет собой перевод с английского — «The educated scientist» — названия публичной лекции английского физика Б. Пиппарда, включенной в переводной сборник с таким же названием¹. Само выражение это кажется избыточным: образованный ученый? Но ведь ученый не может не быть образованным. Так-то оно так, но в современном мире ученых стало очень много, и уже одно это обстоятельство сигнализирует о возможном снижении общего уровня. Среди ученых все больше появляется людей, которых Пиппард относит к категориям «средний исполнитель», «средний ученый».

Два слова о терминологии. В противоположность русскому языку с его единым обозначением наука (кстати, слово еще прасла-

¹ Пиппард Б. Образованный ученый / Пер. с английского А. В. Митрофанова. М., 1979.

вянского происхождения) и единым названием деятеля — *ученый*, в английском существуют два — *scholar* «ученый-гуманитарий, схоласт» и *scientist* «ученый-естественник, специалист по точным наукам». Соответственно этому, производное *scholarship* означает «пассивная ученость, эрудиция», а коррелят *science* значит «точная наука, действенные знания». Насколько можно понять Пиппарда, *scientist* — это более уважаемое лицо, чем *scholar*, поэтому переводчик пытается перевести последнее по-русски не то как «грамотей», не то как «школяр». У Пиппарда, конечно, свой ход рассуждений: «Должен ли ученый быть исследователем, который посвящает свою жизнь открытию новых истин, или, быть может, это ученый муж, хорошо сведущий в том, что уже открыто? Это только предполагаемые аспекты его возможного будущего, но он может быть подготовлен и для деятельности технолога, администратора, чиновника, учителя, или же, что наиболее вероятно, для его карьеры окажутся полезными качества сразу нескольких специалистов: и ученого, и администратора, и учителя...»¹.

Разумеется, нас интересует больше всего место ученого-гуманитария. Мы убеждаемся с огорчением, что физик Пиппард несправедлив к гуманитариям и проявляет по отношению к ним типичную заносчивость технократа. Он, например, говорит о склонности гуманитариев к «интеллектуальной неуравновешенности» и критиканству вследствие «чрезмерной учебы в той области, где невозможны категорические суждения»². Далее там же: «В научных вопросах мы представляем тот авторитет, за которым студенты могут следовать без стыда, и этим мы в корне отличаемся от ученых-гуманитариев». Здесь налицо противоречие самому себе, потому что, согласно Пиппарду: «...настоящая физика и техника начинаются там, где... уравнения уже не имеют конечных решений»³. Следовательно, ни категоричность суждений, ни конечность решений в настоящей науке не следует переоценивать. Однако миф о том, что гуманитарии — это в основном адепты каких-то зыбких и туманных линий, очень живуч. В большой и в целом интересной книге Дж. Бернала «Наука в истории общества»⁴ о гуманитарных науках говорится мало

¹ Там же. С. 37.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 44.

⁴ Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.

и местами очень недальновидно. Начнем с того, что филологию он вообще забывает. С этим, впрочем, нередко мы встречаемся и у нас, когда материалы об общественных науках, например, в наших газетах обрываются, как правило, не доходя до филологии, и уж тем более — языкознания. Еще античность завещала нам, что знания человека о себе и своем обществе (надматериальные, т. е. немедицинские, скажем) — высшие знания вообще («познай самого себя»). Бернал пишет, что общественные науки — самые молодые и несовершенные, он не уверен даже, насколько их можно сейчас назвать науками (видимо, и этот почтенный британец заколебался, отнести ли их к science или к scholarship). Более того, он сочувственно передает мнение тех, кто полагает, что «общественные науки представляют собой остроумные, но безрезультатные слова. Они годятся для выбора темы диссертации и для получения ученой степени, годятся, чтобы занять преподавательское место, работать в рекламном бюро или в ученом совете»¹. Вот даже как! В дальнейшей критике общественных наук у Бернала находим и верные замечания, например о переплетении наблюдателя и наблюдаемого²; он согласен признать, наконец, и сложность объекта и ввиду специфики объекта очень скептически судит о применении к общественным наукам математического метода или отсюда биологического с проистекающими отсюда упрощениями и ложными выводами³. В целом же это типичный образец критики извне, когда сам автор находится в одном лагере с теми, кто разделяет и поддерживает миф о том, что язык и другие предметы гуманитарных наук — это собрание фактов, которые можно понять без всякой науки вообще.

Критики извне, думая, что они критикуют современные гуманитарные науки, на самом деле воюют с давно минувшим прошлым, так что надо еще сперва разобраться, с чем мы имеем дело — с действительным отставанием гуманитарных наук или с отсталостью критики. Мнение о том, что нынешнее состояние гуманитарных наук напоминает положение естественных наук до Галилея и Ньютона в том смысле, что в гуманитарных науках якобы по-прежнему «нет достаточно планомерного и контролируемого эксперимента — критерия практики при их

¹ Там же. С. 530.

² Там же. С. 531.

³ Там же. С. 537.

применении»¹, следует признать глубоко устаревшим. Вот что пишет профессиональный лингвист — англист Г. Пильх: «Традиционная дихотомия между искусствами (arts) и науками (sciences) неприменима к языкознанию. По традиции языковедение зачисляло в искусства, изучающие древние тексты и историю языков. Однако его методы носят экспериментальный характер, направленный на построение доказуемых гипотез. Они могут подтверждаться с формальной точностью»². Но уже более чем полвека тому назад экспериментальность научного языковедения обосновал Л. В. Щерба в статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», где он пишет: «Но, построив из фактов... некую отвлеченную систему, необходимо проверить ее на новых фактах... Таким образом, в языковедение вводится принцип эксперимента»³. Щерба указывает, что без эксперимента почти невозможно заниматься такими отраслями языковедения, как синтаксис, лексикография и стилистика⁴, и заключает словами: «...я здесь лишь впервые теоретически обосновываю то, что практически, вероятно, многими делалось»⁵.

Было время (оно еще не совсем окончилось до сих пор), когда назвать данную науку искусством (возможный дополнительный предикат: «как это все нестрого!») — значило нанести большой моральный ущерб. В нас самих от тех времен еще сидит остаточный комплекс неполноценности. Помню, что на мою психику угнетающе действовали высказывания, что этимология до сих пор остается по большей части *ars*, а не *scientia*. Сейчас, положим, этого уже не слышно, но не в том сила. Мы можем сейчас даже великодушно вернуться к рассмотрению этого вопроса и сказать: да, в данной отрасли науки есть элемент искусства, как есть в ней и основа точного знания. И констатируем мы это не в осуждение слабостей данной дисциплины, а как признание ее глубины. Потому что послушайте, что говорит физик Пиппард: «...физика — это нечто намного большее, чем набор законов, применение которых дело элементарного навыка. Физика — прежде всего живое творение рук и мозга, которое передается

¹ Там же. С. 530.

² Pilch H. Empirical linguistics. München, 1976. P. 190.

³ Известия АН. Отделение общественных наук. М., 1931. С. 121.

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Там же. С. 129.

более примером, чем зубрежкой. Она воплощает искусство решать проблемы материального мира. И поэтому физике надо учиться, но учиться как искусству»¹.

Величайший и до сих пор недостаточно еще оцененный эксперимент языкознания — это словарь, лексикография, ибо последняя является преимущественным практическим критерием выделения слова и определения его значения, что есть конечная цель научного языкознания. Лексикография заимствована у языкознания практически всеми прочими науками и использована в них вторично как форма кодификации их собственных терминов и метаязыков (языков описания). Одно это придает языкознанию исключительную важность в системе всех наук, и не одних только гуманитарных. Но не будем сейчас настаивать на выделении языкознания из этих последних, а тем более — из филологии. Изоляционизм (а мы еще будем говорить о нем) принес больше ощутимых бед, чем воображаемых достижений. Поэтому нас тревожит, например, отставание в оценке всех гуманитарных наук, а не одного только языкознания. Мы как-то привыкли (и не мыслим это себе иначе), что патенты (авторские свидетельства) за открытия в области гуманитарных наук не выдаются. Конечно, я понимаю, одна из возможных причин в том, что ожидаемый эффект тут трудно выразить экономически, подсчитать, например, в рублях, тем более — сделать это адекватно. Но разве это не свидетельствует косвенно о фундаментальном характере гуманитарных исследований? Разве другие фундаментальные исследования всегда легко выразить в рублях в смысле ожидаемого эффекта? Едва ли это возможно без большого практического огрубления. В науковедении раздаются голоса, что общие подсчеты «рентабельности науки в целом, очевидно, лишены какого-либо экономического смысла, поскольку к науке в целом неприменимы такие категории, как «цена», «рентабельность», «стоимость» и т. п. «...На этом основании многие ученые (например, Д. Бернал, М. К. Келдыш) вообще отрицают какую-либо возможность точного определения экономического эффекта науки»².

Не в этом гордость гуманитария. То, что о гордости гуманитария говорить уместно и нужно, я хотел бы подтвердить высказываниями ученых двух совершенно разных специальностей.

¹ Пиппард Б. Образованный ученый. С. 31.

² Науковедение: проблема развития науки. М., 1979. С. 227-228.

Академик А. Е. Ферсман: «Когда точное и положительное знание захватит в своем победоносном шествии самого человека, тогда во всей красоте будущее будет принадлежать тому, что сейчас мы называем науками гуманитарными... Снова к самому человеку, к его познанию и творческой мысли вернется наука, и прекрасны будут ее достижения на пороге нового мира, когда из того, что сейчас называем мы *homo sapiens* (человек разумный), создается *homo sciens* (человек знающий)». И академик Д. С. Лихачев: «Стало банальным говорить о том, что в XX в. расстояния сократились благодаря развитию техники. Но может быть, не будет трюизмом сказать, что они еще больше сократились между людьми, странами, культурами и эпохами благодаря развитию гуманитарных наук»¹.

Однако нельзя сказать, чтобы развитие гуманитарных наук в век техники походило на триумфальное шествие. Утилитарные нужды решили судьбу классической филологии в системе образования. Обычно это считается проявлением демократизации. Но вот О. Семереньи в элегической статье «Latein in Europa» приводит мнение английского историка Тойнби: «Наивысшее достоинство, которое я нахожу в «классическом» образовании, состоит в том, что его предметом является человек и его дела»². В результате этого необратимого процесса мы хуже знаем по-гречески и по латыни, менее свободно ориентируемся в греко-римском наследии, которое все равно пронизывает европейскую цивилизацию, несмотря на отмену классического образования. В результате мы меньше можем объяснить, тогда как «объяснять — дело филолога»³.

Впрочем, стремительная технизация, не благоприятная для гуманитарных наук, неожиданно сама оказывается вынуждена апеллировать к различным гуманитарным аспектам. То, что представители разных наук заговорили сейчас о «языке науки», само по себе говорит, что без науки о языке не обойтись.

Неслучайно в одном из последних номеров журнала лондонского института языкознания была опубликована статья,

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 355.

² Latein in Europa // Latein in Europa / Traditionen und Renaissancen / Herausgeg- von K. Buchner. Stuttgart. S. 40.

³ Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979. С. 153.

точнее лекция, профессора П. Стривенса о профессии лингвиста¹. Профессор Стривенс показывает себя неплохим лексикографом, он подробно разбирает семантику терминов «лингвист» и «профессия». В число профессий, связанных с языком, он включает специалистов письменного и устного перевода, лексикографов и составителей тезаурусов, преподавателей иностранных языков, специалистов по культуре письма, системам письма и орфографии, по культуре речи и дефектам речи, фонетистов, исследователей речевой коммуникации, специалистов по языку машины, по теоретическому и описательному языкознанию, работников в области национальной языковой политики и планирования, особенно в развивающихся странах, и т. д. По мнению Стривенса, мы живем в эпоху большого интереса общественности к вопросам языка; важность языковых профессий в современном обществе в управлении, иностранных делах, торговле, интеллектуальных вопросах не оставляет для него никаких сомнений. «...В повседневных интересах огромного числа людей язык занимает центральное место, если даже это может быть не всегда явным или признанным. Таким образом, в той или иной форме спрос на «лингвистов» растет»². Автор ставит вопрос «What is a linguist?» и формулирует в ответ шесть отдельных значений этого слова: лингвист 1 — «спикер при безмолвствующем вожде в западноафриканских обществах во время церемоний»; лингвист 2 — «учащийся или преподаватель современных языков»; лингвист 3 — «разговорное название полиглота»; лингвист 4 — «переводчик письменный или устный» (с пометой: особенно нужны в современном обществе); лингвист 5 — «специалист по грамматике, в том числе описательной»; лингвист 6 — «специалист по языкознанию». «Заметьте, — говорит тут профессор Стривенс, — что вполне возможная вещь, хотя, как я полагаю, и нежелательная, — быть специалистом по языкознанию, не зная ни одного иностранного языка». Он упоминает еще слово *linguistician*, употребляемое лингвистами-практиками пренебрежительно о лингвистах-грамматиках или теоретиках. Столь же дотошно разобрав признаки профессии (не всякий может стать...; нужна подготовка; поддержание профессионального уровня; общественное сознание; регламентация), автор заключает, что профессия лингвиста существует, ибо

¹ Strevens P. The profession of the linguist // The incorporated linguist. Vol. 18. № 3. 1979. P. 76.

² Там же. С. 76.

она отвечает всем этим ДП. Эта лекция-статья Стривенса была адресована к переводческой аудитории, на их стороне и симпатии автора (он подчеркивает, что переводчики «особенно нужны»); лингвисты в подлинном смысле слова, т. е. специалисты по научному языкознанию — мы с вами, стоят по шкале Стривенса на последнем месте («лингвист б»). Их к тому же практики дразнят нехорошим словом *linguistician*, которому у нас нет эквивалента. Но именно на их плечах лежит основная работа по научному исследованию языка, работа большой трудности, от которой так или иначе зависит практика.

Поэтому главное наше слово — о теории. Обостренное внимание к онтологической сущности науки, свойственное для нашего времени, объясняет небывалый общий интерес к проблемам общего языкознания, к которому сейчас как бы повернуты лицом все специальные отрасли нашей науки. Одним из специалистов частной отрасли языкознания является и автор этих строк, который не избирал делом всей жизни общую теорию и не с нее начинал (и может быть, что греха таить, даже какое-то время недооценивал общее языкознание как таковое, с увлечением работая на уровне фактов; помнится, мой уважаемый научный руководитель даже порицал меня за это: дескать, все хорошо идет у аспиранта Трубочёва, не интересуется он только общим языкознанием).

Начинал я в свое время с опытов самостоятельного исследования на уровне фактов и по сей день считаю, что этот путь самый верный для созревания самостоятельного научного работника, и наоборот — для меня остается загадкой, как можно сложиться в самостоятельную творческую личность, если тема твоей диссертации — чужие научные воззрения. Могу сказать, что, лишь пройдя школу фактического исследования, я с отрадой ощутил у себя возрождение интереса к общей теории, и интерес этот оказался осмысленным и избирательным. Опыт фактического исследования помогает самостоятельно ориентироваться и в общих теориях, а это немаловажно, потому что ориентироваться стало не так легко. Вам известно, что XX в.— век крайнего разветвления теорий общего языкознания. Было бы долгим делом одно их простое перечисление, да это и не входит в наши задачи. Положение усложняется тем, что между теориями идет борьба вплоть до взаимоотрицания. На смену структурализму, который незаметно стал «классическим» и разделился на несколько разновидностей, частично приходит

генеративный метод. Сама смена теорий объективно объясняется сложностью изучаемого предмета — языка — и непрекращающимися поисками. Конечно, более новая теория не значит более совершенная, хотя само движение теоретической мысли знаменует определенную неудовлетворенность прежней теорией. Очевидно, надо развивать в себе умение критически, здраво — в меру сил — оценивать то положительное, что способна дать каждая теория наряду с тем спорным или просто неприемлемым, что в ней содержится. Оставляя в стороне трансцендентальные моменты в аргументации генеративистов, исследователи других направлений обращают внимание и на некоторые положительные возможности: «Мысль о том, что часть производных всякий раз в акте речи вновь производится по имеющимся правилам (типам словообразования), а не припоминается как окончательные слова языка, тоже не является целиком ошибочной. Ее только нужно было бы больше согласовать со взглядами функционалистов на функционирование производных. Истина, должно быть, где-то посередине»¹. В структурализме к числу положительных достижений следует отнести системно-структурный анализ оппозиций и дифференциальных признаков, констатацию элементов семиотики в языке (языковой знак), но, как отмечалось в литературе, исследование связей целого при этом сильно отставало². Структурализму так и не удалось преодолеть жесткость дихотомической концепции синхронии-диахронии, смена синхронных срезов всегда оказывалась лишь суррогатом концепции полнокровной языковой эволюции. Идея эволюции, мотивы эволюции — все это оказывалось за пределами возможностей структурализма, но, согласимся, всегда интересовало и будет интересовать языковедение.

Не так уж далеко то недавнее прошлое, когда раздавались голоса, что структурализм — это единственно научное языковедение. Не будем злопамятны, нас всех интересует структура языка. Просто нужно честно признать ограниченность применения также этого метода, который дал наиболее законченные и красивые образцы описания фонологии, но попытки некоторых ученых перенести эти приемы описания на другие уровни языка, «фонологизировать» и их, в общем, не оправдали себя. Меньше всего при-

¹ Urbūtis V. *Zodžių, darybos teorija*. Vilnius, 1978. С. 50.

² См.: Щур Г. С. *Теории поля в лингвистике*. М., 1974. С. 15.

емы структурного описания оказались применимыми в лексике, которая упорно сопротивлялась попыткам структурирования, как некая асимметричная и неисчислимая громада. Дело сводилось к отдельным оппозициям лексем, но что это значит перед лицом незамкнутого множества лексем! Я говорю это, опираясь на свой опыт исследования групп лексики. Не здесь ли зародилась идея, что язык это «система систем», строго говоря, идея недоказуемая. Можно сказать, что лексического теста структурализм все-таки не выдержал. А если учесть, что все прочие уровни языка манифестируются только через лексику (семантика, словообразование, морфология, фонетика, фонология), то это довольно серьезно. Я далек от мысли предложить «лексикализировать» на этом основании все уровни хотя бы потому, что это сопряжено с методологически уязвимой идеей описания менее многочисленных единиц через более многочисленные, но ясно одно — лексика — это эталон асимметрии, а сущность языка, по-видимому, асимметрична, и в этом причина его постоянных изменений. Ни для древнего, ни для нового состояния языка неблагоразумно говорить о всеобъемлющей и тем более — о непротиворечивой системе. Система симметрична, симметрия устойчива; не было бы стимулов движения, ничто бы не сдвинулось с места.

Мы знаем и ежедневно убеждаемся, что в языковой действительности это не так. Всегда есть налицо элементы системы, но целое в принципе асимметрично. И не надо его упрощать или подменять собственными моделями. Таким образом, существует ряд научно-лингвистических методов или теорий. Два из них мы упомянули, кратко назовем и другие. Все мы согласны с тем, что язык есть выражение, реализация нашего сознания, что он является средством коммуникации. По поводу ответа на вопрос, что такое язык, такой радикальный антисоссюрианец, как В. Маньчак, пишет: «Станным и вместе чреватым последствиями является факт, что языковеды дают на этот кардинальный вопрос, как правило, туманные или ошибочные ответы, повторяя, например, вслед за Платоном, что язык — это орудие взаимопонимания... или за Соссюром, что язык является системой знаков. В то время как в действительности язык не что иное, как устные и письменные тексты, т. е. попросту все, что говорится и пишется»¹. Ко-

¹ Mańczak W. Z zagadnień językoznawstwa ogólnego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. С. 6.

нечно, реплика Маньчака тавтологична («язык есть язык...»), и она одновременно служит нам предостережением, что не нужно спорить запальчиво и не по существу. Да, язык социален, да, он реализуется в виде текстов (ср. с высказываниями Л. В. Щербы о «текстах» как «языковом материале»¹), да, в языке наличествуют элементы системы, да, разные элементы языка наделены разной степенью знаковости, да, язык обнаруживает потенции порождения слов и форм по активным правилам и моделям. Обязательно ли эти утверждения противоречат друг другу? Нет, все они более или менее правильно характеризуют разные стороны языка, и вместе с тем ни один из исследовательских методов или теорий не может претендовать на главную роль по той простой причине, что неисчерпаемое богатство языка превосходит возможности одного метода, и это давно пора понять приверженцам одной теории. Сходные наблюдения можно встретить у представителей других наук, например: «...системный подход может успешно выполнять свои методологические функции в науке, не обязательно выступая в форме теории»². Явление богаче закона, согласно материалистической диалектике. Что же говорить о таком всеобъемлющем явлении, как язык! Об этом забывают ревнители чистоты, скажем, структурного метода, когда им, например, приходится напоминать, что объяснительная сила резко возрастет с учетом исторического аспекта, в противном случае остается «строгое», но малопродуктивное описание. Главное для нас — сам язык и полнота нашего проникновения в него всеми доступными методами.

В исследовательской практике и в научном обмене мнениями, в усвоении научной информации приходится считаться с тем, что вместо достаточно гибкого и широкого методологического подхода к языку весьма распространены односторонние концепции и изложения. Так, и сторонники, и оппоненты Соссюра хорошо помнят, что у него сказано: «Язык есть система знаков, выражающих понятия»³. Почему-то и те и другие не придают должного значения его же словам: «язык есть факт социальный»⁴. Дальше

¹ Щерба Л. В. Указ. соч. С. 121.

² Науковедение: проблемы развития науки. С. 77.

³ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1977. С. 15.

⁴ Там же. С. 44.

мы еще коснемся других положений этой книги, на которые полезно обращать внимание сегодня.

Работая в целом на иных направлениях, я в то же время считаю, что возможности системно-семиотического подхода отнюдь не исчерпаны, что их можно и следует развивать. Так, Соссюр, например, практически не обратил внимания на особую знаковость (сверхзнаковость) имени собственного, на ее способность к возрастанию по мере забвения лексико-семантического субстрата. Знание эквивалентной передачи этих знаков одного языка и культуры средствами знаков другого языка и культуры — неизменно острый вопрос. Когда лет 35 тому назад наш чехословацкий коллега Ольдржих Лешка делал сообщение в Институте славяноведения АН СССР на хорошем русском языке, он все упоминал там о каком-то «коданьском» структурализме и не все присутствующие сразу разобрались, что это копенгагенский структурализм, только по-чешски (*kodaňský*). Довольно давно по телевидению транслировался многосерийный французский фильм «Жан-Кристоф»; из него мы узнаём, что брата Жана-Кристофа обокрали в Майансе, дело было в Германии, но такого города в Германии нет, а есть Майнц, по-французски — *Mayence*. Эта ономастика настроена на французского читателя и зрителя, не слишком образованные переводчики не посчитались с этим. В плане передачи таких имен-знаков, настройки их, так сказать, на русского читателя, а не на французского этому роману у нас с самого начала не повезло: он продолжает называться у нас по-французски — «Жан-Кристоф», а надо — «Иоганн Кристоф», ведь герой — немец, а главное — эти немецкие имена в русском культурном обиходе вполне приемлемы, в отличие от французского культурного обихода. Теоретическое положение об особом характере знакомости имен собственных (их *Sprachbezogenheit*, языковая ориентация) имеет, таким образом, отражение на практике. Неучет его приводит к логической ошибке: умножаются сущности, о чем я уже писал¹; кроме того, происходят помехи на культурном уровне. Близкое положение о том, что не существует исключительной антитезы «знаки» — «не-знаки», но есть знаки в большей или меньшей степени», находим в книге О. С. Ахмановой². Но, как верно заметили авто-

¹ Вопросы языкознания. 1978. № 6.

² Akhmanova O., Idvelis R. F. Linguistics and semiotics. Moscow, 1979. P. 100.

ры упомянутой книжечки, главный объект языкознания — значение¹, и сознательный учет существующих методов вовсе не предполагает их смешения², и в этом — тонкость интердисциплинарного подхода. Стоит ли говорить, что такая опасность особенно велика в эпоху расцвета моделирования, когда начинают изучать свою модель и метод вместо объекта и происходит уже упоминавшееся смешение наблюдателя и наблюдаемого.

«Независимость отрасли науки» и ее крайние формы нам, в общем, известны на конкретных примерах, и поэтому не лишено интереса изложение этого вопроса в уже известной нам книге Котарбинского «Трактат о хорошей работе» — «В сфере человеческого умения, например изящных искусств, спорта, игр, повторяется ситуация, когда мастера в данной отдельной отрасли увлекаются лозунгом ее независимости от других искусств и учета только того, что свойственно для нее... Этому сопутствуют изоляционистские лозунги вроде «искусство для искусства», истолкования языковых явлений исключительно языковыми причинами и т. д. Постепенно в такой изолированной специальности наблюдается тенденция к непревзойденным рекордам... возникают периоды парадоксальности, экстравагантности либо из-за остывания интереса к типичным проблемам, либо из-за исчерпания новых непарадоксальных возможностей. Против тяжелой болезни наступающего затем бесплодия главное лекарство — порвать с изоляционизмом, установить связь с другими сферами деятельности»³.

Значит, изоляционизм — это всегда плохо в первую очередь для самих изоляционистов, и чем умнее исследователь, тем быстрее он должен это понять и постараться выйти из тупика. Наш лозунг поэтому интердисциплинарный союз и взаимообогащение методов, дисциплин, наук. Интердисциплинарный подход всегда осуществляется при преобладающем значении какой-то одной дисциплины. Например, при общности источников у языкознания и истории примат в их прочтении остается за языкознанием. Неверное словodelение у историков ведет к ошибочному историческому комментированию.

¹ Там же. С. 7, 23.

² Там же. С. 13.

³ Kotarbiński T. Traktat o dobrej robocie. Wyd. 5. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. С. 315.

II

Пробираясь между Сциллой интердисциплинарности и Харибдой специализации, исследователь должен помнить об опасных крайностях. Очень верно сказано, что «чрезмерная специализация грозит ученому потерей интеллектуальности, разрывом связей с общечеловеческой культурой, из которой возникла и с которой в действительности тесно связана современная наука»¹. «Развитие ученого, — пишет Котарбинский, — ...должно напоминать клепсидру. Начинаться оно должно с широкой энциклопедической базы, после чего должна последовать концентрация специализации и, наконец, затем снова постепенное расширение круга проблем»². Великолепно сказано у Котарбинского о том, что он называет «горизонтами мысли»: «Как всем известно, успех в специальной работе зависит от достаточного овладения собственной специальностью, а она требует, чтобы ограничивались ею. Такое ограничение создает угрозу, что сам человек делается ограниченным человеком... Теперь мы хотим поднять эту тему применительно к интеллектуальным специальностям... И здесь мы также видим принципиальное решение не в возврате к какому-то индивидуальному пантехнизму, к совокупному компетентному практикованию во многих других специальностях, а в углублении определенной специальности и расширении, таким образом, горизонтов мысли. Не выглядывать в мир каждый раз через другое окно, а присматриваться ко всем явлениям мира через одно и то же окно»³. То, что вам рассказывалось выше об ориентации в общих теориях, тоже есть не что иное, как попытка взглянуть на широкий мир общих проблем языка через свое окно этимологии и лексикологии, тем более что это делалось не так уж часто.

Мы с вами условились с самого начала смотреть на вещи широко. Для нас с вами образованный лингвист — это филолог, гуманитарий, ему небезразлично место гуманитарных наук в кругу всех наук, он гордится своим делом, он не согласен на второстепенную роль для своей науки; свою профессию лингвиста он не променяет ни на какую другую; он хорошо знает свою узкую специальность, но пытливо интересуется всем языкознани-

¹ Методология исследования развития сложных систем. Естественнонаучный подход. Л., 1979. С. 292.

² Там же. С. 215.

³ Kotarbiński T. Указ. соч. С. 286.

ем. Он увлеченно работает, и не хотелось бы ему мешать, но все-таки давайте зайдем в его воображаемый кабинет и посмотрим, как он пишет, какими путями добывается лучшего понимания проблемы со стороны читателя, какими методами и понятиями оперирует в своей исследовательской практике, как разбирается в сложном, изменяющемся мире идей, насколько сознательно (или просто привычно?) обращается он хотя бы с некоторыми важными категориями, наконец, как он умеет ошибаться. Обо всем подробно не скажешь, да и не нужно.

Начнем со стиля. Каков стиль, таков и сам наш образованный ученый. Мы пишем, чтобы быть понятыми, следовательно, мы заинтересованы писать просто. Однако распространена тенденция писать утонченно, не без сложностей, так сказать для избранных, которые способны оценить эти сложные термины, символы, формулы. Не протестуя против элегантности, мы возражаем против показной элегантности. На ее обратную сторону обращает внимание известный уже нам Пиппард, сказанное им касается равно и нас, лингвистов: «Эта элегантность прельщает, однако на практике она не добавляет начинающему физику сил для решения задач, а скорее уводит его в сторону от понимания элементарных истин»¹. Такой культ элегантности ведет к сильно развитому формализму, а «опасность сильно развитого формализма заключается в его уникальности», — говорит Пиппард и продолжает далее: «Таким образом, эти методы могут быть крайне сильными для решения неразрешимых задач, но они не порождают в воображении аналогий, которые могли бы привести к решению неразрешимых задач»². За примерами у нас далеко ходить не нужно. Несмотря на попытки формализовать этимологическую процедуру (А. С. Росс, Я. Рудницкий, Л. Киш), в этом деле не продвинулись дальше констатации известного: можно формализовать (изложить, записать формульно) известную этимологию, но не существует формул, порождающих новые, ранее неизвестные этимологии. Некоторые мои коллеги, которые в конце 50-х — начале 60-х гг. вели разговоры, что вот, мол, скоро этимологии начнет выдавать машина, думаю, давно убедились в несерьезности этих разговоров. На смену человеку-лексикографу едва ли придет машина-лексикограф, даже если

¹ Пиппард Б. Образованный ученый. С. 41.

² Там же.

об этом и продолжают разговаривать люди, не сделавшие сами ни одного словаря. Им бы следовало помнить, что словарь — это воплощенный критерий лингвистических теорий, и сложное и тонкое дело лексикографии — это не какая-нибудь вспомогательная операция, которую просто формализовать.

Уже в самом начале говорилось, что есть ученые-регистраторы и ученые-исследователи. Думается, что сейчас, после распространения методов синхронного описания, первых стало даже больше. Но науку двигают в конечном счете вторые. Собственно, сейчас в науке просто описания — без исторической глубины или просто анализа — котируются невысоко. Приведу только два, но зато довольно ярких высказывания. Пиппард прямо и образно говорит о «недоброжелательном уважении, которое вызывает просто аккуратное описание явлений»¹. Другие естественники прямо отвергают «неправдоподобную точность» описания, предпочитая ей «объективную неопределенность», и толково объясняют причину такой своей позиции — постоянное развитие объекта познания².

Нужно ли говорить, что мы тоже имеем дело с развивающимся объектом. Если в основе описания лежат статистические представления, а сам объект описания является развивающимся, ясно, что одних статистических представлений недостаточно; необходимо перейти к представлениям более высокого порядка — динамическим, но переход этот не для всех и не всегда легок³. Достаточно сказать, что накопленные современной лингвистической типологией наблюдения, важные для исследователя, как правило, ориентированы на статику. Но типология страдает статичностью как бы вынужденно, а классический структурализм возводит статичность в принцип, что уже выглядит сейчас как признак старения теории. Соссюр писал: «Лингвистика уделяла слишком большое место истории; теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения...»⁴. Уже здесь у Соссюра имплицитно заложена идея цикличности развития науки и как бы неизбежности последующего возврата к истории на новом уровне. Об ограниченности статической, яковсоновской типологии неплохо сказано у Л. С. Мельничука: «Таким образом, эти авторы пытаются пе-

¹ Там же. С. 29.

² Методология исследования развития сложных систем. С. 90-91.

³ Там же. С. 215.

⁴ Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 115-116.

ренести на доисторические этапы формирования систем вокализма данные, характеризующие языки с уже сформировавшимся вокализмом. Ясно, что такой подход логически несостоятелен»¹.

Еще Соссюр указал, что статика (синхрония) сопряжена с определенными упрощениями объекта исследования². Столь же универсальной можно сейчас считать констатацию большей объяснительной силы у диахронического исследования. Знаменитые соссюрские дихотомии *язык — речь, синхрония — диахрония* сыграли свою роль в науке и постепенно утрачивают былую теоретическую актуальность. Но классический труд Соссюра не покидает рабочего стола лингвиста. Кроме Соссюра — теоретика синхронической лингвистики, с его страниц сейчас все чаще обращается к нам Соссюр — тонкий знаток истории языка. Эти части его книги читаются сейчас со все более острым интересом, как, например, неизменно актуальная глава о реконструкциях, которые характеризуются как цель любого сравнения, регистрация успехов науки и надежная процедура. Любая письменная традиция, даже такая, как латинская, имеет пробелы и нуждается в реконструкции. Конечно, Соссюр имеет в виду только фонетическую реконструкцию; о семантической реконструкции вопрос встал много позже. Эта последняя зависит от успехов семантической типологии, а здесь еще предстоит многое сделать.

Мы уже упоминали о слабостях статической типологии. Необходимо указать также на предельность, неуниверсальность универсалий. Большая стабильность морфологии, чем лексики оказывается иногда исследовательской привычкой, а не универсалией. «Специалист-индоевропеист удивится, увидев, что на африканской территории лексика имеет абсолютное преимущество над морфологией»³.

Мы — за историческое языкознание и глубоко верим в его еще не исчерпанные потенции, обогащенные структурно-типологической методикой. Но необходимо трезво сознавать, что наша наука не может объяснять всегда все и притом совершенно

¹ Мельничук А. С. О генезисе индоевропейского вокализма // Вопросы языкознания. 1979. № 5. С. 13.

² Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 134.

³ Problemi della ricostruzione in linguistico. Atti del Convegno internazionale di studi. Palva, 1-2 ottobre 1975. Roma, 1977. P. 207.

однозначно. Множественность решений вообще свойственна для наук объясняющих, в том числе точных и естественных.

Образованный, мыслящий лингвист трезво отнесется к лобой надвигающейся на него волне моды (а моды в науке ах как сильны, и устоять против них бывает трудно и зрелым мужам науки, о женах я уж не говорю). Сейчас, когда язык готовы растворить в едином контексте культуры, настоящий лингвист остаётся лингвистом, он продолжает искать ответы в материале языка, в лучших достижениях своей науки. Он должен уметь находить там, где другие давно не ищут или привыкли искать другое. Неразумно одной прямолинейности противопоставлять другую, лишь бы свою, и настаивать снова, как это делали не так давно, на имманентности развития языка. Язык не закрыт для внешних влияний. Но он отражает и преломляет их своеобразно. Даже лексика предметов материальной культуры знает много чисто лингвистических парадоксов. Еще Виктор Ген искренне удивлялся: «Достопримечательно, что слово *Butter, butter* ‘сливочное масло’ пришло к большинству народов Западной и Центральной Европы окольным путем с Понта Евксинского через Грецию и Италию — две страны, которые почти не знали и не ценили продукт, обозначенный этим словом»¹.

Настоящий лингвист не покоряется предвзятым суждениям. Он подвергает их сомнению и часто находит подтверждение своим сомнениям. Например, что бурные эпохи в истории не обязательно отражаются в резких фонетических изменениях (а так обычно думают); что литературный язык не всегда и не везде связан с наличием письменности, чему пример — Гомер; что диалектные различия объясняются не расселением, а фактором времени. Эти отнюдь не избитые решения, важные для этногенеза, лингвистической географии, исследования литературных языков, можно найти в «Курсе» Соссюра².

Огромной зыбкой массой расстилаются перед исследователем словообразование и семантика современного языка. Их исследование является актуальным, но вместе с тем тонким делом, изобилующим парадоксами и предъявляющим требования не только к уму и кругозору, но и к чувству юмора исследователя. Синхрон-

¹ Hehn V. Cultivated plants and domesticated animals in their migration from Asia to Europe. Amsterdam, 1976. P. 129.

² Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 183, 231-232, 203, 245.

ное словообразование, если о нем вообще возможно говорить, принимая во внимание процессуальную природу термина и понятия «словообразование», должно пониматься в тесной связи с диахроническим словообразованием. На первый план выдвигается функционирование и — в каком-то объеме — порождение в речи. Как говорил еще Соссюр: «Таким образом, формы сохраняются, потому что они непрерывно возобновляются по аналогии...»¹. Здесь кратко, парадоксально, но метко схвачено то, о чем теперь пишутся большие книги. Но отличие слов от фраз в речи в том и заключается, что фразы — большей частью новые, а большинство слов — уже известные (слышанные), на что обращает внимание теоретик синхронного словообразования Урбутис². Исследователь синхронного словообразования тяготеет к актуальному языковому сознанию, и Соссюр называет это субъективным анализом: «С точки зрения субъективного анализа, суффиксы и основы обладают значимостью лишь в меру своих синтагматических и ассоциативных противопоставлений...»³. Как определить при этом границы объективного научного анализа? Углублять ли его в этимологию и историю, поскольку это может уберечь от грубых ошибок, произвола и субъективизма, оставив описательное словообразование и «динамическую синхронию» за функционированием? Многим хочется провести черту здесь между синхронией и диахронией, но удалось ли это кому-нибудь в чистом виде? Корректно ли говорить о словообразовании или деривации заимствований или лучше все-таки видеть здесь включение в какой-либо ряд, т. е. адаптацию⁴? Но настоящий лингвист, на своем опыте знающий, что вопросов всегда бывает больше, чем готовых ответов, не спешит и тут с готовыми суждениями и осуждениями. Он внимательно приглядывается к описательному (функциональному) словообразованию и словоупотреблению, дающему выгоды непосредственного наблюдения. Среди таких наблюдений встречаются методологически чрезвычайно важные, например о несовпадении семантической и формальной мотивации⁵.

¹ Там же. С. 207.

² Urbutis V. Указ. соч. С. 51.

³ Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 223.

⁴ Urbutis V. Указ. соч. С. 115.

⁵ Там же. С. 75, 83.

Образованный лингвист не знает очень многого и старается никогда не забывать об этом. Но и это не спасает его от ошибок. Самые опытные и образованные делают ошибки, часто весьма досадные, особенно — для них самих. Ошибаться свойственно человеку, но это плохое утешение. Собственно, прав на ошибку у нас не так-то много. Ни сложность предмета, ни высокий полет мысли никогда не извиняли неточностей в анализе или опечаток в книге. Надо воспитывать у себя точный глаз. Терпеливо читая и перечитывая, «что я там такое написал», мы всегда найдем у самих себя с чем поспорить, что исправить, а что и просто вычеркнуть. Придирчивая автотекстология — хорошая школа борьбы с верхоглядством. Что же касается самих ошибок, в науковедении предпринимались опыты описания «характерных ошибок науки». Это уже упоминавшийся в нашей первой беседе провинциализм, т. е. стремление ученого перенести признаки своей области на другие области знания; «стремление к нахождению различий при обнаружении нового и утрата целостного представления о предмете исследования»; «избыточность информации»; «подмена общего частным, главного — второстепенным, определяющего — случайным»; «переоценка роли эксперимента»¹. Хотя это перечисление ошибок было первоначально адресовано не нам, а геологической науке, оно заслуживает также нашего внимания. В пункте о переоценке роли эксперимента содержится, между прочим, поучительная рекомендация не полагаться излишне даже на успешный эксперимент и безукоризненную модель; смысл в том, что рафинированность условий их построения как раз мешает увидеть всю сложность объективной действительности. Занятно читать далее, как сами электроэнергетики предостерегают против излишней веры в могущество вычислительной техники, так как и она «приводила к ошибочным представлениям — будто бы можно вычислить развитие сложной системы во всех ее деталях...»².

Творческий исследователь, искатель не может полностью ни предсказать, ни предвидеть результат своей работы. Но он обязан представить детальный план. В сущности, это конфликт, выйти из которого поможет только разумный компромисс, учитывающий интересы и требования обеих сторон — работника и уч-

¹ Методология исследования развития сложных систем. С. 256.

² Там же. С. 257.

реждения¹. В интересах эффективности творческого труда план не должен поглощать все активное, творческое время личности. Кто-то говорил, что плановая работа должна занимать лишь одну треть активного времени; не знаю, скорее всего, это индивидуально. Долговременные, трудоемкие лингвистические работы, как например словари, требуют в целом больше. Но и неустанное перо лексикографа необходимо периодически откладывать в сторону, чтобы подумать на другие научные темы. Что сказать о досуге? Большая наука, к сожалению или к счастью, не любит отпускать своих людей. Лично я давно отказался от намерения освободить свои субботу — воскресенье от научных занятий. Говорят, «мозг не отдыхает». Но жизнь так сложилась, интерес берет верх, а организм, я думаю, тоже привык (что ему остается делать?).

Нашим громоздким коллективным плановым работам сопутствуют большие канцелярские издержки. Все стонут от отчетности. «Отчетность пожирает время», — признает Котарбинский². Львиную долю времени при коллективных работах забирает общение между работающими. Просто человеческое общение превратилось в роскошь. А эмоции? О них ни в коем случае нельзя забывать, они напомнят о себе сами, ведь наука — борьба мнений, а следовательно, и эмоций. «Но даже и между подлинными учеными, принадлежащими к разным школам, в какой-то мере поддерживается состояние необъявленной войны»³. Таким образом, образованный ученый, если он живет и работает по полной программе, живет трудно.

Наш образованный ученый может многое: работать на овощной базе, таскать и грузить мешки в ящики, работать на уборке урожая. Но его место — за рабочим столом. В интересах науки. В интересах общества. Берегите образованных ученых — и мужчин, и женщин.

«Русская словесность», № 2, 1993 г.

¹ Kotarbiński T. Указ. соч. С. 286.

² Там же. С. 236.

³ Методология исследования развития сложных систем. С. 298.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА СЛОВОМ

Беседа академика О. Н. Трубочёва и владыки Игнатия, епископа Петропавловского и Камчатского

В одной из своих работ академик Олег Николаевич Трубочёв вспомнил слова, однажды услышанные им в детстве: «Если мальчик увлекается географией, он может быть впоследствии хорошим филологом». Действительно, филология, особенно историческая, — это путешествие за словом в глубь веков. Путешествие не только символическое. Олег Николаевич выезжал на многие европейские конференции — в Германию, Францию, Финляндию, Австрию и другие страны. Он побывал во всех славянских странах, собирая материал для словаря, выступая на съездах славистов. В 1986 г. с лекциями посетил 14 городов Америки, закончив чтения в Лос-Анджелесе и Сиэтле на американском побережье Тихого океана. А два года назад пролетел над всей Россией, чтобы увидеть Камчатку и как бы замкнуть земной круг с другой стороны Тихого океана. Олег Николаевич посетил здесь Вулканологический центр РАН, Долину гейзеров, прочитал лекции в Петропавловском университете и наконец здесь, в епископии Петропавловской и Камчатской, гостем которой он был, побывал у брата Владимира Николаева, управителя дел.

Владыка Игнатий, епископ Петропавловский и Камчатский хотел этой философско-языковой встречи с ученым из Москвы. Там и состоялось это интервью на склоне жизни ученого. Что привез Олег Николаевич из своих путешествий за словом? Об этом его интервью на склоне жизни, разговор о вечном с владыкой Игнатием. Камчатское телевидение так и пригласило их вместе для беседы о Руси начальной, дописьменной, о Кирилле и Мефодии, о нашей письменности. О Руси православной, державной, трепете сегодняшнего дня... Три беседы — 2, 6 и 8 сентября 2000 года.

...Видеозапись фильма прислали год спустя (расстояния!), а вскоре Олег Николаевич заболел, и 9 марта 2002 года его не стало. Интервью так и осталось известным лишь камчатским телезрителям, хотя в нем ученый затрагивает многие важные для нас вопросы. Студенты-слависты, пришедшие на практику в библиотеку Олега Николаевича уже после его кончины практиканты (в частности, группа студентов Академии славянской культуры и Алексей Дудин из Рязанского педагогического университета), помогли в подготовке этого интервью к печати.

Г. А. Богатова-Трубочёва

БЕСЕДА ПЕРВАЯ (2 сентября 2000 г.)

ПОИСКИ ПРАРОДИНЫ СЛАВЯН

Владыка Игнатий, епископ Петропавловский и Камчатский: Сегодня у нас в гостях академик РАН, председатель Национального комитета славистов РФ, главный редактор журнала «Вопросы языкознания», член-корреспондент нескольких зарубежных академий и обществ и просто очень интересный человек — Олег Николаевич Трубачёв. Его путешествия за словом позволили ему заниматься глубокими проблемами языкознания, истории языка, но я полагаю, что эта встреча будет исключительно интересна и для наших телезрителей, для нашей паствы. Я сам из нескольких предварительных бесед с Олегом Николаевичем извлек чрезвычайно большую пользу.

Ведущая: Олег Николаевич, мне бы хотелось попросить Вас продолжить и рассказать о круге Ваших интересов, о себе.

О.Н. Трубачёв: Что ж, коротко, но с некоторыми подобающими подробностями. Я — академический работник. В рамках своей научной дисциплины — сравнительно-исторического языкознания, славянского языкознания — занимаюсь в основном фундаментальными проблемами с большими выходами и в даль, и в глубь, в индоевропейское языкознание. Будучи словарником, изучаю лексический состав не только русского, но и всех родственных ему языков. Их довольно много — мы насчитываем сегодня 15 живых и мертвых, больших и совсем маленьких славянских языков. Вот из этого материала я и мои ближайшие сотрудники стараемся выделить, как это принято называть, древний, то есть праславянский лексический фонд, и ему посвящаем составляемый нами уже больше четверти века «Этимологический словарь славянских языков». К слову сказать, об определении «этимологический». Мы занимаемся этимологией, которая представляет собой науку о происхождении слов, развитии их облика и наполнения (то есть семантики, значений слов). Этому посвящены наши труды, в общем-то довольно успешно издаваемые, несмотря на все приключения и треволнения, происходящие сегодня на наших глазах и порой к нашему ужасу. К настоящему времени вышло 26 томов (или выпусков) Словаря. Кроме того, вокруг него производится большая околословарная работа: выходят статьи, иссле-

довательские разработки, целые монографии. Одна из моих книг называется «Этногенез (то есть происхождение народов, народа) и культура древнейших славян». Она вышла в 1991 г., но скоро, думаю, будет переиздана. Там, к слову сказать, обсуждается очень важная и нужная для нашего с вами русского национального самосознания проблема — прародина славян: откуда мы, кто мы? Я против старой точки зрения, допускавшей, что славяне могли происходить из Азии, и даже против некоторых других более или менее промежуточных теорий. Идея, которую я отстаиваю и разрабатываю с 1958 г., — теория извечного пребывания, проживания славян в Центральной Европе. Она рассматривает Дунайскую прародину славян, живших в довольно тесной близости к более западным, другим индоевропейским племенам — германцам, древним латинянам (или италикам), кельтам. Эти проблемы, глубоко меня интересующие, конечно, имеют свою специальную подоснову и целый аппарат, аргументацию исторических и фонетических переходов, изоглосс, то есть связей слов наших славянских и других родственных языков и т. д. и т. п. Иногда речь идет о родстве, порою — о влиянии или заимствовании слов. Но меня утешает и радует во всем этом то, что эти проблемы, как мне кажется, представляют интерес и важность не только для узких специалистов, но и для нашего национального самосознания. И именно сегодня, когда имеет место некоторое размывание нашего национального самосознания и тот ущерб, который при этом наносится и чувству нашего национального достоинства. Этому надо противодействовать и, наоборот, способствовать усилению и выделению положительного в истории нашей культуры, нашей древности. Особенно в контексте того, что ряд ученых с не меньшей ревностью развивает теории, подчеркивающие некоторую вторичность, дочерний характер тех же славянских языков в отношении каких-то других, к примеру, балтийских.

Ведущая: Если я не ошибаюсь, Вы знаете достаточно большое количество языков (измеряемое десятками), которое необходимо, чтобы вести поиски прародины славян и другие исследования?

О.Н. Трубочёв: О, нет, откуда взялись десятки! Вообще я человек, пусть и грешный, но, как мне кажется, все-таки строгий к себе и не преувеличиваю своих знаний, которые призваны практически обслуживать мои научные интересы. Понятно, что по роду деятельности я неплохо ориентируюсь практически

во всех славянских языках, это и умение на них объясняться, писать; необходимо также знать и пять-шесть стандартных западноевропейских языков (в частности, английский, немецкий, французский), уметь читать на итальянском, испанском. Знание некоторых других языков, помимо вышеперечисленных, нужно бывает в моих занятиях сравнительно-историческим языкознанием, часто необходимы литовский и практически все балтийские языки.

Были у меня в прошлом некоторые занятия венгерским и финским, любопытные для слависта-индоевропеиста, потому что это иноструктурные языки. Затем я определенное время занимался армянским, грузинским, ивритом, но все это было оттеснено другими насущными занятиями. Когда я исследовал скифские проблемы, надо было познакомиться с иранскими, индийскими и другими древними языками.

Есть люди, которые знают столько же или даже больше языков, например, знаменитый Иоанн Павел Второй. Он практически знает много языков. В прошлом краковский епископ Войтыла, он любит и умеет при стечении народа обращаться к пастве на самых разных языках.

Конечно, есть мнение: для того, чтобы быть серьезным языковедом, необязательно быть полиглотом и считать языки десятками. С ними надо работать по необходимости, когда берешься за такую тему, как поиски прародины славян.

В ПОИСКАХ СОВРЕМЕННОГО ЕДИНСТВА (1988-2000)

Ведущая: Олег Николаевич, мне хотелось бы продолжить разговор, коснувшись сегодняшнего положения России. Ведь мы в какой-то момент начали терять свои территории, своих братьев-славян. На Ваш взгляд, возвратится ли то положение, в котором мы были еще несколько лет назад, когда Россия была единым многонациональным государством?

О.Н. Трубачёв: Что сказать — будет или не будет? В какой-то мере это прогнозирование, причем проблем не моей компетенции, вопрос, скорее адресованный к политикам, которые тоже порой не очень сильны в области прогнозирования, не говоря о том, что кое-кто из них приложил руку к тому, чтобы это единство развалить. Конечно, в рамках России или бывшего Союза предпочтительнее говорить о тех главных ориентирах,

которые способны обеспечить нашу цельность, наше единство, наши добрые связи. Это прежде всего три славянских республики, три восточнославянских народа — Россия, Украина, Белоруссия. Как одно из положительнейших явлений я воспринимаю тенденции, весьма часто торпедируемые, но очень здравые — возврата к идее воссоединения России с Белоруссией. Они имеют широкую поддержку в самом белорусском обществе. Ясно, что речь идет о близкородственных в языковом, историческом, да и во всех остальных отношениях народах и языках — русском и белорусском. Хотелось бы почти то же утверждать и об Украине, но там слишком велико бремя негативных явлений и идеологических наработок со стороны противников единения. Поэтому в то время как по-прежнему сильны связи русской и украинской культур, весьма сильны и центробежные явления, которые если не удаляют (далее, видимо, и некуда, и нельзя, и не нужно), то держат на каком-то расстоянии Россию и Украину, понуждая тамошних политиков иной раз кривить душой, отстаивая эту самостийность, непонятно насколько нужную и полезную для самого украинского народа. Сейчас нет никакой русификации, но ведь объективные данные говорят, что на одну-две украинских книги приходится пятьдесят русских. Все равно значение русской культуры огромно и может быть приравнено к хлебу насущному — и для украинского народа. Сопереживая этим процессам в принципе, я могу заниматься ими профессионально во время своих лингвистических досугов. Кстати, фундаментальную работу, которая находится в центре моих интересов, — «Этимологический словарь» — привезти сюда я не мог, да и не намеревался: это многотомное издание. А книги типа «В поисках единства» — это лингвистические досуги. В этой небольшой книжечке собрано довольно много значительного, в частности в отношении белорусского языка и культуры, белорусского, а также украинского этногенеза. Здесь мои звучавшие год за годом выступления на весьма важных, капитальных для нашей культуры, для нашего национального и религиозного самосознания мероприятиях — Днях равноапостольных Кирилла и Мефодия, Днях славянской письменности и культуры. Они отмечаются каждый год вокруг 24 мая (11 мая по старому стилю), начиная с 1988 года — великого празднества тысячелетия Крещения Руси в Новгороде, где я произнес что-то первое, так сказать, привлек к себе внимание. Затем последовали выступ-

ления в Киеве, Минске, Смоленске и других городах, которые потом вошли в книжечку, не случайно названную «В поисках единства». Единства и внутри русского языка — ведь оспаривается даже это единство. Есть такое, на мой взгляд, преувеличенно муссируемое представление, что оно-де сложилось вторично из элементов северных и южных говоров, например, новгородских и киевских, которые будто бы вторично сблизились. Я оспариваю эту версию и, как мне кажется, имею на это право; намереваюсь и продолжить обсуждение в третьем издании книги «В поисках единства. К истокам Руси».

Вот кратко и о моих лингвистических досугах, и о том важном для нас единстве внутри самого русского языка и этноса, внутри ближайше родственного конгломерата русского, украинского, белорусского. Из словарного дела всегда есть много выходов в весьма общие и насущные проблемы. Вот у меня в руках весьма импозантный четвертый (последний) том моего перевода (с моими же дополнениями) «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера. Это тоже, в сущности, раздумья об истоках Руси. Макс Фасмер, или иначе — Максимилиан Романович Фасмер, происходил из обрусевших петербургских немцев. Он был действительно любителем всего русского — это, в сущности, и стало его специальностью, во многом совпадающей с моей. Он на немецком языке составил «Этимологический словарь русского языка», который был первоначально издан в Гейдельберге (Германия) в 1950-58 гг. Мировая общественность немедленно обратила на него внимание. Фасмер был избран почетным членом нашей Академии. Самый факт выхода такого труда за пределами России — это ведь нам не минус, а как бы плюс, поскольку это есть проявление важности, общемировой ценности русского языка, русской культуры, которая воплотилась в трех томах первого немецкого издания. Я делал его перевод в молодые годы (в это время мне было около тридцати лет) и довольно много дополнил — в русском издании получилось не три, а четыре тома. У меня в руках уже третье издание этого словаря. Оно по-прежнему нужно, о чем свидетельствует тот факт, что Словарь издан хорошим тиражом. В двух-трех словах это можно охарактеризовать как проявление нужности и важности немецкой и русской культур друг для друга, а также хорошей солидарности в науке, которая помогает жить мыслями о прародине славян ученым в Москве и ученым в Гейдельберге, Геттингене, Бонне.

БЕСЕДА ВТОРАЯ (6 сентября 2000 г.)

«ЯЗЫК — ЭТО ОКЕАН»

Владыка Игнатий: Олег Николаевич, мы с Вами говорили о том, как важен и каким авторитетом пользуется русский язык за рубежом. Мы также знаем, каким высоким уважением пользуется русская классическая литература. Ведь зачастую иностранцы знают о России не по нашим научным изысканиям, а по нашей литературе. Не стоит ли обратить внимание на то, что наш язык восходит в значительной степени к церковнославянскому языку, и на всей нашей культуре лежит печать этого языка? Не в результате ли этого мощного, духовно богатого синтеза языков родилась наша литература? Сейчас мы являемся свидетелями того, как наш язык становится менее выразительным. Не оттого ли сейчас нет писателей такого уровня, как Толстой, Достоевский, Чехов?

О.Н. Трубачёв: Конечно, это общее культурное явление, большой феномен. Русская культура, русский язык, как всякое другое общественное явление, способны переживать полосы большого подъема, расцвета, причем такого масштаба, что это привлекает и притягивает взоры всего мира, всего культурного человечества. Но наряду с этим бывают и полосы если не упадка, то относительного торможения, полосы загрязнения. Однако при этом все или многие начинают говорить об англицизмах, американизмах и пр. Такие полосы были, есть и, наверное, будут. Во всяком случае, они в какой-то мере естественны, потому что герметичных, закрытых культур на свете не так уж много, хотя, возможно, и есть (например, в определенной мере восточные культуры, где проницаемость заимствований мала или просто невозможна). Раз культура открыта влияниям, ей свойственна открытость, всемирность. Это и всесветность русского человека, которую отметил Достоевский. Разумеется, она имеет свои положительные и отрицательные стороны. Заимствования проникали и проникают в русский язык. Была полоса, когда культурное (оно же дворянское) общество говорило на французском языке. Но почти тогда же начали выходить и блестящие русские произведения высочайшего эстетического уровня. Та же пушкинская пора — при том, что Пушкин великолепно чувствовал себя и во французской языковой стихии, а в лицейские годы даже сподобился клички «Француз». Не хочется сбрасывать со счетов и XVIII век, который тоже был по-своему великолепен. Потенции

русской культуры и литературы огромны. После Пушкина — это то, что называют «золотым веком» русской литературы: Толстой, Достоевский, предшествующий им Гоголь — «несть им числа». И мы до сих пор живем этим наследием. Конечно, определенную роль сыграло принижение языка западниками, потом революционное понижение культурного уровня, революционная смута.

Что происходит сегодня? Сейчас имеет место некая неразборчивость в средствах, в том числе и языковых. То, что Солженицын нарек «образованщиной»: вроде бы все грамотные, но в этом образовании еще надо разобраться, что хорошо, а что плохо. Интеллигенция, не будем этого скрывать, повинна во многом. Одно из таких негативных явлений — больно об этом говорить — некоторое «приблатнение» языка интеллигенции, интеллигентского фольклора, «песенок», поделок бардов. «Приблатнение», щеголяние языком и «словечками» того, что называют «зоной». Это все, конечно, не развивает и не возвышает наш язык. Но хочется верить, что и не способно его сильно испортить. Потому что язык — это глыба, это океан (сравним его с Тихим океаном) и он имеет огромные глубины. Есть пена, и есть на самой поверхности некое волнение, а есть такие глубины, где в это же время стоит тишина. Так что русский язык глубок и многослоен, и хочется верить, что он выживет во всех обстоятельствах. Не всем языкам это дано, потому что есть этносы, народы и государства, где национальные языки сильно уступают свои позиции. Так бывает. И они остаются этносами даже при многократных потерях своих позиций, своих языков. С русским языком этого все-таки не происходит. Вообще Россия — удивительная страна. Я тут говорю не о своей науке и ее специфике. Как-то мне об этом уже приходилось высказываться. Потенции России неисчерпаемы. Когда начался парад суверенитетов, отпали от нас — поторопились отпасть — Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия и — зачем-то и почему-то — славянские Украина и Белоруссия. И все равно Россия колоссальна! Она имела 22 миллиона квадратных километров, сейчас ее площадь 17 миллионов квадратных километров. По-прежнему с русским языком можно дойти от Балтийского моря до Тихого океана, по-прежнему она территориально самая великая страна мира. Но, конечно, не только это важно. Важно и то, что и культурно она великая страна, как бы то ни было. Этому не дано исчезнуть. Я лично верю в лучшее. А некоторое наше обмирщение, загрязнение языка воспринимаю философски.

ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ведущая: Олег Николаевич, а в чем все-таки сила России? Вы уже начали говорить об этом, и мне бы хотелось, чтобы мы продолжили эту тему, касаясь особенностей национального проявления языка и мышления.

О.Н. Трубочёв: Перечислить по пунктам, в чем сила России, — вопрос трудный и, может быть, мне сейчас не по плечу, а потому соглашусь и вас приглашаю согласиться с поэтом:

*Умом Россию не понять,
Арином общим не измерить.
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.*

И, кроме статьи, конечно, язык, и не в последнюю очередь то, что написано на языке. Здесь проявляются многие особенности русского этноса, самосознания, мироощущения. Я размышлял над этими вещами и с удовлетворением отмечал, что и другие (раньше меня) об этом задумывались, сделав вывод, как Флоренский о нас с вами: «Мы — народ софийный». София — Премудрость Божья. Это вспоминается и в связи с нашими первоучителями славян. В Житии Константина (Кирилла) сказано: «Явилась ему во сне дева, прекраснее всех, по имени София — Премудрость Божья, и ее он возлюбил». Это восходит к давним истокам, в данном случае к кирилло-мефодиевским: софийность, приверженность к мудрости, к премудрости в высоком понимании, очевидно, и в божественном. И это — один из параметров русского национального самосознания, силы России. Как бы плохо кто-то о нас ни говорил, что «русский мужик задним умом крепок» и прочее, все же софийность — одна из наших духовных черт. Кроме того, не герметизм, а космизм, широта русского национального сознания. Ведь в мире, скорее, преобладает не широта, а ограниченность национального сознания. Куда ни поеду, куда ни пойду — ограниченность национального самосознания многих других весьма почтенных наций заметна. Так что о широте русского человека и одновременно о способности понять других говорят не просто так. Высококультурные и почтенные немцы, имея обширную и старую лексикографию, массу немецких энциклопедий, на моих глазах обнаруживали узость и непонимание. Они привыкли считать, что они правильнее других и все понимают, а способности сделать шаг навстре-

чу и задуматься, что, к примеру, другой народ не менее вашего способен что-то тонко понять и даже выйти за рамки своей национальной ограниченности, у них не чувствуется.

Ведущая: И в XIX, и в XX веке не раз заходил разговор о том, что придет время, когда русский язык станет общемировым языком. Но существует мнение, что русский язык своими корнями уже давно уходит в другие языки. Как вы это расцениваете?

О.Н. Трубочёв: В этой области гуляет много дилетантских «умствований», это тоже всегда было, есть и будет. Были времена, когда все языки возводились к древнееврейскому. Сейчас весьма сильно убеждение, что всемирным языком является английский. Действительно, с английским языком можно объясниться в разных странах. Некоторые считают, что современный русский язык теряет какие-то свои позиции. Второе — «патриоты» порой задаются мыслью доказать, что все из русского языка и что русский язык первичен. Иногда это принимает смешные или уродливые формы: правда, не у нас, а на той же Украине находятся люди, при широком одобрении способные утверждать, что украинским языком-де пользовались всегда и он восходит к временам чуть ли не за три тысячи лет до нашей эры, когда на Украине была Трипольская культура. Конечно, это дилетантизм, это неточно. Украинский язык вторичен. Есть черты вторичности, вторичного развития в каждом ныне существующем живом языке. Но это сосуществует с одновременно наличествующими очень древними корнями, составными частями и элементами. Так, в русский язык и его лексический состав входят славянские древности. Если завершить разговор о своеобразии русского мирозерцания, мироощущения и самосознания, то можно предварительно говорить о трех параметрах культуры, два из них я уже назвал — это софийность и космизм, всесветность русского человека (по Достоевскому), устремленность к мудрости; а еще — соборность. Это, говоря грубо, коллективизм как оппозиция западному индивидуализму и усиленному протестантизму. Все это вторгалось и вторгается в нашу жизнь в виде проповеди самообогащения, эгоизма, индивидуализма. И тем не менее многое разбивается о нас, о наши этнические устои. Главные из этих параметров соответствуют христианству. Прикровенность, прикрытость этого довершает в какой-то мере дело недругов всего русского. Знаете, что происходит в науке филологии (не только и не столько в языкознании, сколько в литературоведении): какой-то бесконеч-

но муссируемый миф, что Россия — страна многонациональная, многоконфессиональная. А ведь Россия и сейчас на восемьдесят пять процентов населена русскими. Пусть русский этнос, русский народ переживает не лучшую пору и даже смертность у него выше рождаемости, но все-таки — по научным воззрениям — если страна на восемьдесят пять процентов населена каким-то этносом, она в принципе называется однонациональной. Как бы пестры ни были остальные пятнадцать процентов (в России около ста других народов), Россия — однонациональная страна, и это всячески замалчивается и оттесняется на задний план средствами массовой информации и всякими, проще говоря, «идеологическими диверсантами». Определенными влиятельными литературоведческими школами высказывалось, что даже Древняя Русь была и многонациональной, и многоконфессиональной. Тем более это вовсю утверждается о нынешней России, где порой стараются облагодетельствовать иудаизм, ислам, буддизм и выстроить все в одну линию. А ведь Россия — страна православная: была, есть и будет даже после такого внушительного советского семидесятилетия. Россия, как писали наши журналисты в начале перестройки (Александр Казин), не буржуазная страна ни духовно, ни социально, предпринимательство, выгода не освящены православной духовной традицией, и западная либерального типа демократия для нее искусственна, а сейчас и сами западные журналисты, например, Рар, пишут, что здесь «демократические реформы не пошли, потому что Россия — страна православная», у нее другие устои и ценности.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ **(8 сентября 2000 г.)**

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ЕВРОПЕЙСКОМ МИРЕ

Владыка Игнатий: Олег Николаевич, Вы говорили о характере, или, как принято сейчас говорить, о менталитете русского человека. О том, что ему свойственна софийность, мудрость, открытость, умение понять другого, умение принять лучшее и, безусловно, соборность — одно из очень важных качеств русского человека. Сейчас, да и не только сейчас, часто можно слышать мнение о том, что Русь была крещена насильно. Но — удивительное дело! — когда христианство начало распространяться по Руси, не было зафиксировано ни одного во-

оруженного восстания, ни одного противления — ни в наших летописях, ни в зарубежных. Мирно и спокойно шествовало христианство по Руси. Мирно и спокойно, доброжелательно и охотно воспринимали его наши предки. Вы, как человек, который занимается этногенезом славян, можете сказать, что в наших предках-праславянах, какие убеждения, религиозные воззрения, религиозное мировоззрение способствовали принятию ими христианства как религии света, религии любви?

О.Н. Трубочёв: Вопрос, конечно, не простой, хотя бы в силу его фундаментальности. Но, конечно, и тут мы при ближайшем рассмотрении видим различия. Христианство христианством, но все-таки весьма ранние события — схизма 1054 года — лишь только документализировала то, что почти изначально характеризовало восточное, православное, в значительной степени греческое христианство и христианство западное, позднее названное римско-католическим. На Западе всегда были сильны светские амбиции, в том числе военные и политико-административные. Так что подавление железной рукой, железной рыцарской рукавицей всякого инакомыслия, всего языческого характерно прежде всего для западного христианства. В Европе это часто осуществлялось германской рукой в отношении, скажем, тех же древних пруссов, просто истребленных при христианизации. Те же немецкие епископы были безапелляционно тверды и жестоки в отношении даже тех элементов восточного православия, которое утверждалось в Великой Моравии равноапостольными святыми Константином (Кириллом) и Мефодием. Они просто вторглись туда военной силой, считая, что это их епархия, арестовали Мефодия, старшего брата Константина, бросили его на два с половиной года в баварскую тюрьму. Вот их методы — железной рукой, огнем и мечом. Однако огнем и мечом — это не по-православному. В нашем славянском выражении это, скорее всего, будет характерно для польской католической культуры — сенкевическое «ogniem i mieczem». О распространении православия и крещении у восточных славян этого не скажешь, это будет неправильно. Дело, конечно, давнее, тысячелетнее, какие-то подробности от нас ушли. И все-таки столь жестокого насаждения Слова Божьего не было при распространении восточного православного христианства нигде. Враги, в том числе и идеологические, порой могут утверждать все что угодно, но православие насаждалось вплоть

до самых поздних времен гораздо миролюбивее. Приближаясь к современности, вспомним, что о России XIX века говорили как о «царской России — тюрьме народов». Это — один из мифов. Не зафиксировано случая, чтобы этой железной, вооруженной рукой (при крещении — тем более) количество народов, порой очень малочисленных, было истреблено или уменьшено. Если возьмем другую параллель — в Соединенных штатах: там просто истреблялись или загонялись в резервации большие по численности племена на больших пространствах. Ничего этого у нас в России не было. И утверждение о том, что Россия это тюрьма народов, — мифологическое. В этом смысле православное христианство духовнее, оно исполнено чувства высокого достоинства. Тезис старых русских православных церковников и книжников — «Священство выше царства». Это исполнено высокого достоинства. Военной рукой, насилием православие не насаждалось практически никогда. Это может быть отнесено к достоинствам нашего христианства, русского православия.

Владыка Игнатий: А что можно сказать о представлении наших предшественников-праславян об аде и рае, исходя из ваших лингвистических наблюдений?

О.Н. Трубочёв: Очень интересный вопрос. В какой-то мере мы с Вами в предыдущей беседе его касались, и я рад к нему вернуться. Казалось бы, это фундаментальнейший вопрос. Но тут далеко не все объяснено. Я счастлив, что также приложил руку к его прояснению, потому что это все соприкасается с вопросом о ненасильственности христианизации со стороны православного христианства. Святые Константин (Кирилл) и Мефодий учили Слово Божьему, причем в национальном, народном, местном этническом языковом облачении. Это было сочтено даже грехом или ересью. Характерен героический эпизод борьбы Константина (Кирилла) с римскими католическими священниками. Все, что они насаждали, оказалось, в сущности, ересью триязычия. Как они утверждали, проповедовать Слово Божье можно только на трех языках, на которых были начертаны слова на кресте, где был распят Святитель: на древнееврейском, латинском и греческом; все остальное — ересь. Мудрость первоучителей выразилась в том, что, как они считали, будет лучше доносить Слово Божье каждому народу на его языке. И это чрезвычайно ярко, афористически выразил святой Константин на знаменитом Венецианском диспуте, когдавокруг него собралась враждебная толпа священнос-

лужителей, винивших его в этой ереси. Он же противопоставил им простые краткие слова: «Не идет ли дождь равно всем. Не равно ли всем светит солнце. Какое право отрицать необходимость проповедовать Слово Божье на понятном языке». Короче говоря, они стремились переводить на понятный, распространенный преимущественно в южнославянском варианте славянский язык местным великоморавским и другим племенам. При этом, конечно, они столкнулись с необходимостью создать переводы священных книг Святого Писания, Евангелия, Псалтыри с их высокоразвитым греческим языком на этот местный язык, где иных выражений и не было. Естественным при этом было заимствование некоторого, а впоследствии даже довольно значительного числа греческих слов, выражений и терминов. Но ведь они могли перенести вообще всю терминологию, как это бывает со многими современными дисциплинами: здесь потоком идут заимствования терминов разных наук, ведь чем думать, как передать термин своим языком, проще взять и употребить английское слово. Первоучители поступили гораздо мудрее, обходительнее и деликатнее. Они столкнулись с языком относительно менее развитым, однако в этом языке — славянском — присутствовали, помимо бытовых и повседневных выражений, также и высокие выражения, термины, понятия, представления. Ведь у славян высокая нравственная и религиозная культура (т. е. возвышенная над повседневностью) была и до христианства. И это выразилось в том, что целый ряд слов и понятий был бережно заимствован первоучителями из местного славянского, еще языческого языка и перенесен в христианский лексикон. Причем, как оказалось, — и это очень интересно — количество таких перенесенных, взятых в их натуральном, существующем виде слов было, может быть, и не так велико, но они оказались фондовыми (то есть они частотно несколько не уступают таким словам, как «панагия», «проскомидия» и многим другим грецизмам). Чрезвычайно интересны такие слова, как «Бог», «дух», «душа», «грех», «Спас», «спасение» и тот же «рай», вообще идея посмертного существования и спасения. Они обратили внимание, что этот рай наличествует у славян, и употребили это слово, так что оно по-прежнему является названием загробного мира и существования во всех славянских языках (любопытно, что обоих вероисповеданий — и католического, и православно-го). Рай — это не только праславянское (в смысле древнее), но и общеславянское слово — не заимствованное, свое, дохристи-

анское. Как оказалось, это слово годилось для обозначения того, что греки называли «парадейсос», «парадис» — «рай». Когда одновременно явилась необходимость обозначить некий оппонит, что-то противоположное раю, место обитания грешников — этого в языке не было. И только в данном, только во втором случае пришлось прибегнуть к слову «ад». Греческое «адес» — старое название мрачного, темного судилища для грешных усопших людей. Если мы посмотрим на ситуацию на Западе, где при крещении и вообще при насаждении христианства на тамошнюю почву надо было обозначить и то и другое, то там нигде не нашлось необходимого эквивалента для обозначения рая. И туда было перенесено заимствование, осуществленное на пустом месте, — ему не было эквивалента раньше.

Коротко говоря, на славянском Востоке был, оказался в наличии эквивалент для обозначения рая и не было, в сущности, эквивалента для обозначения темного, мрачного судилища, места посмертного возмездия. На Западе, в западных культурах не было, наоборот, обозначения для рая и сколько угодно нашлось терминов для обозначения мрачного, посмертного судилища — ада. Вот это в моих глазах — яркое противопоставление славянского и западного, всеевропейского, в сущности, мирозерцания, мировоззрения, отпечатавшегося в лексике. И за ним стоит очень много.

Вот в этой книге («В поисках единства») я размышляю о том, что это смотрится в едином контексте с представлением о некоей светлости православного, даже православной церковной архитектуры — храмов. Напрашивается одновременно и сопоставление (или противопоставление) с мрачноватой, пусть поэтичной, красивой, но все же мрачноватой западной готикой: вроде бы возвышает душу, но одновременно как-то страшит и подавляет.

Если же углубляться в то, что такое рай этимологически, то мы должны будем согласиться, что отсутствие древнего названия для места судилища и возмездия сказывалось на том, что в древнем представлении славянское обозначение загробного мира было, видимо, несколько аморфно. Когда нет противопоставления, это залог аморфности, то есть некоего единого обозначения загробного мира. Ведь слово «рай», на мой взгляд, родственно словам «рой», «река», то есть названию потока. И это совпадает с другими этнографическими реалиями, представлениями о загробном мире как о месте, куда можно попасть, если пересечь водную преграду. У греков это Стикс, через него перевозил души

мертвых Харон — это представление о загробном мире как о чем-то находящемся пространственно за рекой; как о некоей аморфности. Но главное в моих глазах — это прежде всего то, что это явилось подходящей основой, местной, лексической, языковой, и эту основу так чутко восприняли и употребили, не заменив, не изменив, наши первоучители, за что им честь и хвала, и вечный поклон. И одновременно, согласитесь, в этом величественное отличие нашей древней культуры, выраженной в слове, и того, что мы видим в других, тоже очень высоких культурах, тоже выраженных в слове. Вот об этом стоит думать и писать, чем я отчасти занимался.

«Новая книга России», 2002

Подготовка текста и публикация

Г. А. Богатовой-Трубачёвой

ЛАТИНИЦА: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФЫ

Беседуют академик Олег Трубачёв
и писатель Юрий Лоциц

Ю. Лоциц: Мы с Вами, Олег Николаевич, уже не в первый раз встречаемся и беседуем в Вашем рабочем кабинете в Институте русского языка Российской Академии наук, и я надеюсь, эти беседы, касающиеся самых разных вопросов современности и истории, русского и славянского мира, еще найдут своего читателя. Но есть такие дни в нашей жизни, когда возникает острое желание отодвинуть все текущие дела в сторону и заняться тем, что не терпит никакого отлагательства. Сегодня как раз такая необходимость для нас с Вами очевидна. Я имею в виду участвовавшие за последние месяцы в «демократической» прессе нападки на кириллицу — на наш алфавит, который уже более тысячи лет верой и правдой служит, сначала в церковнославянском, а затем и в гражданском написании, отечественной письменности.

О. Трубачёв: Да, и добавить к этому, что в XIX, а особенно в XX веке наша кириллица, «гражданка», стала обслуживать многие древние и молодые письменности народов палеоазиатского пространства, понятнее говоря, народов Советского Союза в придачу с монгольской грамотой.

Ю. Л.: География, что и говорить, впечатляющая. Похоже, она многим в мире не дает покоя. Как это так: СССР нет, а кириллица остается? Ведь алфавит — такой же символ государственности

как герб, гимн, знамя. Алфавит — святыня державного значения. Еще на слуху недавний гомон вокруг теперешних герба, гимна и флага России. И вот этот гомон перекинулся на кириллицу. Она де устарела, она, мол, мешает нашим народам поспевать за более цивилизованными странами, которые давно и благополучно пользуются самым совершенным в мире латинским алфавитом, в просторечии, латиницей. Особенно отличился в нападках на кириллицу член-корреспондент РАН Сергей Арутюнов. Вот у меня под рукой его интервью, данное Назифе Каримовой, в «Независимой газете» в номере от 7 августа 2001 года. Цитирую Арутюнова: «Я полагаю, что глобализация и компьютеризация нашей жизни в конечном счете приведут к тому, что в нынешнем столетии на латинский алфавит перейдет и русская письменность». Ну, прямо какой-то пророк вещает, вскарабкавшийся на пик всемирного глобализма: «Я считаю: всеобщий переход на латиницу — непременно цивилизационное требование общемировых процессов глобализации». Простите, я еще процитирую, чтобы не упустить самых суровых укоров господина Арутюнова в адрес закосневшей России: «И если Россия хочет идти в ногу с прогрессивным миром, хочет быть частью Европы, Россия должна полностью перейти на латинский алфавит, и рано или поздно она к этому придет». Вот так и не иначе!.. Что скажете, Олег Николаевич? Я понимаю, что Вам как бы и не совсем удобно обсуждать приговоры человека, который с Вами к одной научной корпорации принадлежит.

О.Т.: Ну да, конечно, гуманитарий. Человек не с улицы. Член-корреспондент действительно уважаемого научного сообщества. Несколько курьезное обстоятельство: боюсь уподобиться тем, кто в старые времена, когда кого-нибудь ниспровергали, заявлял: «Я хоть такого-то NN не читал, но выступаю против». А я действительно не читал, а являюсь слушателем, как сейчас, цитат и воспринимателем кругов по воде. Но кругов довольно широких и в каком-то смысле вредоносных. Таящих в себе глубокое заблуждение, которое я, осознавая себя не только гуманитарием, но и лингвистом в первую очередь, вправе оспорить. Этому коллеге Арутюнову уже заявлялось, что он начал не с того конца. Будучи армянином, он почему-то не начал с пожелания транскрибировать свое древнее армянское письмо на ту же самую латиницу. Молчок на эту тему. И насчет древнего грузинского алфавита тоже молчок — в смысле его транслитерирования на латиницу.

Ю.Л.: Да уж, думаю, в горах Армении и Грузии пророка за такие пожелания встретили бы градом камней и туманов.

О.Т.: Как бы там ни было, но что касается взглядов Арутюнова на кириллицу, то тут явно дело не сведется к чьему-то индивидуальному протесту, моему или Вашему. Коллега, видимо, слыхом не слыхал о том, как оценивают кириллицу ученые с мировым именем. К таким, безусловно, относится недавно скончавшийся Павле Ивич, выдающийся сербский лингвист, академик Сербской Академии наук, почетный член многих академий мира, в том числе и нашей. Мне довелось с ним неоднократно общаться и обмениваться мнениями, да и не мне одному известно, что это безусловный научный авторитет старого и нового света. И вот, кстати, к вопросу о «несовершенстве» кириллицы. Передо мной журнал («Јужнословенски филолог», изданный в 2000 году и посвященный памяти Ивича, — два больших тома. Журнал интересен и тем, что здесь приводится полный список трудов Павле Ивича. Так вот, в духе нашей с Вами сегодняшней беседы, представляет интерес озвучить, как теперь говорят, название одной из его статей. Она была опубликована в виде беседы в популярной белградской газете «Политика» 22 февраля 1992 года и, судя по этому, тоже обращена была к широкому читателю. А называлась она (перевожу с сербского): «Кириллица самая совершенная азбука в Европе». Так говорил человек, блестяще ориентированный и в исторической, и в современной описательной структурной лингвистике.

Ю.Л.: Я тоже был знаком с Павле Ивичем, хотя гораздо меньше, чем Вы. А все же хорошо его запомнил как человека, при всех званиях необыкновенно скромного, тихого и бережно-ласкового в общении. Статья 1992 года! Да ведь это был самый пик блокады, санкций против Сербии. Страна жила почти без электричества. С ночи выстраивались очереди за молоком для детишек. А километровые очереди машин к бензоколонкам? И вот тихий Ивич пишет статью с таким громким и ответственным названием.

О.Т.: Статья Павле Ивича, даже с учетом его всемирного авторитета в научной среде, конечно, не может быть окончательным аргументом, когда речь идет о таких тонких материях, как «совершенство» или «несовершенство» кириллицы и латиницы. Если я не ошибаюсь, то член-корреспондент Арутюнов занимается восточными языками: китайским и японским. Ему бы знать о несовершенствах именно латиницы при передаче фонетического строя этих далеких, иноструктурных языков. Специалисты отмечают,

что передача японского письма средствами нашей русской кириллицы-гражданки гораздо точнее. Ну, скажем так: в японском языке и, соответственно, письме есть фундаментальное фонологическое различие между «т» и «ть» — «т» твердым и «т» мягким. Оно совершенно доступно средствам кириллицы и вовсе недоступно, скажем, той же английской латинице. Не управляется последняя и с японскими фонемами «с» и «сь». Транскрибируя, к примеру, на англизированную латиницу трагически звучащее для всего мира слово Хиросима, японцы вынуждены были в качестве латинского эквивалента своему «с» ввести «sh», и на английском это звучит как Хиросима. Но правильно-то Хиросима! И это вполне в возможностях русской графики. Короче говоря, применять латиницу для японского очень и очень нескладно. Конечно, существует в мире ученая латинская транскрипция, но она в немалой степени основана на чешской гусовской графике, где есть диакритики, или «гачеки», то есть дополнительные надстрочные знаки, придающие новые фонетические смыслы тем или иным буквам старой латыни. Но ведь диакритики совершенно несъедобны ни при какой компьютеризации, неприемлемы ни для какого интернета.

Ю.Л.: Что уж говорить про чешские «гачеки», если компьютер не дает возможности даже простой знак ударения выставлять там, где необходимо.

О.Т.: Да. И вот почему, если диакритики для компьютера несъедобны, то остается старая малознаковая латиница, которая слишком убога, чтобы передавать реальное множество буквенных знаков современных языков. Латиница не выдерживает здесь соперничества с кириллицей. Она просто терпит фиаско. И в связи со всем этим хочу сказать, что член-корреспондент Арутюнов просто разочаровывает меня, когда он считает возможным рассуждать абстрактно, не считаясь с подобными элементарными вещами.

Ю.Л.: Ладно японский с китайским, но ведь очевидно, что старая латиница, которая, может быть, неплохо управлялась с фонетическим строем языка древних римлян (хотя и на этот счет в ученом мире нет единодушия), с великим трудом управляется, обслуживая самый для нее, казалось бы, родственный — современный итальянский язык. К примеру, читаем «Magi», а произносить нужно «Маджи», читаем «Gesù», то есть «Иисус», а произносить надо «Джезу». Функцию нашего «ш» в итальянском выполняют в разных случаях то сочетание «sc», то «ce» (Uscira — face). Двойко изображаются на письме и звуки «к», «ч». Буквы как

бы двоятся, теряют свое звуковое лицо. Конечно, в каждом языке встречаются несоответствия между произношением и написанием, есть они и в русском. Одно дело орфография и другое — орфоэпия. Но когда таких несоответствий накапливается чересчур много, напрашивается вывод, что у алфавита не хватает соответствующей графики для передачи фонетического богатства живого языка.

О.Т.: То есть, короче говоря, все западные, в том числе и западнославянские языки, с давних времен перешедшие на латинскую графику, вынуждены развивать свои варианты латиницы — то с диакритикой, то путем комбинирования разных букв, как в английском, немецком или польском.

А что предлагает нам член-корреспондент для русского языка? Более тысячи лет назад Черноризец Храбр уже сказал о трудности передачи любой другой графикой — греческой ли, латинской ли — именно этих фондовых отличительных звуков славянской речи таких как «ж», «ч», «ш», «щ». Мы что же, перейдем на какие-то громоздкие, уродливые комбинированные обозначения этих звуков с помощью скудной латиницы? Да в любом случае это будет лишь одна из ее подновленных версий. Потому что нет единой, всех равно устраивающей латиницы, а есть великое множество ее национальных, всяк на свой аршин, вариантов. Вы привели примеры из итальянского, а ведь не менее сложная картина в испанской латинице, уж не говоря о португальской. Там есть шипящие, отсутствующие в испанском, и знаки особой носовости. И как с этими особенностями неловко сражалась ученость средневековья или раннего нового времени.

Вспомним того же Магеллана Magellanus, хотя он на самом деле Магальёнш, то есть там слышны и носовой, и конечное «ш». Словом, латиница латинице большая рознь. Я из своего скудного опыта интернетовского почтового общения часто вижу, как на разных латиницах по-разному искажается моя фамилия: вместо Трубачёв пишут то Трубасев, то Трубасёв, то еще как-то.

Ю.Л.: Очень даже могу понять Ваши в связи с этим огорчения. О мою фамилию латынь тоже всю спотыкается, особенно из-за звука «щ». Поляки, к примеру, вынуждены для изображения нашего русского «щ» использовать сразу четыре буквы — *szcz*. И англичане тоже четыре знака используют, но уже отчасти другие — *sch*. Так в последнем моем загранпаспорте. А в предыдущем было еще мудреней: *chtch*. Вот и разберись, где верней: где четыре буквы или где пять? Как еще меня с такой чуд-

ной транскрипцией за границу выпускают? Вместо одной русской буквы изволь царапать глаза нагромождением из четырех, а то и пяти согласных. Но если говорить серьезно, то до чего ж она неэкономна, эта международная английская латиница.

О.Т.: Ну ладно, из-за фамилии можно и потерпеть. Но ведь аналогичное убожество предлагается и всему нашему русскому языку, нашему кириллическому письму, его более чем тысячелетней традиции, которой мы вправе гордиться, как это делал Николай Сергеевич Трубецкой. Заграничный русский ученый князь Трубецкой, говоря об истоках нашего письменного языка, непременно указывал на его древнюю церковнославянскую первооснову. А она берет начало в Кирилло-Мефодиевские времена, в середине IX века. Посчитайте, уже, значит, двенадцатое столетие эта азбука с нами. И что же, мы все это проигнорируем в угоду непонятно чему? В угоду какой-то глобализации, которая тоже непонятно что с собой несет? То есть в этих своих пока что наспех сформулированных словах и тезисах я хотел бы показать, что существует все же разница между абстрактной и совсем малосъедобной латиницей и бесконечным множеством национальных латиниц, давно или совсем недавно мучительно приспособленных к тому или иному европейскому или даже неевропейскому языку, если вспомним турецкий. Ясно, что мы пойдем по другой дороге, а не путем такого безответственного эксперимента, как бы нас в него ни ввергали.

Ю.Л.: Те, кто ратуют сегодня за латиницу, почему-то стыдливо умалчивают, что этот алфавит на европейском пространстве по сути вторичен, неоригинален, поскольку в большинстве своих начертаний исходит из греческого образца.

О.Т.: Правильно! Даже так: из западно-греческого. Западные варианты греческого, возможно, через этрусское посредство вошли в латинский алфавит. Становление средиземноморских письменностей — долгий и даже мучительный процесс, начиная с мифического Кадма, который в греческий, с его первоначальной финикийской безвокальной природой, ввел первый знак для гласного звука — «о». А нашу кириллицу, говоря словами того же Черноризца Храбра, создал «един свят муж». Кириллица равняется в написаниях на греческое заглавное письмо, но с авторским добавлением целого ряда знаков, способных представить фонетическое богатство славянской речи. Не станем сейчас касаться вопроса о старшинстве одной из двух первоначальных

славянских азбук — глаголицы или кириллицы. Тут остается немало загадочного, дающего простор для фантазий. Но тысячелетняя традиция с именем святого Кирилла связала именно первую азбуку наших древнерусских писателей и книгочеев.

Ю.Л.: Я нередко задумываюсь над природой клеветы. Клеветнику по сути нужно совсем немного слов, чтобы сделать свое дело. Главное: прокричать, посеять в умах смущение: а что если по делу кричит? Ведь ученый же «не с улицы», как Вы говорите. А вот тому, кто берется опровергать клеветника, требуется во много раз больше средств, во много раз больше доказательств. Не побоюсь сказать, что перед нами, пусть и член-корреспондент, но в чистом виде клеветник. Взял и голословно оболгал кириллицу, которая, по его капризу, «даже не алфавит». И единственное «доказательство» Арутюнова состоит в том, что дочери его в детстве никак не давалось правильно произносить «дядя», а получалось у нее почему-то «дьядья». Да мало ли у кого какие бывают неправильности в русском произношении, зачем же на алфавит валить? Мы ведь ежедневно слышим людей нерусского происхождения, великолепно владеющих русским языком. А вот за ошибками в произношении очень часто стоит, увы, заведомое неприятие языка, культуры. Задумаешься: не в такой ли именно атмосфере возмателась дочь пророка глобализации и компьютеризации? Если уж ему так неприятна, даже ненавистна кириллица, ну и писал бы, и печатал бы свои статьи и монографии на татаро-армяно-турецкой или еще какой латинице... Словом, клеветник крикнул, и уже появляется необходимость долгих с ним объяснений, а он, похоже, именно на такое продолжение и рассчитывает, ибо живьем попадает в страдальцы, в мученики за идею. И уже мало кто, глядишь, вспомнит, что вся идея-то состояла в крике, в неприличной жестикуляции.

О.Т.: Да, хоть и говорят, что брань на воротах не виснет. Нет, что-то виснет, и на это обычно делается расчет. Ну хорошо, раз уж волна такая, раз уж избавились от «старшего брата», да переходите на любое письмо. Но не пожалеть бы потом! К примеру возьмем румынский или совсем недавний молдавский переход с кириллицы на латиницу. И что же? Вернулись к малобуквенному древнеримскому письму? Нет же, опять вынуждены были вымучивать свои версии и варианты. А ведь за спиной и у тех, и у других многие века православной кириллической письменности. Нет, взяли и перечеркнули одним махом бóльшую (с ударением на «о») часть своей национальной письменной истории.

Ю.Л.: А теперь и болгары горячо дебатировать вопрос о переводе своего письма на латиницу. И это братушки-болгары, которые для нас были в течение десятилетий образцом верности Кирилло-Мефодиевскому наследию. И которые в пылу национального восторга заявляли, что староболгарское письмо простирается от Ядрана, то есть Адриатики, до Тихого океана. Вот уж где парадокс и даже насмешка над собственной историей.

О.Т.: По-моему, это обречено на неуспех, как и всякое проявление местного невежества и какой-то поверхностной самостоятельности, не по-болгарски будет сказано.

Ю.Л.: Но все же хочется надеяться на благоразумие болгарского большинства. Потому что, я уверен, в Болгарии, как и у нас, ненавистники кириллицы составляют ничтожное, пусть и крикливое, меньшинство. Оно покушается что-то предпринимать лишь в расчете на то, что большинство равнодушно отмолчится, как те пироги в Рязани, что с глазами: их едят, а они глядят.

Если продолжать в духе этой рязанской присказки, то алфавитные глобализаторы покушаются поглотить, ни много ни мало, и всю русскую литературу на громадном пространстве от митрополита Илариона и Аввакума до Пушкина, Достоевского, Шолохова и Валентина Распутина. Но любопытно, как тот же Арутюнов управится хотя бы с «Войной и миром», где автор намеренно и обильно вводил на латинице французскую и немецкую речь, — но это же художественно оправдано. Об одного лишь Толстого такие глобализаторы обломают зубки.

О.Т.: Да, во всех этих посягательствах, и заявленных вслух, и еще, похоже, припасаемых для более удобного момента, просматривается какое-то мертвенное неуважение к великим культурным традициям православного славянства и народов, обретших письменность сравнительно недавно или совсем недавно на основе той же нашей работающей и щедрой кириллицы. То есть, худшего варианта глобализации, если это она и если это одно из ее проявлений, трудно было бы придумать. Могу ответственно сказать, что все эти досужие разговоры о преимуществах латиницы и о ее совершенстве есть не что иное, как новейший культурный, а правильной сказать, антикультурный миф. Глобализация, не успев еще внятно обозначить на мировой сцене свои подлинные намерения, уже оборачивается массовым обманом и мифотворчеством.

«Новая книга России», 2002

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лоциц Ю. М. Человек словаря</i>	3
Русь. Россия	9
Меняющийся мир и вечные слова.....	12
Слово о «Русской энциклопедии» и некоторых «библейских» энциклопедических статьях.....	18
Мы — народ софийный.....	32
Русская энциклопедия	36
Русь. Россия. <i>Очерк этимологии названия</i>	42
Русский — российский. <i>История, динамика, идеология двух атрибутов нации</i>	48
Русский языковой союз	58
О языковом союзе и еще кое о чем.....	61
Образованный ученый	67
Путешествие за словом. <i>Беседа академика О. Н. Трубочёва и владыки Игнатия, епископа Петропавловского и Камчатского</i>	88
Латиница: реальность и мифы. <i>Беседуют академик Олег Трубочёв и писатель Юрий Лоциц</i>	103

Методическое пособие
для образовательных учреждений и библиотек г. Волгограда

ТРУБАЧЁВ О. Н.
Меняющийся мир и вечные слова
сборник статей

Составители Г. В. Егорова,
Е. Г. Дмитриева, И. А. Сафонова

Верстка О. Шматова

Подписано в печать 19.10.2009. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 2,62.
Уч.-изд. л. 2,44. Тираж 500 экз. Заказ ____.

Отпечатано ООО «Царицынская полиграфическая компания»
400137, г. Волгоград, б-р 30-летия Победы, 11а
тел. (8442) 39-40-13